

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Анна Ахматова
Я научилась просто, мудро жить

ДАЛ ТЫ МНЕ МОЛОДОСТЬ ТРУДНУЮ

...Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю...
...В один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь – 23 июня (Midsummer Night). Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой.

...Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота.
Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село.
Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...

Анна Ахматова, Из «Автобиографической прозы»

Аня Горенко. 1900 г. Севастополь.

В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет, в разлинованной красным маминой книжке, для записывания хозяйственных расходов (1900 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть ли не двухлетним ребенком...

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Музыкальный вокзал в Павловске.

Запахи Павловского вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый – дым от допотопного паровозика, который меня привез... парк, salon de musique (который называли «солёный мужик»), второй – натертый паркет, потом что-то пахло из парикмахерской, третий – земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый – резеда и розы (прохлада в духоте), свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски...

Первое стихотворение я написала, когда мне было 11 лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой»...

...Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Царское Село. Лицейский флигель.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

Анна Ахматова, Из «Автобиографической прозы» Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жженым кофе. Там часто были высокие

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
зеркала, иногда ковры. Ни в одном петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так называемый «черный ход» (ныне, в основном, ставший единственным) – там, действительно, могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь. Например, блинами на Масляной, грибами и постным маслом в Великом посту, невской корюшкой – в мае. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли дверь на черную лестницу – «чтобы выпустить чад» (это так и называлось), но все же черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками.

Анна Ахматова, Из «Автобиографической прозы»

Так выглядел Невский проспект в последний год календарного девятнадцатого века, когда отец привозил десятилетнюю Аню Горенко из Царского Села в Петербург, чтобы сводить на выставку или в театр (Андрей Антонович Горенко был заядлым театралом).

Семья Горенко. И. Э. Горенко, А. А. Горенко, на руках Рика, Инна, Анна, Андрей. Около 1894 г.

Брак родителей Анны Ахматовой – Инны Эразмовны Стоговой и Андрея Антоновича Горенко – не был счастливым. Андрей Антонович, красавец и бонвиван, жил в свое удовольствие, не считая, тратил женины, полученные в приданое деньги, не обделял вниманием ни одной хорошенькой молодой женщины. Инна Эразмовна, мучаясь равнодушием мужа и к ней, и к детям, жила как во сне. А дети один за другим заболели туберкулезом. От злой чахотки угасла рано вышедшая замуж Инна (1886–1906). Ирина, по-домашнему Рика, умерла ребенком, в 1896 году. Затем заболели и старший, Андрей, и Анна, и Ия. Анна выздоровела (Ахматова считала, что с туберкулезом ей помогла справиться увеличенная щитовидная железа), а Ия – умерла, на руках у матери, в Севастополе. Инна Эразмовна обезумела, сраженная горем и крайней степенью нищеты, ей не в чем было похоронить дочь, не было даже рубашки! В 1922-м она перебралась из Севастополя к своей старшей сестре Анне Вакар, под Киев; имение Вакаров было конфисковано, но крестьяне пожалели бедных господ и разрешили им жить в бывшей сторожке лесника. В 1927-м младший сын Виктор, в то время он жил на Дальнем Востоке, вызвал мать к себе.

Анна Андреевна, хотя в семье ее считали отцовой дочкой (за высокий рост, осанку, не женский четкий ум), многое унаследовала и от матери: светлые глаза при темных, очень густых волосах и ресницах, непрактичность, а главное, доброту.

Инна Эразмовна Горенко, урожденная Стогова. Мать А. А. Ахматовой.
Эскиз к портрету молодой матери, видимо, накануне замужества, Анна Ахматова набросала в одной из «Северных элегий»:

И женщина с прозрачными глазами (Такой глубокой синевы, что море нельзя не вспомнить, поглядевши в них).....С редчайшим именем и белой ручкой, И добротой, которую в наследствоя от нее как будто получила, ненужный дар моей жестокой жизни... В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу... Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году... Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера.

Семья Горенко. 1909 г. Слева направо: Анна, Андрей (брат), Инна Эразмовна (мать), Виктор (брат), Ия (сестра).

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.
Анна Ахматова, Из «Автобиографической прозы»

Андрей Горенко (старший брат Ахматовой).
Анна с детства была очень дружна со старшим братом. Тут была не только родственная приязнь, но и глубокое духовное родство. Дружил с Андреем Андреевичем и Николай Гумилев. По странному стечению обстоятельств, именно Николай Степанович сообщил Ахматовой о смерти любимого брата (Андрей Горенко покончил с собой в 1920 году, в Афинах, после того, как умер его единственный ребенок).

В молодости Анна Ахматова не любила ни вспоминать, ни рассказывать о своем отнюдь не розовом детстве. Не любила и ранних стихов, они казались ей чудовищными. Настолько чудовищными, что однажды она их сожгла, пощадив лишь несколько стихотворений, посвященных Николаю Гумилеву. Потом, правда, пожалела и попыталась восстановить по памяти сожженные строки.

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Всю ночь не давали заснуть, Говорили тревожно, звонко, Кто-то ехал в далекий путь, Увозил больного ребенка. А мать в полутемных сенях Ломала иссохшие пальцы долго искала впотьмах Чистый чепчик и одеяльце. 1909(?), Киев То, что любую нужную и повседневную вещь в их безалаберном доме искали долго и находили с трудом, Анна отметила с недетской зоркостью. Одна из приятельниц Андрея Антоновича Горенко свидетельствует:

«Странная это была семья... Куча детей. Мать, богатая помещица, добрая, рассеянная до глупости, безалаберная, всегда думавшая о чем-то другом... В доме беспорядок. Едят когда придется, прислуги много, а порядка нет. Гувернантки делали, что хотят. Хозяйка бродит, как сомнамбула. Как-то, при переезде в другой дом, она долго носила в руках толстый пакет с процентными бумагами на несколько десятков тысяч рублей и в последнюю минуту нашла для него подходящее место – сунула пакет в детскую ванну, болтавшуюся позади воза. Когда муж узнал об этом, он помчался на извозчике догонять ломового. А жена с удивлением смотрела, чего он волнуется, да еще и сердится».

Анна Горенко – гимназистка. 1904 г. Царское Село.

Анна, в детстве сильно привязанная к отцу, в отрочестве была целиком на стороне матери.

«...С Аней мы познакомились в Гунгербурге, довольно модном тогда курорте близ Нарвы. Аня была худенькой стриженной девочкой, ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкнутой.

Дружба пришла позже, когда мы жили в одном и том же доме в Царском Селе, близ вокзала, на углу Широкой улицы и Безымянного переулочка.

Аня писала стихи и очень изменилась внутренне и внешне. Стала стройной, с прелестной хрупкой фигурой, с черными, длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с большими светлыми глазами, странно выделявшимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц. Она была неутомимой скиталицей-пешеходом, лазала как кошка и плавала как рыба».

В. С. Срезневская (в девичестве Тюльпанова), Из воспоминаний

* * *

Ночь моя – бред о тебе, День – равнодушие: пусть! Я улыбнулась судьбе, Мне посылающей грусть. Тяжек вчерашний угар, Скоро ли я догорю, Кажется, этот пожар Не превратится в зарю. Долго ль мне биться в огне, Дальнего тайно клянью?... В страшной моей западне Ты не увидишь меня. 1909, Киев

ЗАБЫТОЕ ЧЕТВЕРОСТИШЕ

Глаза безумные твои и ледяные речи, И объяснение в любви Еще до первой встречи. 1909(?)

* * *

Пестро вертится карусель, И какие-то новые дети Из еще не бывших столетий Украшают в Сочельник ель. Из черногого варианта «Поэмы без героя» «С Колей Гумилевым Аня познакомилась в Сочельник... Мы вышли из дому, Аня и я с моим младшим братом, прикупить какие-то украшения для елки, которая всегда бывала у нас в первый день

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Рождества. Около Гостиного двора мы встретились с мальчиками Гумилевыми...
Встретив их на улице, мы дальше пошли уже вместе, я с Митей, Аня с Колей, за
покупками».

В. С. Срезневская, Из воспоминаний Валерия Срезневская, в ту пору еще Валечка
Тюльпанова, видимо, была не совсем в курсе дела, утверждая, что Коля в тот
Сочельник впервые увидел Аню Горенко. Судя по стихотворению Ахматовой, где она
говорит об «объяснении в любви еще до первой встречи», Гумилев, гимназист 7-го
класса, еще раньше обратил внимание на подружку Валечки – зеленоглазую,
черноволосую, сказочной гибкости и худобы грустную диковатую девочку – и, не
зная ее имени, окрестил русалкой.

Встречу в Сочельник 1903 года никогда не забывал и Николай Гумилев, несмотря на
все свои многочисленные любовные приключения. В плане книги о Николае Гумилеве,
человеке и поэте, которую Ахматова не успела окончить, глава о начале их
отношений обозначена так: «Дафнис и Хлоя (Царско<сельская>
ид<илия>)».

Константин Сомов. Дафнис и Хлоя.

Дафнис и Хлоя – образ из посвященного Ахматовой стихотворения Гумилева –
«Современность» (1911).

СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна. На губах трепетало последнее слово. Что-то ярко
светило – фонарь или луна, и медлительно двигалась тень часового. Я так часто
бросал испытующий взор так много встречал отвечающих взоров, Одиссеев во мгле
пароходных контор, Агамемнонов между трактирных маркеров. Так, в далекой Сибири,
где плачет пурга, застывают в серебряных льдах мастодонты, их глухая тоска там
колышет снега, красной кровью – ведь их – зажжены горизонты. Я печален от книги,
томлюсь от луны, может быть, мне совсем и не надо героя... Вот идут по аллее, так
странно нежны, гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.
ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь, А за ним голубела река. Ты сказал мне: «Ну что
ж, иди в монастырь или замуж за дурака...» Принцы только такое всегда говорят, Но я
эту запомнила речь, – Пусть струится она сто веков подряд Горностаевой мантией с
плеч [1]. 1909 (1945), Киев

2

И как будто по ошибке сказала: «Ты...» Озарил тень улыбки милые черты. От подобных
оговорок всякий вспыхнет взор... Я люблю тебя, как сорок ласковых сестер. 1909
(1945?), Киев

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКИ

А княгиня моя, где захочет жить, Пусть будет ей вольная воля, А мне из могилы за
тем не следить, Из могилы среди чистого поля. Я ей завещаю все серебро [2]
,... 1909(?)

* * *

И когда друг друга проклинали в страсти, раскаленной добела, Оба мы еще не
понимали, Как земля для двух людей мала, И что память яростная мучит, Пытка сильных
– огненный недуг! И в ночи бездонной сердце учит спрашивать: о, где ушедший друг? А
когда, сквозь волны фимиама, Хор гремит, ликуя и грозя, Смотрят в душу строго и
упрямо Те же неизбежные глаза. 1909

* * *

То ли я с тобой осталась, То ли ты ушел со мной, Но оно не состоялось, Разлученье,
ангел мой! И не вздох печали томной, Не затейливый укор, Мне внушает ужас
темный Твой спокойный ясный взор. 1909

* * *

Сладок запах синих виноградин... Дразнит опьяняющая даль. Голос твой и глух и
безотраден. Никого мне, никого не жаль. Между ягод сети-паутинки, Гибких лоз стволы
еще тонки, Облака плывут, как льдинки, льдинки в ярких водах голубой реки. Солнце в
небе. Солнце ярко светит. Уходи к волне про боль шептать. О, она наверное
ответит, А быть может, будет целовать. 16 января 1910, Киев

* * *

Н. С. Г<умилеву>

Je n'aurai pas l'honneur sublime De donner mon nom a l'abome Qui me servira de
Tombeau. Baudelaire [3]

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

1

Пришли и сказали: «Умер твой брат [4] !»...Не знаю, что это значит. Как долго сегодня холодный закат
Над крестами лаврскими плачет...

2

Брата из странствий вернуть могу, Любимого брата найду я, Я прошлое в доме моем берегу,
Над прошлым тайно колдую. «Брат! дождалась я светлого дня. В каких скитался ты странах?»
«Сестра, отвернись, не смотри на меня, Эта грудь в кровавых ранах». «Брат, эта грусть – как кинжал остра,
Отчего ты словно далёко?» «Прости, о прости, моя сестра, Ты будешь всегда одинока». 25 января 1910, Киев

* * *

Жарко веет ветер душный, Солнце руки обожгло. Надо мною свод воздушный, Словно синее стекло;
Сухо пахнут иммортели в разметающейся косе. На стволе корявой ели Муравьиное шоссе.
Пруд лениво серебрится, Жизнь по-новому легка... Кто сегодня мне приснится в пестрой сетке гамака? Январь 1910, Киев

* * *

Если в небе луна не бродит, А стынет – ночи печать... Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать. В шкатулке резного дуба Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубошаги закованных ног. Сверяет часы свиданий и подписей
смутный узор. Разве мало ему страданий, что вынес он до сих пор? 1910-е годы

Валерия Сергеевна Срезневская (Тюльпанова).

* * *

В. Срезневской

Жрицами божественной бессмыслицы Назвала нас дивная судьба, Но я точно знаю – нам зачислят
ся Бденья у позорного столба, И свиданье с тем, кто издевается, И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда – он начинается, Наш кроваво-черный карнавал. 1910-е годы, Царское Село
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча с обеих сторон. Вот и вторая свеча Гаснет, и крик ворон
становится все слышней. Я эту ночь не спала, Поздно думать о сне... Как нестерпимо
белаштора на белом окне. Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд, Те же волосы льняные. Все как год тому назад. Сквозь
стекло лучи дневные Известь белых стен пестрят... Свежих лилий ароматы слова твои
простые. 1909 или весна 1910

Николай Гумилев, 1910-е годы

Анна Ахматова. 1910-е годы

Бесконечное жениховство Николая Степановича и мои столь же бесконечные отказы, наконец,
утомили даже мою кроткую маму и она сказала мне с упреком: «Невеста невестная»,
что показалось мне кощунством. Почти каждая наша встреча кончалась моим отказом
выйти за него замуж.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»
Письма Анны Горенко к Сергею фон Штейну

1906–1910

В год своего замужества (апрель 1910), прощаясь со старой жизнью и уверив себя,
что Гумилев – ее судьба, Анна уничтожила не только детские стихи, но и переписку.
По чистой случайности, сохранились десять писем к Сергею фон Штейну, мужу ее старшей,
рано (в 1906 году) умершей сестры Инны. Если бы не эти полудетские письма, мы бы почти
ничего и не узнали о необычайно важной в судьбе Анны поре: от лета 1905-го до весны
1910-го.

2

1906 г., Киев

... Знаете, милый Сергей Владимирович, я не сплю уже четвертую ночь. Это ужас, такая бессонница. Если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда. Умереть легко. Говорил Вам Андрей, как я в Евпатории вешалась на гвоздь и гвоздь выскочил из известковой стенки? Мама плакала, мне было стыдно – вообще, скверно. Стихов не пишу. Стыдно. Да и зачем?

Ваша Аннушка

4

<январь 1907 г.>, Киев

Милый Сергей Владимирович... Может быть, и Вы больны, что так упорно молчите. Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных...

Я верю, что Вы хороший, настоящий друг, хотя Вы как никто знаете меня.

Ecrivez [5] .

Аня

5

2 февраля 1907 г., Киев

Милый Сергей Владимирович... я решила сообщить Вам о событии, которое должно коренным образом изменить мою жизнь... Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните у В. Брюсова:

Сораспята на муку, враг мой давний и сестра, дай мне руку! дай мне руку! меч взнесен. Спешу. Пора. И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог...

Не говорите никому о нашем браке. Мы еще не решили, ни где, ни когда это произойдет. Это – тайна, я даже Вале ничего не писала.

Ваша Аня

P.S. Не издает ли А. Блок новые стихотворения – моя кузина его большая поклонница.

Нет ли у Вас чего-нибудь нового Н. С. Гумилева? Я совсем не знаю, что и как он теперь пишет, а спрашивать не хочу.

6

<февраль 1907 г.>, Киев

Мой дорогой Сергей Владимирович, я еще не получила ответа на мое письмо и уже снова пишу. Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне – я так безумно счастлива. Он пишет мне непонятные слова, и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Всякий раз, как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недомогание. Это от страстности моего характера, не иначе. Он так любит меня, что даже страшно. Как Вы думаете, что скажет папа, когда узнает о моем решении? Если он будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nicolas...

Скорее бы кончить гимназию и поехать к маме. Здесь душно!

Целую Вас, мой дорогой друг.

Аня

7

11 февраля 1907 г., Киев

Мой дорогой Сергей Владимирович...

Сегодня Наня [6] купила II-й сборник стихов Блока. Очень многие вещи поразительно напоминают В. Брюсова. Напр., стих «Незнакомка», стр. 21, но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением. Под моим влиянием кузина выписывает «Весы», в этом году они очень интересны... Если бы Вы знали, мой дорогой Сергей Владимирович, как я Вам благодарна за то, что Вы ответили мне. Я совсем пала духом, не пишу Вале и жду каждую минуту приезда Nicolas. Вы ведь знаете, какой он безумный, вроде меня...

Аня

8

Киев, 13 марта 1907 г.

Мой дорогой Сергей Владимирович, я прочла Ваше письмо, и мне стало стыдно за свою одичалость. Только вчера я достала «Жизнь человека», остальных произведений, о которых Вы пишете, я совсем не знаю. Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам. Но я вечная скиталица по чужим грубым и грязным городам, какими были Евпатория и Киев, будет Севастополь, я давно потеряла надежду. Живу отлетающей жизнью так тихо, тихо. Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или А. Блока. У нее к нему какая-то особенная

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души...Мое стихотворение «На руке его много блестящих колец» напечатано во 2-м номере «Сириуса», может быть, в 3-м появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории. Но я послала его слишком поздно и сомневаюсь, чтобы оно было напечатано...

Зачем Гумилев взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес, и все понапрасну. Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает!

Пишите непременно.

Аннушка

9

<1907>, Севастополь

Дорогой Сергей Владимирович, хотя Вы прекратили со мной переписку весной этого года, у меня все-таки явилось желание поговорить с Вами.

Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез. Мне кажется, что я переживаю то же, что Инна, и теперь ясно понимаю состояние ее духа. Так как я скоро собираюсь покинуть Россию очень надолго, то решаю побеспокоить Вас просьбой прислать мне что-нибудь из Инниних вещей на память о ней. Тетя Маша хотела бы передать мне дедушкин браслет, который был у Инны, и если Вы исполните ее просьбу, я буду Вам бесконечно благодарна. Но дело осложняется тем, что это вещь ценная, и я очень боюсь, как бы Вы не подумали, что я хочу иметь украшение, а не память. Вы так давно не видели меня, и Вам может показаться, что я пускаюсь на аферу. Прошу Вас, Сергей Владимирович, если у Вас явится такая мысль, не присылайте браслета или не отвечайте на это письмо, и тогда я его не хочу. Надеюсь, этого не будет, ведь когда-то мы были друзьями, и если Вы изменились ко мне, то я несколько к Вам.

Не говорите, пожалуйста, никому о моей болезни. Даже дома – если это возможно. Андрей с 5 сентября в Париже, в Сорбонне [7]. Я болею, тоскую и худею. Был плеврит, бронхит и хронический катар легких. Теперь мучаюсь с горлом. Очень боюсь горловую чахотку. Она хуже легочной. Живем в крайней нужде. Приходится мыть полы, стирать.

Вот она, моя жизнь! Гимназию кончила очень хорошо. Доктор сказал, что курсы – смерть. Ну, и не иду – маму жаль.

Увидя меня, Вы бы, наверно, сказали: «Фуй, какой морд».

Sic transit gloria mundi [8] !

Прощайте! Увидимся ли мы?

Аннушка<Открытое письмо с почтовым штемпелем 29 X, 1910 г., Киев>

На днях возвращаюсь в Царское. Напоминаю Вам Ваше обещание навестить меня... О дне сговоримся по телефону.

Жму Вашу руку.

Анна Гумилева в письмах Анны Горенко к Сергею фон Штейну есть пробел: предпоследнее, из Севастополя, датировано 1907 годом, последнее, из Киева, октябрём 1910-го. Попробуем этот пробел заполнить.

Весной 1907-го Гумилев ненадолго, проездом из Парижа в Царское Село (он должен был пройти медицинскую комиссию на предмет освобождения от воинской повинности по причине врожденного астigmatизма, заезжал в Киев.

Как видно из февральских за 1907 год писем к С.В. Штейну, Анна очень ждала этой встречи, уже решив, что выйдет замуж за друга своей юности, была даже готова тайно обвенчаться с ним, если родители будут против. Однако в последующие несколько месяцев в ее жизни что-то случилось. Впрочем, весной 1907-го отношений Хлоя и Дафнис, кажется, не выясняли, договорились, что встретятся осенью, в Крыму. Но и в Крыму они снова поссорились. Эта встреча у самого моря описана в стихотворении Гумилева «Отказ» (сентябрь 1907):

ОТКАЗ

Царица иль, может быть, только печальный ребенок, – Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем, И стан ее стройный и гибкий казался так тонок, Он тайно стремился навстречу серебряным зорям. Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица, И вот перед ней замелькали во влаге дельфины, Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца, Они предлагали свои глянцевиные спины. Но голос хрустальный казался особенно звонок, Когда он упрямо сказал роковое «не надо»... Царица иль, может быть, только капризный ребенок, Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда. Гумилев вернулся в Париж в расстроенных чувствах. Переписка тем не менее продолжалась: он снова и снова предлагал руку и сердце, она то нехотя соглашалась, то не очень решительно полуотказывала. Не выдержав неопределенности, Николай Степанович, втайне от родных, заняв деньги у

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
ростовщиков, приехал в Россию и поставил вопрос ребром: или да или нет. Анна сказала: нет! А что другое она могла сказать теперь, когда наконец-то узнала, что такое любовь? Не страсть, не забава, не полувыведанная влюбленность, а серьезная земная любовь? Много позже, уже после смерти Николая Степановича, она признается Павлу Лукницкому, юному филологу, собиравшему в 20-х годах материалы к биографии Николая Гумилева: «В течение своей жизни любила только один раз. Только один раз. Но как это было... В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила».

Имени человека, от которого Анна Горенко так и не дождалась письма, мы не знаем. Возможно, оно было известно Валерии Тюльпановой, а также Гумилеву. Уже после развода Николай Степанович, несмотря на всю свою гордость, все-таки спросил Анну Андреевну об этом, и она, как свидетельствует Павел Лукницкий, честно и прямо ответила на вопрос. Но тягостное объяснение произошло, напоминая, лишь в 1918-м, а в 1908-м Гумилев только терялся в догадках и какое-то время ревновал свою «русалку» не столько к конкретному мужчине, сколько к ее мечте о «влюбленном принце».

И все-таки Гумилев добился – если не сердца, то руки девушки своей мечты. 25 апреля 1910 года Анна Горенко и Николай Гумилев, после семи лет «жениховства», обвенчались. Венчание состоялось в Николаевской церкви села Никольская слободка, в окрестностях Киева. Место было выбрано женихом не случайно. Николай Мирликийский считался святым покровителем Николая Степановича, и жених, видимо, втайне, не признаваясь себе, надеялся на помощь своего заступника. Понравилась церковь и невесте. Маленькая, бедная, однако нарядная, вся в крестьянских вышивках и сухих цветиках.

Апрельские события 1910 года отражены в четырех стихотворениях Ахматовой, посвященных «свахе» – двоюродной сестре Марии Александровне Змунчилла (Мария, Наничка, хорошо относилась к Гумилеву и сделала все возможное и невозможное, чтобы венчание состоялось): «Синий вечер. Ветры кротко стихли...», «На столике чай, печения сдобные...», «Весенним солнцем это утро пьяно...», «Я написала слова...». Написаны они, правда, осенью, частью в Царском Селе, частью в Киеве, однако повествуют о весне, когда первые розы уже распустились, но дерн так свеж, что кажется изумрудным, о милой домашней суете, хлопотах, связанных с приездом и приемом жениха, которого невеста встречает с охапкой белых левкоев, рассматриванием старинных альбомов, ожиданием целого букета роз, которые вот-вот принесут из оранжереи. Ахматова вообще любила писать о событиях, превращенных в воспоминания. Стирались случайные черты, а неслучайное приобретало точность, не утрачивая яркой сочности.

* * *

Синий вечер. Ветры кротко стихли, Яркий свет зовет меня домой. Я гадаю: кто там? – не жених ли, не жених ли это мой?... На террасе силуэт знакомый, Еле слышен тихий разговор. О, такой пленительной истомы не знала до сих пор. Тополя тревожно прошуршали, Нежные их посетили сны. Небо цвета вороненой стали, Звезды матово-бледны. Я несу букет левкоев белых. Для того в них тайный скрыт огонь, Кто, беря цветы из рук несмелых, Тронет теплую ладонь. Сентябрь 1910, Царское Село

* * *

Я написала слова, что долго сказать не смела. Тупо болит голова, Странно немеет тело. Смолк отдаленный рожок, В сердце все те же загадки, Легкий осенний снежок лег на крокетной площадке. Листьям последним шуршать! Мыслям последним томиться! Я не хотела мешать Тому, кто привык веселиться. Милым простила губамя их жестокую шутку... О, вы приедете к нам Завтра по первопутку. Свечи в гостиной зажгут, Днем их мерцанье нежнее, Целый букет принесут Роз из оранжереи. Октябрь 1910, Царское Село

* * *

Весенним солнцем это утро пьяно, И на террасе запах роз слышней, А небо ярче синего фаянса. Тетрадь в обложке мягкого сафьяна; Читаю в ней элегии и стансы, Написанные бабушке моей. Дорогу вижу до ворот, и тумбы белеют четко в изумрудном дерне, О, сердце любит сладостно и слепо! И радуют изысканные клумбы, И резкий крик вороны в небе черной, И в глубине аллеи арка склепа. 2 ноября 1910, Киев

* * *

На столике чай, печения сдобные, в серебряной вазочке драже. Подобрала ноги, села удобнее, Равнодушно спросила: «Уже?» Протянула руку. Мои губы дотронулись до холодных гладких колец. О будущей встрече мы не условились. Я знал, что это конец. 9 ноября 1910 Киев С теми же предсвадебными днями связано и стихотворение «Старый портрет», подаренное Анной художнице Александре Александровне Экстер, приятельнице Гумилева и хорошей знакомой М.А. Змунчилла.

СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

А. А. Экстер

Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама; Негр за тобой с голубым
опахалом, Стройная белая дама. Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо; Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма. Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале... В чьих это пальцах дрожала
палитра, в этом торжественном зале? И для кого эти жуткие губы
стали смертельной отравой? Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво. Осень 1910, Киев Старый
портрет – это как бы старинное парадное зеркало, в котором в полный рост
отразилась замужняя Анна, вчера еще «дикая девочка», а сегодня «стройная дама» в
белом венчальном платье. Наничка и Александра Экстер позаботились и о туалетах
новобрачной, чтоб и по моде, и к лицу, ведь жених вместо свадебного подарка
преподнес своей «Аннушке» путешествие в Париж. Подарок кажется очень уже
нерасчетливым, но на самом-то деле в те времена комната и еда во Франции, и даже
в Париже, были чуть ли не вдвое дешевле, чем в России: предвоенный Петербург был
самым дорогим городом в Европе.

Парижское кафе. 1910-е годы.

...И мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще
не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в
Taverne de Panthyon два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут –
большевики, а там – меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то
штаны (jupes-culottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravées). Стихи были в
полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных
художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую
поэзию.

Анна Ахматова, «Коротко о себе»... На север я вернулась в июне 1910 года. Царское
после Парижа показалось мне совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но
куда за пять лет провалилась моя царскосельская жизнь? Не застала там я ни одной
моей соученицы по гимназии и не переступила порог ни одного царскосельского
дома. Началась новая петербургская жизнь.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»... Переехав в Петербург, я училась на Высших
историко-литературных курсах Раева...

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я
была поражена и читала ее, забыв все на свете.

Анна Ахматова, «Коротко о себе»... Верстку «Кипарисового ларца» принес Анне
Гумилев. Перед самым отъездом в Африку. Он стал готовиться к очередному
путешествию, едва вернулся из Франции и, еле дождавшись осени (22 сентября
1910), укатил в Абиссинию. В конце ноября добрался до Аддис-Абебы, там и
встретил 1911 год, так что в свой первый замужний год Анна осталась «соломенной
вдовушкой».

Николай Степанович перед венчанием предупредил невесту, что сидеть у камина и
смотреть с тоской, как печально камин догорает, не намерен, и она от чистого
сердца пообещала, что будет отпускать его и в Африку и хоть на край света, как
только он того захочет. Но вот того, что ее пленник захочет воли так скоро,
всего через несколько месяцев после свадьбы, конечно же, и допустить не могла.
Больше того, Николай Степанович, так долго добивавшийся от нее согласия именно
на брак, иных отношений он и в мыслях не допускал, оказался совершенно
непригодным к семейной жизни. Вскоре после его отъезда в Африку «полуброшенная
новобрачная» написала такие стихи:

* * *

Он любил три вещи на свете: За вечерней пенье, белых павлинови стертые карты
Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чая с малиной женской истерики.... А
я была его женой. 9 ноября 1910, Киев Видимо, вскоре после отъезда Гумилева, как
шило из мешка, вылезла и еще одна неприятная новость. Уже летом, в Слепневе,
Анна Андреевна с некоторым удивлением наблюдала за открытыми ухаживаниями мужа
за молоденькой кузиной, точнее, двоюродной племянницей Машенькой
Кузьминой-Караваевой, которую Гумилев знал с детства. Машенька за годы,
проведенные Николаем Степановичем за границей, превратилась в настоящую русскую
красавицу, светловолосую, с чудесным цветом лица. Но особенного значения им не
придала, решив, видимо, что Коля просто разыгрывает роль влюбленного, чтобы

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru отвлечь девушку от мрачных мыслей: у Машеньки, несмотря на цветущий внешний вид, была чухотка (она скончалась в самом начале 1912 года в Италии). Однако домашняя служба новостей довела до сведенья Анны, что ее муж влюблен в прелестную барышню Кузьмину-Караваеву всерьез. Коротая соломенное вдовство, Анна Андреевна старалась как можно меньше бывать дома. То уезжала к родным в Киев, то в гости к отцу в Петербург, после замужества их отношения как-то незаметно потеплели; отец старел, старела и его «адмиральша» и уже не вызвала в Анне мучительной неприязни. Возвращалась поздно и одна. Вокзал и царскосельский поезд был своеобразным клубом знакомств.

Завелись интересные знакомства и у Анны Гумилевой: в поезде соломенная вдовушка однажды разговорилась с Николаем Пуниным, через десять лет она станет его гражданской женой, и брак этот окажется самым длительным из ее замужеств; на вокзале, опоздав на поезд, прочтет Георгию Чулкову свои первые настоящие стихи. В ту же зиму в том же поезде приворожит и Николая Недоброво, через четыре года Николай Владимирович напишет о поэзии Ахматовой первую серьезную критическую статью.

Словом, жизнь все-таки делала пусть и маленькие, но приятные подарки. Но лучше ей не становилось. Анна чувствовала себя не только полуброшенной, но растерянной. Вот какой запомнил ее Георгий Иванович Чулков:

«Однажды на вернисаже выставки „Мира Искусства“ я заметил высокую стройную сероглазую женщину, окруженную сотрудниками „Аполлона“. Меня познакомили. Через несколько дней был вечер Федора Сологуба. Часов в одиннадцать я вышел из Тенишевского зала. Моросил дождь. И характернейший петербургский вечер окутал город своим синеватым волшебным сумраком. У подъезда я встретил опять сероглазую молодую даму. В петербургском вечернем тумане она похожа была на большую птицу, которая привыкла летать высоко, а теперь влачит по земле раненое крыло».

Г. Чулков

В тот же вечер, продолжает Г. Чулков, он и Ахматова, возвращаясь в Царское Село, опоздали на поезд и, чтобы скоротать время, сели на вокзале за столик:

«Среди беседы моя новая знакомая сказала, между прочим:

– А вы знаете, что я пишу стихи?»

Полагая, что это одна из многих тогдашних поэтесс, я рассеянно и равнодушно попросил ее прочесть что-нибудь. Она стала читать стихи, какие потом вошли в ее первую книжку «Вечер».

Первые же строфы, услышанные мною из ее уст, заставили меня насторожиться.

– Еще!... Еще!... Читайте еще, – бормотал я, наслаждаясь новой своеобразною мелодией, тонким и острым благоуханием живых стихов... Вскоре мне пришлось уехать в Париж на несколько месяцев. Там, в Париже, я опять встретил Ахматову. Это был 1911 год».

Г. И. Чулков, «Годы странствий»Вернувшись насовсем в родное Царское Село, Анна Андреевна писала о том, о чем не умела написать, когда жила здесь до семейной катастрофы: об игрушечных лошадках, о мраморных красавицах в царскосельских парках, о лицеисте Пушкине... Словно переиначивала совсем не розовое свое детство, грубо исковерканное «изменой» отца и смертью старшей сестры Инны. Словно спасалась от трудной своей юности с тяжелой, безответной любовью. Словно пряталась от мыслей о том, что ничем не может помочь матери, у которой на руках двое малышей. Даже став замужней дамой, не может: Николай Степанович практически ничего не зарабатывал, а тратил (на африканские путешествия и издания стихотворных сборников за свой счет) куда больше того, что Анна Ивановна Гумилева могла выкроить для любимого сына из семейного бюджета.

Анна Ахматова. 1910-е годы

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен, Торжественно гудят колокола, И снова дух смятен и потревожен Истомной скукой Царского Села. Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо, Как будто мира наступил конец. Как навсегда исчерпанная тема, В смертельном сне покоится дворец. Осень 1910, Царское Село

* * *

..Хочешь знать, как всё это было? –Три в столовой пробило,и прощаясь, держась за перила,Она словно с трудом говорила:«Это всё... Ах нет, я забыла,Я люблю Вас, я Вас любилаЕще тогда!»«Да?!»29 октября 1910, Киев

К. Сомов. Фрагмент обложки книги «Театр»

МАСКАРАД В ПАРКЕ

Луна освещает карнизы,Блуждает по гребням реки...Холодные руки маркизыТак ароматно-легки.«О принц! – улыбаясь присела, –В кадрили вы наш vis-a-vis» [9] , –и томно под маской бледнелаОт гжучих предчувствий любви.Вход скрыл серебрящийся топольи низко спадающий хмель.«Багдад или Константинополья Вам завоюю, ma belle!» [10] «Как вы улыбаетесь редко,Вас страшно, маркиза, обнять!»Темно и прохладно в беседке.«Ну что же! пойдем танцевать?»Выходят. На вязах, на кленахЦветные дрожат фонари,Две дамы в одеждах зеленыхС монахами держат пари.И бледный, с букетом азалий,Их смехом встречает Пьеро:«Мой принц! О, не вы ли сломалиНа шляпе маркизы перо?»6 ноября 1910, Киев

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!Умер вчера сероглазый король.Вечер осенний был душен и ал,Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:«Знаешь, с охоты его принесли,Тело у старого дуба нашли.Жаль королеву. Такой молодой!...За ночь одну она стала седой».Трубку свою на камине нашли на работу ночную ушел.Дочку мою я сейчас разбужу,В серые глазки ее погляжу.А за окном шелестят тополя:«Нет на земле твоего короля...»11 декабря 1910, Царское Село

* * *

Сжала руки под темной вуалью...«Отчего ты сегодня бледна?»– Оттого что я терпкой печальюНапоила его допьяна.Как забуду? Он вышел, шатаясь,Искавился мучительно рот...Я сбежала, перил не касаясь,Я бежала за ним до ворот.Задыхаясь, я крикнула: «ШуткаВсе, что было. Уйдишь, я умру».Улыбнулся спокойно и жуткой сказал мне: «Не стой на ветру».8 января 1911, Киев

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,Что только раз рождаются в душе.Жужжит пчела на белой хризантеме,Так душно пахнет старое саше.И комната, где окна слишком узки,Хранит любовь и помнит старину,А над кроватью надпись по-французскиГласит: «Seigneur, ayez pitie de nous» [11] .Ты сказки давней горестных заметок,Душа моя, не тронь и не ищи...Смотрю, блестящих севрских статуэтокПомеркли глянцевитые плащи.Последний луч, и желтый и тяжелый,Застыл в букете ярких георгин,И, как во сне, я слышу звук виолыи редкие аккорды клавесин.21 января 1911, Киев

АЛИСА

1

Всё тоскует о забытом,О своем весеннем сне,Как Пьеретта о разбитомЗолотистом кувшине...Все осколки собрала,Не умела их сложить...«Если б ты, Алиса, знала,Как мне скучно, скучно жить!Я за ужином зеваю,Забываю есть и пить,Ты поверишь, забываюдаже брови подводить.О Алиса! дай мне средство,Чтоб вернуть его опять;Хочешь, все мое наследство,Дом и платье можешь взять.Он приснился мне в короне,Я боюсь моих ночей!»У Алисы в медальонеТемный локон – знаешь чей?!22 января 1911, Киев

2

«Как поздно! Устала, зеваю...»«Миньона, спокойно лежи,Я рыжий парик завиваюдля стройной моей госпожи.Он будет весь в лентах зеленых,А сбоку жемчужный аграф;Читала записку: «У кленая жду вас, таинственный граф!»Сумеет под кружевом маскиЛукавая смех заглушить,Велела мне даже подвязкиСегодня она надуть».Луч утра на черное платьеСкользнул, из окошка упав...«Он мне открывает объятияПод кленом, таинственный граф».23 января 1911, Киев

* * *

Память о солнце в сердце слабеет.Желтей трава.Ветер снежинками ранними веетЕдва-едва.В узких каналах уже не струится –Стынет вода.Здесь никогда ничего не случится, –О, никогда!Ива на небе пустом расплсталаВеер сквозной.Может быть, лучше, что я не сталавашей женой.Память о солнце в сердце слабеет,Что это? Тьма?Может быть!... За ночь прийти успеетЗима.30 января 1911, Киев

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,Не зажигала свеч,Не знаешь, как, усталая,Я не решалась лечь.Смотреть, как гаснут полосыВ закатном мраке хвой,Пьянея звуком голоса,Похожего на твой.И знать, что всё потеряно,Что жизнь – проклятый ад!О, я

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
была уверена, что ты придешь назад. 6 февраля 1911, Царское Село
* * *

Как соломинкой, пьешь мою душу. Знаю, вкус ее горек и хмелен. Но я пытку мольбой
не нарушу. О, покой мой многонеделен. Когда кончишь, скажи. Не печально, что души
моей нет на свете. Я пойду дорогой недалей. Посмотреть, как играют дети. На кустах
зацветает крыжовник, и везут кирпичи за оградой. Кто ты: брат мой или любовник, я
не помню, и помнить не надо. Как светло здесь и как бесприютно, отдыхает усталое
тело... А прохожие думают смутно: Верно, только вчера овдовела. 10 февраля 1911,
Царское Село

* * *

Мне больше ног моих не надо, Пусть превратятся в рыбий хвост! Плыву, и радостна
прохлада, Белеет тускло дальний мост. Не надо мне души покорной, Пусть станет
дымом, легок дым, Взлетев над набережной черной, Он будет нежно-голубым. Смотри,
как глубоко ныряю, Держусь за водоросль рукой, Ничьих я слов не повторяю не
пленюсь ничьей тоской... А ты, мой дальний, неужели стал бледен и печально-нем? Что
слышу? Целых три недели все шепчешь: «Бедная, зачем?!» 12 февраля 1911, Царское
Село

* * *

Дверь полуоткрыта, Ветв липы сладко... На столе забыты хлыстик и перчатка. Круг от
ламп желтый. Шорохам внимаю. Отчего ушел ты? Я не понимаю... Радостно и ясно завтра
будет утро. Эта жизнь прекрасна, Сердце, будь же мудро. Ты совсем устало, Бьешься
тише, глуше... Знаешь, я читала, что бессмертны души. 17 февраля 1911, Царское Село

Иннокентий Анненский

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой, Я простился. Восток голубел. Просто молвила: «Я
не забуду». Я не сразу поверил тебе. Возникают, стираются лица, Мил сегодня, а
завтра далек. Отчего же на этой странице когда-то загнул уголок? И всегда
открывается книга в том же месте. И странно тогда: всё как будто с прощального
мига. Не прошли невозвратно года. О, сказавший, что сердце из камня, Знал наверно:
оно из огня... Никогда не пойму, ты близка мне или только любила меня. 20 февраля
1911

* * *

По аллее проводят лошадок. Длинные волны расчесанных грив. О, пленительный город
загадок, Я печальна, тебя полюбив. Странно вспомнить: душа тосковала, Задыхалась в
предсмертном бреду. А теперь я игрушечной стала, как мой розовый друг какаду. Грудь
предчувствием боли не сжата, Если хочешь, в глаза погляди. Не люблю только час
пред закатом, Ветер с моря и слово «уйди». 30 ноября 1911, Царское Село

* * *

Я пришла сюда, бездельница, всё равно мне, где скучать! На пригорке дремлет
мельница. Годы можно здесь молчать. Над засохшей повиликою Мягко плавают пчела; у
пруда русалку кликаю, А русалка умерла. Затянулся ржавой тиной пруд широкий,
обмелел, Над трепещущей осиною легкий месяц заблестел. Замечаю всё как новое. Влажно
пахнут тополя. Я молчу. Молчу, готовая снова стать тобой, земля. 23 февраля 1911,
Царское Село

* * *

Шелестит о прошлом старый дуб [12] Лунный луч лениво протянулся. Я твоих
благословенных губ никогда мечтою не коснулся. Бледный лоб чадрой лиловой сжат. Ты
со мною. Тихая, больная. Пальцы холодеют и дрожат, Тонкость рук твоих припоминая. Я
молчал так много тяжелых лет. Пытка встреч еще неотвратима. Как давно я знаю твой
ответ: я люблю и не была любима. февраль 1911

А. Ахматова на «гумилевской» скамье. Царское Село. 1926 г. Фотография Н. Пунина.
Две мои фотографии в царскосельск<om> парке (зимняя и летняя) в 20-х годах
сняты на той скамейке, где н<иколай> с<тепанович> впервые сказал
мне, что любит меня (февраль...).

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне, Печаль преступна и напрасна. Я здесь на сером
полотне возникла странно и неясно. Взлетевших рук излом больной, В глазах улыбка

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
исступленья, я не могла бы стать иной Пред горьким часом наслажденья. Он так хотел,
он так велел Словами мертвыми и злыми. Мой рот тревожно заалел, И щеки стали
снеговыми. И нет греха в его вине, Ушел, глядит в глаза другие, Но ничего не снится
мне В моей предсмертной летаргии. Февраль 1911 (?)

* * *

Снова со мной ты, о мальчик-игрушка! Буду ли нежной опять, как сестра? В старых
часах притаилась кукушка. Выглянет скоро. И скажет: «Пора». Чутко внимаю бездумным
рассказам. Не научился ты только молчать. Знаю, таким вот, как ты,
сероглазым, Весело жить и легко умирать. Март 1911, Царское Село

* * *

...А там мой мраморный двойник, Поверженный под старым кленом, Озерным водам отдал
лик, Внимает шорохам зеленым. И моют светлые дожди Его запекшуюся рану... Холодный,
белый, подожди, Я тоже мраморную стану. Первая половина 1911

* * *

Я живу, как кукушка в часах, Не завидую птицам в лесах. Заведут – и кукую. Знаешь,
долю такую лишь врагу Пожелать я могу. 7 марта 1911, Царское Село

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе Про любовь пою, На коленях в огороде лебеду пою. Вырываю и
бросаю – пусть простит меня. Вижу, девочка босая Плачет у плетня. Страшно мне от
звонких воплей Голоса беды, Все сильнее запах теплый Мертвой лебеды. Будет камень
вместо хлеба Мне наградой злой. Надо мною только небо, А со мною голос твой. 11
марта 1911, Царское Село

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный, В среду, в три часа! Уколола палец
безымянный Мне звенящая оса. Я ее нечаянно прижала, И, казалось, умерла она, Но
конец отравленного жала Был острой веретена. О тебе ли я заплачу,
странном, Улыбнется ль мне твое лицо? Посмотри! На пальце безымянном Так красиво
гладкое кольцо. 18–19 марта 1911, Царское Село

САД

Он весь сверкает и хрустит, Обледеный сад. Ушедший от меня грустит, Но нет пути
назад. И солнце, бледный тусклый лик – лишь круглое окно; Я тайно знаю, чей
двойник Приник к нему давно. Здесь мой покой на веки взят Предчувствием беды, Сквозь
тонкий лед еще сквозят Вчерашние следы. Склонился тусклый мертвый лик К немому сну
полей, И замирает острый крик Отсталых журавлей. 1911

* * *

Вере Ивановой – Шварсалон

Туманом легкий парк наполнился, И вспыхнул на воротах газ. Мне только взгляд один
запомнился Незнающих спокойных глаз. Твоя печаль, для всех неаявная, Мне сразу
сделалась близка, И поняла ты, что отравная И душная во мне тоска. Я этот день
люблю и праздную, Приду, как только позовешь. Меня, и грешную и праздную, Лишь ты
одна не упрекнешь. Апрель 1911

На переднем плане Вера Константиновна Шварсалон, дочь Лидии Зиновьевой – Аннибал,
и падчерица Вяч. Иванова.

Корней Чуковский, впервые увидевший Анну Ахматову на литературном вечере в доме
поэта Вяч. Иванова в 1911 году, запомнил ее робкой и застенчивой девочкой, ни на шаг
не отходившей от своего мужа. Напряженно и застенчиво держалась в этой
самоуверенной компании и падчерица хозяина Вера, очень молчаливая светловолосая
девушка с античным профилем. Видимо, Анна Андреевна почувствовала именно в ней
«родную душу». Вскоре после скоростижной смерти жены Вяч. Иванов внезапно
женится на своей падчерице и, дабы избежать сплетен, уехал с семьей в Рим: Вера
была беременна. Одна из поклонниц поэта (Евгения Герцык), навестив Ивановых в
Италии, прозрев, разглядела в молодой жене своего кумира совсем не знакомую ей
Веру:

«В житейских делах она, трезвая, крепко стоящая на земле, восхищала и подчиняла
его, такого неумелого в жизни», хотя «как и прежде, молча и благоговейно слушала
его вдохновенные речи».

РЫБАК

Руки голы выше локтя, А глаза синей, чем лед. Едкий, душный запах дегтя, Как загар,
тебе идет. И всегда, всегда распахнут Ворот куртки голубой, И рыбачки только
ахнут, Закрасневшись пред тобой. Даже девочка, что ходит в город продавать
камсу, Как потерянная бродит вечерами на мысу. Щеки бледны, руки слабы, Истомленный
взгляд глубок, Ноги ей щекочут крабы, Выползая на песок. Но она уже не ловит Их
привычную рукой. Все сильнее биенье крови в теле, раненом тоской. 23 апреля 1911

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Сердце к сердцу не приковано, Если хочешь – уходи. Много счастья уготовано Тем, кто волен на пути. Я не плачу, я не жалею, Мне счастливой не бывать. Не целуй меня, усталую, – Смерть придет поцеловать. Дни томлений острых прожить вместе с белою зимой. Отчего же, отчего же тылучше, чем избранник мой? Весна 1911

* * *

Высоко в небе облачко серело, как беличья расстеленная шкурка. Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело растает в марте, хрупкая снегурка!» В пушистой муфте руки холодели. Мне стало страшно, стало как-то смутно. О, как вернуть вас, быстрые недели его любви, воздушной и минутной! Я не хочу ни горечи, ни мщенья, пускай умру с последней белой вьюгой. О нем гадала я в канун Крещенья. Я в январе была его подругой. Весна 1911, Царское Село

* * *

Я и плакала и каялась, Хоть бы с неба грянул гром! Сердце темное измаялось в нежилом доме твоём. Боль я знаю нестерпимую, стыд обратного пути... Страшно, страшно к нелюбимому, страшно к тихому войти. А склонюсь к нему нарядная, ожерельями звеня, – только спросит: «Ненаглядная! Где молилась за меня?» Весна 1911 В марте 1911 года Гумилев вернулся из Африки, на два месяца раньше, чем предполагал: он подхватил тяжёлую тропическую лихорадку.

Анна Андреевна сразу же попробовала выяснить, что в семейных сплетнях о его романе с девицей Кузьминой-Караваевой правда, а что наговор. Но Гумилев ни выяснения отношений, ни женских истерик терпеть не мог. Разговор не состоялся. Кончилось первой крупной размолвкой: Анна Андреевна укатила в Париж, а Николай Степанович, посадив жену в поезд, – в Слепнево, развлекать тамошнюю молодежь.

Анна Ахматова. 1910-е годы

Весну 1911 года провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуа, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

Анна Ахматова, «Коротко о себе» Похожим на сновидение, которое помнишь всю жизнь, оказалось, как выяснилось с годами, и ее мимолетное увлечение художником Амедео Модильяни, в ту пору еще совсем не знаменитым.

«Я впервые встретилась с Ахматовой в Париже в 1911 году... Ахматова была тогда очень молода... очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая. (Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног.) На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером – это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж – поэт Н. С. Гумилев...

Мы посетили однажды какой-то ресторан на Монмартре и дивились на увеселения иностранцев в этом злачном месте... Парижан там не увидишь. Но маленькие кафе, которыми изобилует Париж, совсем другого стиля. Здесь за столиком французы проводят время отдыха за чашкой кофе и скромной выпивкой, иногда целой семьей или компанией друзей... Помню, как Анна Андреевна снисходительно отнеслась к шутке ее соседа по столику: он незаметно положил ей записочку в туфлю».

Н. Г. Чулкова, Из воспоминаний В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (tout le reste), недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских царей и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением.

Анна Ахматова, «Амедео Модильяни»

А. Модильяни. Фото 1916–1917 гг.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Ахматова, рисунок Модильяни, Париж 1911 г.
В Лувре (1911) я была насмерть прикована к Египту. Египтянкой – царица и
пляс<it>унья</it> – изображал меня рисовавший [меня] тогда Амедео Модильяни.
Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Амедео Модильяни за несколько лет до смерти.

Таким, измученным, постаревшим, отчаявшимся Амедео Модильяни Анне Ахматовой не суждено было увидеть. Но именно таким предстает он в одном из вариантов «Поэмы без героя»:

В черноватом Париж тумане, И наверно, опять Модильяни Незаметно бродил за мной. У него печальное свойство даже в сон мой вносить расстройством быть многих бедствий виной. Но он мне – своей Египтянке... Что играет старик на шарманке, А под ней весь парижский гул, словно гул подземного моря, – Этот тоже довольно горячий стыда и лиха хлебнул. Из чернового варианта «Поэмы без героя» В Париже в 1911 году Анна Андреевна написала лишь два стихотворения, но к роману с Модильяни, по ее словам, они не имеют никакого отношения. По всей вероятности, первое («Мне с тобою пьяным весело...») является воспоминанием о прошлогодних осенних беседах с Георгием Чулковым, через столик, в привокзальном царскосельском кафе. Второе («В углу старик, похожий на барана...»), может быть, как-то связано с их новой встречей в Париже. (Вырвавшись на волю, Анна Андреевна, кажется, видела себя второй Анной Карениной, недаром упоминает в «Автобиографии», что родилась в один год с «Крейцеровой сонатой» Льва Толстого.) Правда, Чулков приехал во Францию с женой, но его умная жена весьма снисходительно относилась к «амурным» увлечениям своего супруга, ежели речь шла о том, чтобы помочь «молодому и свежему дарованию».

Первое парижское стихотворение Ахматова опубликовала, второе – постаралась понадежнее забыть, но все-таки вспомнила, за исключением одной строки, в конце 50-х гг.

* * *

Мне с тобою пьяным весело – смысла нет в твоих рассказах. Осень ранняя развесила флаги желтые на вязах. Оба мы в страну обманную забрели и горько каемся, но зачем улыбкой странною и застывшей улыбаемся? Мы хотели муки жалящей вместо счастья безмятежного... Не покину я товарища и беспутного и нежного. 1911, Париж

* * *

В углу старик, похожий на барана, внимательно читает «Фигаро». В моей руке просохшее перо, идти домой еще как будто рано. Тебе велела я, чтоб ты ушел. Мне сразу все глаза твои сказали... Опилки густо устилают пол. И пахнет спиртом в полукруглом зале. И это юность – светлая пора... Да лучше б я повесилась вчера или под поезд бросилась сегодня. Май-июнь 1911? конец 1950-х годов, Париж. Вернувшись летом 1911 года в Слепнево, Анна Андреевна нашла в деревне все то же, что и в прошлом году. Однако вопросов мужу больше не задавала: Машенька была слишком больна, это видели все, кроме Николая Степановича.

Анна Ахматова (третья слева), крайняя справа Маша Кузьмина-Караваева. В 1911 году я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепневе, отказалась признать меня барыней и сказала кому-то: «К слепневским господам хранфужанка приехала», а земский начальник Иван Яковлевич Дерин – очкастый и бородатый увалень, когда оказался моим соседом за столом и умирал от смущенья, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамшняя молодежь за сказочную мою лондонскую мумию, которая всем приносит несчастье.

Николай Степанович не выносил Слепнева. Скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, что-то понял и чему-то научился.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» Слепневские приятели и приятельницы Гумилева, даже те, кому его выбор показался неудачным, все-таки признавали, что

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
у юной мадам Гумилевой необычная внешность («походила на египетскую плясунью») и
удивительно «гибкое змеиное тело». Да она и сама не упускала случая
продемонстрировать сказочную гибкость. В Слепневе Николай Степанович даже
поставил для жены цирковой аттракцион: женщина-змея. После этого читалось
стихотворение про змею, написанное еще в прошлом году:

* * *

В комнате моей живет красивая Медленная черная змея; Как и я, такая же ленивая и
холодная, как я. Вечером слагаю сказки чудные На ковре у красного огня, А она
глазами изумрудными Равнодушно смотрит на меня. Ночью слышат стонущие
жалобы Мертвые, немые образа... Я иного, верно, пожелала бы, Если б не змеиные
глаза. Только утром снова я, покорная, Таю, словно тонкая свеча... И тогда сползает
лента черная С низко обнаженного плеча. 1910

* * *

В промежутки между грозами, Мрачной яркостью богатые, Над притихшими
березами Облака стоят крылатые. Чуть гроза на запад спрячется И настанет тишь
чудесная, А с востока снова катится Колесница поднебесная. 1910-е годы, Слепнево,
Записала на Илью в Комарове 1961

БЕРЕЗЫ [13]

...Таких берез еще никто не видел. Мне страшно их вспоминать. Это наваждение.
Что-то грозное, трагическое, как «Пергамский алтарь», великолепное и
неповторимое. И кажется, там должны быть вороны. И нет ничего лучше на свете,
чем эти березы, оромные, могучие, древние, как друиды, и еще древней. Прошло три
месяца, а я не могу опомниться, как вчера, но я все-таки не хочу, чтобы это был
сон. Они мне нужны настоящие.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи. Лиловый сумрак гасит свечи. И темная епитрахиль Накрывает
голову и плечи. Не тот ли голос: «Дева! встань...» Удары сердца чаще,
чаще. Прикосновение сквозь ткань Руки, рассеянно крестящей. 1911, Царское
Селомашнего религиозного воспитания Ахматова не получила. В семье Горенко, как
и во многих интеллигентных семьях предреволюционной поры, отношение к религии
было спокойным. Однако младшие дочери Инны Эразмовны, бестужевки и народоволки,
подрастая, наперекор семейной традиции, стали проявлять непонятную матери
религиозность с некоторым даже налетом экзальтации. Одна из товаров Анны по
Киевской гимназии (год 1907) оставила такое важное свидетельство:

«Киевская весна. Синие сумерки. Над площадью медленно разносится благовест.
Хочется зайти в древний храм св. Софии, но ведь я принадлежу к „передовым“ и в
церковь мне не подобает ходить. Испытание слишком велико... хочется отойти от
обыденного. В церкви полумрак. Народу мало... В темном приделе вырисовывается
знакомый своеобразный профиль. Это Аня Горенко. Она стоит неподвижно... Взгляд
сосредоточенно устремлен вперед. Она никого не видит, не слышит. Кажется, что
она и не дышит... Несколько раз хотела заговорить с ней о встрече в церкви, но
всегда что-то останавливало. Мне казалось, что я невольно подсмотрела чужую
тайну...»

* * *

Смуглый отрок бродил по аллеям, У озерных грустил берегов, И столетие мы лелеем Еле
слышный шелест шагов. Иглы сосен густо и колко Устилают низкие пни... Здесь лежала
его треуголка И растрепанный том Парни. 24 сентября 1911, Царское Село

* * *

Муж хлестал меня узорчатым, Вдвое сложенным ремнем. Для тебя в окошке створчатом Я
всю ночь сижу с огнем. Рассветает. И над кузницей Подымается дымок. Ах, со мной,
печальной узницей, Ты опять побыть не мог. Для тебя я долю хмурую, Долю-муку
приняла. Или любишь белокурую, Или рыжая мила? Как мне скрыть вас, стоны звонкие! В
сердце темный душный хмель, А лучи ложатся тонкие На несмятую постель. Осень 1911

* * *

Под навесом темной риги жарко, Я смеюсь, а в сердце злобно плачу. Старый друг
бормочет мне: «Не каркай! Мы ль не встретим на пути удачу!» Но я другу старому не
верю. Он смешной, незрячий и убогий, Он всю жизнь свою шагами мерил Длинные и
скучные дороги. И звенит, звенит мой голос ломкий, Звонкий голос не узнавших
счастья: «Ах, пусты дорожные котомки, А на завтра голод и ненастье!» 24 сентября
1911, Царское Село

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела, Но шаги мои были легки. Я на правую руку
надела Перчатку с левой руки. Показалось, что много ступеней, А я знала – их только
три! Между кленов шепот осенний Попросил: «Со мною умри! Я обманут моей

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
унылой, Переменчивой, злой судьбой». Я ответила: «Милый, милый! И я тоже. Умру с
тобой...» Это песня последней встречи. Я взглянула на темный дом. Только в спальне
горели свечи Равнодушно-желтым огнем. 29 сентября 1911, Царское Село
* * *

Меня покинул в новолуньемой друг любимый. Ну так что ж! Шутит: «Канатная
плясунья! Как ты до мая доживешь?» Ему ответила, как брату, Я, не ревнуя, не
ропща, Но не заменят мне утрату четыре новые плаща. Пусть страшен путь мой, пусть
опасен. Еще страшнее путь тоски... Как мой китайский зонтик красен, Натерты мелом
башмачки! Оркестр веселое играет, И улыбаются уста. Но сердце знает, сердце
знает, что ложа пятая пуста! Ноябрь 1911

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо, Взгляд ее ясен и ярок. И отняла золотое
кольцо, Первый весенний подарок. Муза! ты видишь, как счастливы все - девушки,
женщины, вдовы... Лучше погибну на колесе, Только не эти оковы. Знаю: гадая, и мне
обрывать Нежный цветок маргаритку. Должен на этой земле испытать каждый любовную
пытку. Жгу до зари на окошке свечуй ни о ком не тоскую, Но не хочу, не хочу, не
хочу Знать, как целуют другую. Завтра мне скажут, смеясь, зеркала: «Взор твой не
ясен, не ярок...» Тихо отвечаю: «Она отняла Божий подарок». 10 ноября 1911, Царское
Село

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком, У самого сердца колдует, То целые дни голубком на
белом окошке воркует, То в инее ярком блеснет, Почудится в дреме левкоя... Но верно и
тайно ведет От радости и от покоя. Умеет так сладко рыдать В молитве тоскующей
скрипки, И страшно ее угадать В еще незнакомой улыбке. 24 ноября 1911, Царское Село
* * *

Любовь покоряет обманно Напевом простым, неискusstным. Еще так недавно - странно Ты не
был седым и грустным. И когда она улыбалась В садах твоих, в доме, в поле, Повсюду
тебе казалось, что вольный ты и на воле. Был светел ты, взятый ею пивший ее
отравы. Ведь звезды были крупнее, Ведь пахли иначе травы. Осенние травы. Осень 1911,
Царское Село

* * *

И мальчик, что играет на волынке, И девочка, что свой плетет венок, И две в лесу
скрестившихся тропинки, И в дальнем поле дальний огонек, - Я вижу все. Я все
запоминаю, Любовно-кротко в сердце берегу. Лишь одного я никогда не знаю И даже
вспомнить больше не могу. Я не прошу ни мудрости, ни силы. О, только дайте греться
у огня! Мне холодно... Крылатый иль бескрылый, Веселый бог не посетит меня. 30 ноября
1911, Царское Село

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый, Зашуршал опавшей листвою И крикнул: «Что
сделал с тобой любимый, Что сделал любимый твой! Словно тронуты черной, густою
тушью Тяжелые веки твои. Он предал тебя тоске и удушью Отравительницы любви. Ты
давно перестала считать уколы - Грудь мертва под острой иглой. И напрасно
стараешься быть веселой - Легче в гроб тебе лечь живой!...» Я сказала обидчику:
«Хитрый, черный, Верно, нет у тебя стыда. Он тихий, он нежный, он мне
покорный, Влюбленный в меня навсегда!» 26 декабря 1911

Николай Гумилев

Осенью 1911 года Гумилевы вернулись из Слепнева позже обычного. В связи с
переездом в новый собственный дом в Царском Селе.

Дом, который присмотрела и вскорости купила Анна Ивановна, выбирался с расчетом
на долгую жизнь: чтобы был и поместительным и удобным; свекровь Анны Андреевны
гордилась своей репутацией хорошей хозяйки. Молодоженам отвели целый этаж,
невестке - отдельную комнату, рядом с рабочим кабинетом мужа и библиотекой.
Гостиную, по настоянию Николая Степановича, обставили в стиле «модерн», для
остальных комнат привезли из Слепнева прадедовскую мебель красного дерева. Анна
обрадовалась: отдельная комната, теплая, уютная, обставленная старинной мебелью
- как она мечтала о домашнем семейном уюте в годы южной бездомности! Она вообще
всю жизнь страстно хотела того, чего у нее ни в детстве, ни потом не было:
семейного уюта и «простой домашней жизни». Однако очень скоро уютный дом мужа
(все, кто бывал у Гумилевых в Царском Селе, утверждают единогласно, что семья
поэта была радушной, устоявшейся, хорошей чиновничьей семьей) стал казаться ей
нежилым, наполненным неживыми вещами («сердце бедное измаялось в нежилом доме
твоем»). Дело было, конечно, не в вещах, а в людях, и прежде всего в жене
старшего из братьев Гумилевых, которая всем своим поведением подчеркивала, что
Анна «чуждый элемент»:

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

«В дом влилось много чуждого элемента... В семье очутились две Анны Андреевны. Я блондинка, А. А. брюнетка... Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала, являлась к завтраку около часа, последняя, и войдя в столовую, говорила: „Здравствуйте все!“ За столом большей частью была отсутствующей, потом исчезала в свою комнату либо уезжала в Петербург».

Уезжал с раннего утра в Петербург и Николай Степанович, а возвращался за полночь. Он поступил в университет, а кроме того, активно сотрудничал в журнале «Аполлон».

Парижские приключения (легкий, без продолжения, вполне в духе времени, роман с художником Амедео Модильяни, тогда еще совсем не знаменитым), как это ни странно, восстановили супружеское согласие. В томик Теофиля Готье, привезенный из Франции специально для неверного, романтически влюбленного в кузину Николая Степановича, неверная его жена, как бы по забывчивости, вложила романтическое послание от парижского своего поклонника – Модильяни. Николай Степанович пришел в бешенство. Расквитавшись и повинившись, супруги помирились. И вроде бы простили друг другу: он ей – Модильяни и увеселительную прогулку в Париж, она ему – Машеньку и Африку. Тем легче простила, что убедила себя: влюбленности мужа – всего лишь «средство для ярко-певучих стихов», не зря Николай Степанович так часто и с таким нажимом цитировал именно эти строки своего кумира Валерия Брюсова. Отдадим должное Николаю Гумилеву: ни влюбленность в смертельно больную кузину, ни отвращение к «женским истерикам», ни ревность к поклонникам жены, которых становилось все больше и больше, не помешали ему заметить, что написанные Анной за время его отсутствия стихи решительно не похожи на ее прежние девичьи экзерсисы. О первой и, может быть, самой главной, потому что первая, литературной победе, пока еще внутри домашнего круга, Ахматова рассказала так:

«25 марта 1911 г. старого стиля (Благовещение) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: „А стихи ты писала?“ Я, тайно ликуя, ответила: „Да“. Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: „Ты поэт“. Николай Степанович был не первым, кто понял, что Анна Гумилева, которую чуть было не записали в обыкновенные барышни, – поэт. То же самое сказал ей Георгий Чулков, когда, опоздав на Царскосельский паровичок, они пили кофе в привокзальном буфете, а она, осмелев от неловкости, стала читать стихи. Читала и в редакции «Аполлона». Один из присутствовавших на этом чтении вспоминал: Анна Андреевна так нервничала, что «от волнения слегка дрожал кончик ее лакированной туфельки». Но вкусу сотрудников «Аполлона» она не очень-то доверяла, а Чулкова, зная его репутацию первостатейного ловеласа, тайно подозревала в том, что тот просто решил приволокнуться, потому и льстит. Изумление и одобрение Николая Степановича совсем другое дело: Гумилев, если речь шла о стихах, не делал скидок никогда и никому и выражал свое мнение «прямо в глаза». Решив, что надо делать книгу, он, не теряя ни дня, приступил к реализации своего решения. Во-первых, подключил к срочному делу и членов созданного по его инициативе «Цеха поэтов», и сочувствующих: предисловие написал поэт Михаил Кузмин, обложку рисовал тоже поэт – «синдик» «Цеха поэтов» Сергей Городецкий, фронтиспис – приятель Кузмина «мирискусник» Евгений Лансере. Издательство «Цех поэтов» было задумано как непериодический орган новорожденной и сразу же отмежевавшейся от символистов группы акмеистов, лидером которой стал Николай Гумилев. Меценатов решено было не искать из гордости и из принципа, а чтобы удешевить процесс издания, ввели серийное оформление; вышедший одновременно с «Вечером» сборник Михаила Зенкевича «Дикая порфира» внешне был похож на ахматовский как близнец.

Кроме «Вечера» и «Дикой порфиры», в первый залп – по символистам из акмеистической пушки – Гумилев включил также книжечки Е. Кузьминой-Караваевой (в будущем Матери Марии, героини французского Сопротивления) и Вас. Гиппиуса. (В 1912 году Гумилев относился к символистам уже не просто отрицательно, но враждебно, считая, что они – как дикари, которые съели своих родителей и с тревогой смотрят на своих детей.)

На залп по «дикарям-людоедам» и ждали реакции, но случилось непредвиденное: «Вечер», самоходно, без того, что ныне называется раскруткой, сделался гвоздем сезона. Сборник никому еще вчера не известной Ахматовой читатели искали по магазинам, огорчались, что все раскуплено, любопытствовали «насчет» автора, кто такая и откуда пришла. Словом, налицо были все признаки успеха, и успеха такой внезапности и непредсказуемости, что Гумилев, нарочно, при домашних, за общим чаем, произнес страшное слово: слава.

«Нам кажется, что в отличие от других вещелюбов, Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами. Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru на столе, облако, как беличья шкурка, в небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более осязаемый укол, более сладостный яд мы чувствуем. Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет».

Михаил Кузмин, Из Предисловия к книге «Вечер» Анна была благодарна всем, а особенно Кузмину, за прелестное Предисловие, однако втайне досадовала на свою робость. Ей хотелось назвать книжку с вызовом: «Лебеда» и открыть «Песенкой». В «Песенке» была долго не дававшаяся ей сложная простота:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеда полю.

М. Кузьмин

Но Михаил Кузмин, обожавший живопись Константина Сомова, усмотрел в стихах супруги приятеля сомовские мотивы, почти вариации на тему знаменитого, для мирискусников программного «Вечера». Анна попробовала сопротивляться: почему вечер, если у нее восход да еще и солнечный? И как это связать? Впрочем, и Кузмина понять можно: героиня «Песенки» слишком проста, в ней нет того, что поражало в Ахматовой, уже в первых стихах удивляло – странный набор несовместимых свойств: скромность до застенчивости и дерзость, робость и вызов, крайняя неуверенность в себе и апломб, надменность и простота. И так во всем: черты лица слишком острые, чтобы лицо можно было назвать красивым; сказочная гибкость, которой дивились примадонны петербургского балета, а ходить не умеет, движется как сомнамбула. Анна хотела объяснить, что ее лебеда – не огородный сорняк. Не сумела... Объяснит потом, много лет спустя: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда! Как одуванчик у забора, как лопухи и лебеда...»

И СЛАВА ЛЕБЕДЬЮ ПЛЫЛА

Анна Ахматова. Худ. Н. Альтман, 1914 г.

В марте 1914 года вышла вторая книга – «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Анна Ахматова, «Коротко о себе»... Звуки в петербургских дворах... Звук бросаемых в подвал дров. Шарманщики, точильщики, старьевщики...

Дымки над крышами. Петербургские голландские печи. Петербургские каминные... Петербургские пожары... Колокольный звон, заглушаемый звуками города. Барабанный бой, так напоминающий казнь. Санки с размаху о тумбу на горбатых мостах, которые теперь почти лишены своей горбатости. Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры. Лошадиная обмерзшая в сосульках морда почти у вас на плече. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала уже готовые стихи...

В дни выхода «Четок» нас пригласила к себе издательница «Северных записок» эсерка Чацкина (я была в том синем платье, в котором меня изобразил Альтман). У нее собралось видимо-невидимо гостей. Около полуночи начали прощаться. Одних хозяйка отпускала, других просила остаться. Потом все перешли в столовую, где был накрыт парадный стол, и мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. К. [14] против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. К. сказал мне: «Если бы мне дали „Четки“, я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави».

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» «Четки» Анна Ахматова считала своей первой настоящей книгой и в зрелые годы о «Вечере» вспоминать не любила. Дескать, это

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
всего лишь проба пера избалованной и глупой девочки. Однако в старости написала
ностальгические стихи и назвала их – «Рисунок на книге „Вечер“:

РИСУНОК НА КНИГЕ «ВЕЧЕР»

Он не траурный, он не мрачный, Он почти как сквозной дымок, Полуброшенной
новобрачной Черно-белый легкий веночек. А под ним тот профиль горбатый, И парижской
челки атлас, И зеленый, продолговатый, Очень зорко видящий глаз. 23 мая 1958А еще
через несколько лет внесла в «Записные книжки» еще одно воспоминание о времени
своей первой молодой славы:

* * *

О, как меня любили ваши деды, Улыбчиво, и томно, и светло. Прощали мне и дольки
и бреды киевское помело. Прощали мне (и то всего милее) Они друг друга...1960-е
годы

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. Портрет работы Б. Кустодиева.

«О, как меня любили ваши деды» – здесь нет преувеличения. Вот какой запомнила
юную Ахматову одна из ее современниц, беллетристка, издательница и даже депутат
Думы от партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (отец Анны
Андреевны, слегка приударявший за красивой и в ту пору свободной женщиной,
называл госпожу Тыркову Ариадной Великолепной):

«Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворотом маленькой головки, закутанная в
цветистую шаль, Ахматова походила на гитану... Мимо нее нельзя было пройти, не
залюбовавшись ею. На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова
появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской
обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену... Такие, как
она... легче разговаривают с мужчинами. Но у нее сохранились обо мне полудетские
царскоесельские воспоминания.

В самом конце XIX века я год прожила в Царском Селе и там познакомилась с ее
семьей. Анна была тогда гимназисткой. Она с любопытством прислушивалась к
разговорам старших обо мне. Это было еще до моего писательства, но около молодых
женщин, если они не уроды, вьются шепоты и пересуживания.

– Я вас в Царском и на улице все высматривала, – рассказывала она мне. – Папа
вас называл Ариадна Великолепная. Мне это слово ужасно нравилось. Я тогда же
решила, что когда-нибудь тоже стану великолепная...

Она имела право сказать:

– Вот так и вышло. Только я вас перегнала...

По благовоспитанности своей она никогда мне этого не сказала».

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай. До конца его, друг, прочти. Надоело мне быть
незнакомкой, Быть чужой на твоём пути. Не гляди так, не хмурься гневно. Я любимая,
я твоя. Не пастушка, не королевной уже не монашенка я – В этом сером, будничном
платье, На стоптанных каблуках... Но, как прежде, жгуче объятье, Тот же страх в
огромных глазах. Ты письмо мое, милый, не комкай, Не плачь о заветной лжи, Ты его в
своей бедной котомке на самое дно положи. 1912, Царское Село
БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают, Звук шагов я издали ловлю... Хорошо твои слова
баюкают: Третий месяц я от них не сплю. Ты опять, опять со мной,
бессонница! Неподвижный лик твой узнаю. Что, красавица, что, беззаконница, Разве
плохо я тебе пою? Окна тканью белою завешены, Полумрак струится голубой... Или
дальней вестью мы утешены? Отчего мне так легко с тобой? Начало 1912, Царское Село
* * *

Безвольно пощады просят Глаза. Что мне делать с ними, Когда при мне
произносят короткое, звонкое имя? Иду по тропинке в поле. Вдоль серых сложенных
бревен. Здесь легкий ветер на воле. По-весеннему свеж, неровен. И томное сердце
слышит Тайную весть о дальнем. Я знаю: он жив, он дышит, Он смеет быть не
печальным. 1912, Царское Село
* * *

Ты поверь, не змеиное острое жало, А тоска мою выпила кровь. В белом поле я тихую
девушкой стала, Птичьим голосом кличу любовь. И давно мне закрыта дорога иная, Мой
царевич в высоком кремле. Обману ли его, обману ли? – Не знаю! Только ложью живу
на земле. Не забыть, как пришел он со мною проститься, Я не плакала: это
судьба. Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться, Но бессильна моя ворожба. Оттого ль

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
его сон безмятежен и мирен, что я здесь у закрытых ворот, Иль уже светлокая,
нежная Сирина Нежная Сирина – образ из славянского фольклора, толкуемый по-разному,
иногда девушка с птичьим голосом, иногда райская птица счастья и радости.
Ахматова, или сама не заметив этого или специально, почти повторила строчку из
стихотворения Бальмонта, изменив, как это сделал и художник Васнецов, пол птицы
счастья: у Бальмонта было: «Поет о счастье светлый Сирина».]Над царевичем песню
поет? [1912]

В. Васнецов. Сирина и Алконост. Песнь радости и печали. 1896 г.

Федор Сологуб

* * *

Ф. К. Сологубу

Твоя свирель над тихим миром пела, И голос смерти тайно вторил ей, А я,
безвольная, томилась и пьянела От сладостной жестокости твоей. 16 марта 1912,
Царское Село Ф. К. Сологуб необычайно высоко ставил стихи Ахматовой. А его мнение
многое значило для начинающей поэтессы, ведь Сологуб был не только знаменит, он
был «мэтр». В «Записных книжках» А. А. А. зафиксирован такой эпизод:

«Когда в 191(?) году Вячеслав Иванов приехал в Петербург, он был у Сологуба на
Разъезжей... Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной ко мне
подшел Мандельштам и сказал: „Мне кажется, что один мэтр – зрелище
величественное, а два – уже смешное“.

Очень дорожила Анна Андреевна и стихами, которыми одарил ее Федор Кузьмич:

* * *

Прекрасно все под нашим небом, И камни гор, и нив цветы, И вечным, справедливым
Фебом Опять обласканная, Ты. И это нежное волнение, Как в пламени Синайский
куст, Когда звучит стихотворенье – Пчела над зыбким медом уст. И кажется, что
сердце вынет Благочестивая жена И милостиво нам подвинет, Как чашу пьяного
вина. Март 1917 Как уже упоминалось, у Анны Андреевны с самого начала их
совместной жизни под одним кровом были несколько натянутые отношения со
свекровью. Младшая сноха явно не отвечала ее представлениям о хорошей жене и
правильной семейной жизни. И вдруг – все изменилось!

Анна Ивановна сделалась шелка нежней и уже не поджимала губы, когда Анна,
проспав до полудня, являлась к завтраку последней и приходилось опять раздувать
самовар. Николай сообщил ей под секретом, что Аннушка беременна. Анна Ивановна в
миг помолодела, прислуга забегала, спешили навести порядок и уют: появления
долгожданного младенца ждали к исходу сентября.

К предстоящему прибавлению семейства будущий отец отнесся без энтузиазма, успех
жениного «Вечера» обрадовал его куда больше. И тем не менее год 1912-й был,
кажется, почти благополучным для четы Гумилевых. Весной они вдвоем побывали в
Италии. Несмотря на жару, которую Анна переносила трудно, и беременность, стихи
шли мощной волной...

* * *

Слаб голос мой, но воля не слабеет, Мне даже легче стало без любви. Высоко небо,
горный ветер веет, И непорочны помыслы мои. Ушла к другим бессонница-сиделка, Я не
томлюсь над серою золой, И башенных часов кривая стрелка Смертельной мне не
кажется стрелой. Как прошлое над сердцем власть теряет! Освобождение близко. Все
прошу, Следя, как луч взбегает и сбегает По влажному весеннему плющу. Апрель 1912

Я научилась просто, мудро жить, Смотреть на небо и молиться Богу, И долго перед
вечером бродить, Чтоб утомить ненужную тревогу. Когда шуршат в овраге лопухий
никнет гроздь рябины желто-красной, Слагаю я веселые стихи О жизни тленной,
тленной и прекрасной. Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь Пушистый кот, мурлыкает
умильней, И яркий загорается огонь На башенке озерной лесопильни. Лишь изредка
прорезывает тишь Крик аиста, слетевшего на крышу. И если в дверь мою ты
постучишь, Мне кажется, я даже не услышу. Май 1912, Флоренция <?>

* * *

Здесь всё то же, то же, что и прежде, Здесь напрасным кажется мечтать. В доме у

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
дороги непроезжейНадо рано ставни запирать.Тихий дом мой пуст и неприветлив,Он
на лес глядит одним окном.В нем кого-то вынули из петель бранили мертвого
потом.Был он грустен или тайно-весел,Только смерть – большое торжество.На
истертом красном плюше креселИзредка мелькает тень его.И часы с кукушкой ночи
рады,Все слышней их четкий разговор.В щелочку смотрю я: конокрадыЗажигают под
холмом костер.И, пророча близкое ненастье,Низко, низко стелется дымок.Мне не
страшно. Я ношу на счастьеТемно-синий шелковый шнурок.Май 1912, Флоренция

* * *

Помолись о нищей, о потерянной,О моей живой душе,Ты, в своих путях всегда
уверенный,Свет узревший в шалаше.И тебе, печально-благодарная,Я за это расскажу
потом,Как меня томила ночь угарная,Как дышало утро льдом.В этой жизни я немного
видела,Только пела и ждала.Знаю: брата я не ненавиделаИ сестры не предала.Отчего
же Бог меня наказывалКаждый день и каждый час?Или это Ангел мне указывалСвет,
невидимый для нас?Май 1912, Флоренция

* * *

Стал мне реже снится, слава Богу,Больше не мерещится везде.Лег туман на белую
дорогу,Тени побежали по воде.И весь день не замолкали звоньНад простором
вспаханной земли,Здесь всего сильнее от Ионыколокольни лаврские вдали.Подстригаю
на кустах сирениВетки те, что ныне отцвели;По валам старинных укрепленийДва
монаха медленно прошли.Мир родной, понятный и телесныйДля меня, незрячей,
оживи.Исцелил мне душу Царь НебесныйЛедяным покоем нелюбви.После 17 мая 1912,
Киев

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,Ласковой и млеюще-зеленой;Замечает ветерок
соленыйЧерных лодок узкие следы.Столько нежных, странных лиц в толпе.В каждой
лавке яркие игрушки:С книгой лев на вышитой подушке,С книгой лев на мраморном
столбе.Как на древнем, выцветшем холсте,Стынет небо тускло-голубое...Но не тесно в
этой теснотеИ не душно в сырости и зное.Август 1912, Слепнево

* * *

Потускнел на небе синий лак,И слышнее песня окарины.Это только дудочка из
глины,Не на что ей жаловаться так.Кто ей рассказал мои грехиИ зачем она меня
прощает?...Или это голос повторяетМне твои последние стихи?1912Осенью 18 сентября
по ст. ст. 1912 года Анна Андреевна родила мальчика, которого называли Львом в
память о крестном отце Николая Степановича – Льве Ивановиче Львове.

* * *

Загорелись иглы венчикаВкруг безоблачного лба.Ах! улыбчивого птенчикаПодарила
мне судьба.Зима 1912

* * *

Как вплелась в эти темные косыСеребристая нежная прядь –Только ты, соловей
безголосый,Эту муку сумеешь понять.Чутким ухом далекое слышишьИ на тонкие ветки
раakit,Весь нахохлившись, смотришь – не дышишь, –Если песня чужая звучит.А еще
так недавно, недавно,Замирали вокруг тополя,И звенела и пела отравноНесказанная
радость твоя.<22 октября> 1912

Николай Гумилев, 1910-е годы.

* * *

Н. Гумилеву

В ремешках пенал и книги были,Возвращалась я домой из школы.Эти липы, верно, не
забылиНашей встречи, мальчик мой веселый.Только, ставши лебедем
надменным,Изменился серый лебеденок.А на жизнь мою лучом нетленнымГрусть легла,
и голос мой незвонко.Октябрь 1912, Царское Село

* * *

Протертый коврик под иконой,В прохладной комнате темно,И густо плющ
темно-зеленыйЗавил широкое окно.От роз струится запах сладкий,Трещит лампадка,
чуть горя.Пестро расписаны укладкиРукой любовной кустаря.И у окна белеют
пальцы...Твой профиль тонок и жесток.Ты зацелованные пальцыБрезгливо прячешь под
платок.А сердцу стало страшно биться,Такая в нем теперь тоска...И в косах
спутанных таитсяЧуть слышный запах табака.14 ноября 1912

* * *

Дал Ты мне молодость трудную,Столько печали в пути.Как же мне душу
скуднуюБогатой Тебе принести?Долгую песню, льстивая,О славе поет судьба.Господи!
я нерадивая,Твоя скупая раба.Ни розою, ни былинкоюНе буду в садах Отца.Я дрожу

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
над каждой соринкою, над каждым словом глупца. 19 декабря 1912, Вечер
* * *

М. Лозинскому

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день! Как невозможна грусть, как тщетно
ожиданье! И снова голосом серебряным олень в зверинце говорит о северном сиянии. И
я поверила, что есть прохладный снег и синяя купель для тех, кто нищ и болен, и
санок маленьких такой неверный бег. Под звоны древние далеких колоколен. 1912
* * *

Все мы бражники здесь, блудницы, как невесело вместе нам! На стенах цветы и
птицы томятся по облакам. Ты куришь черную трубку, так странен дымок над ней. Я
надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней. Навсегда забиты окошки: что там,
изморозь или гроза? На глаза осторожной кошки похожи твои глаза. О, как сердце мое
тоскует! Не смертного ль часа жду? А та, что сейчас танцует, непременно будет в
аду. 19 декабря 1912, в вагоне в этом стихотворении описывается новогодний вечер в
литературном кафе «Бродячая Собака». В предвоенные годы это был самый модный
ночной клуб, где бывал весь богемный Петербург.

В «Бродячую Собаку» отправляются после маскарада в белом зеркальном зале
Фонтанного Дома и персонажи «Поэмы без героя»:

Как-нибудь побредем по мраку, мы отсюда еще в «Собаку»...

В. Серов. Портрет балерины Т. П. Карсавиной. 1909 г.

Знаменитая балерина Тамара Карсавина часто танцевала в «Бродячей Собаке»,
восхищая и пленяя ее завсегда. В том числе и Анну Андреевну.

ТАМАРЕ ПЛАТОНОВНЕ КАРСАВИНОЙ

Как песню, слагаешь ты легкий танец – о славе он нам сказал, – на бледных щеках
розовеет румянец, темней и темней глаза. И с каждой минутой все больше
пленных, забывших свое бытие, и клонится снова в звуках блаженных гибкое тело
твое. <26 марта> 1914
* * *

Графу В. П. Зубову

Как долог праздник новогодний, как бел в окошках снежный цвет. О Вас я думаю
сегодня и нежный шлю я Вам привет. Пускай над книгою в подвале, где скромно ночи
провожу, мы что-то мудрое решали, я обещаю не сдержу. А Вы останьтесь верным
другом и не сердитесь на меня, ведь я прикована недугом к моей кушетке на три дня. И
дом напоминающий темный на левом берегу Невы, смотрю, как ласковы и томны те розы,
что прислали Вы. 1910-е годы. Это немного кокетливое стихотворение требует
комментария.

Подвал – кабаре «Бродячая Собака», куда завсегда и собирались за полночь, а
разъезжались на рассвете. Михаил Кузмин очень точно охарактеризовал особую
атмосферу этих «подвальных» петербургских ночей:

Здесь цепи многие развязаны – все сохранит подземный зал. И те слова, что ночью
сказаны, другой бы утром не сказал. Судя по новогодней «записочке» графу Зубову,
Анна Андреевна не была исключением: она, как и все, вполне могла говорить ночью
то, чего утром ни за что бы не сказала...

Анна Андреевна называет дом графа Зубова темным не потому, что там происходило
что-то нехорошее, а потому, что этот дом, точнее, дворец, был облицован черным
мрамором. В своем роскошном дворце Валентин Платонович, богач, искусствовед и
меценат, основал в 1912 году Институт истории искусств, где читали лекции самые
известные деятели культуры, а в легендарном Зеленом зале с малахитовым камином
регулярно устраивались концерты. Георгий Иванов в очерке о Сергее Есенине так
описывает атмосферу этих вечеров:

«Шелест шелка, запах духов, смешанная русско-французская болтовня... Рослые лакеи
в камзолах и белых чулках разносят чай, шерри-бренди, сладости...»

Он же оставил нам и поэтическую зарисовку – Анна Ахматова в голубой гостиной
зубовского дворца:

В пышном доме графа Зубова о блаженстве, о Италии тенор пел. С румяных губ
его звуки, тая, улетали и..... Абжур светился матово голубой овальной
комнате. Нежно глядя пса лохматого, предсказала мне Ахматова: «Этот вечер вы
запомните». Этот вечер и Анну Андреевну в период ее короткого романа с хозяином

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
черномраморного дворца запомнил не только Георгий Иванов, но и еще один знаменитый современник – философ и литератор Ф. Степун. Вот только, в отличие от Ивановна, который считал жену своего учителя Гумилева одной из самых прелестных женщин дореволюционного Петербурга, Степун нашел ее слегка жеманной:

«Анна Ахматова мне при первой и единственной встрече не понравилась... Быть может оттого, что она как-то уж слишком эффектно сидела перед камином на белой медвежьей шкуре, окруженная какими-то на петербургский лад изящными, перепудренными и продушенными визитками».

В поздние годы Ахматова легко и откровенно рассказывала о своих молодых романах. А вот об отношениях с графом Зубовым говорить не любила, хотя и называла его имя (в разговорах с Павлом Лукницким) в числе тех мужчин, с которыми была близка. Лукницкий, решив, что эти воспоминания Анне Андреевне неприятны, прекратил расспросы. Между тем, судя по мемуарному очерку Никиты Струве «Восемь часов с Анной Ахматовой», именно к этому своему поклоннику Анна Андреевна и в старости относилась с нежностью. Вот что пишет Струве, который в июне 1965 года оказался случайным свидетелем их встречи в Париже:

«После чтения стихов разговор уже не возобновлялся. Вскоре послышался стук в дверь. Вошел граф З., близкий друг Ахматовой по Петербургу, с которым она не виделась 50 лет. На прощание Анна Андреевна мне сказала: „Позвоните мне еще“. Перед тем, как выйти из комнаты, я еще раз обернулся. Анна Андреевна пристально и ласково смотрела на своего совсем уже старенького на вид посетителя и сказала: „Ну, вот, привел Господь еще раз нам свидеться...“

Граф Валентин Платонович Зубов и впрямь был в 1965 году стар: Анне Андреевне через несколько дней исполнится 76, а он – старше ее на пять лет...

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света, А взгляды его – как лучи. Я только вздрогнула:
этот может меня приручить. Наклонился – он что-то скажет... От лица отхлынула
кровь. Пусть камнем надгробным ляжет на жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть? О, как ты красив, проклятый! И я не могу взлететь, А
с детства была крылатой. Мне очи застит туман, Сливаются вещи и лица, И только
красный тюльпан, Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость, Подошел ко мне, улыбнулся, Полуласково,
полулениво Поцелуем руки коснулся – И загадочных, древних ликов На меня поглядели
очи... Десять лет замираний и криков, Все мои бессонные ночи вложила в тихое слово
сказала его – напрасно. Отошел ты, и стало снова На душе и пусто и ясно. Февраль
1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда! У разлюбленной просьб не бывает. Как я рада, что
нынче вода Под бесцветным ледком замирает. И я стану – Христос помоги! – На покров
этот, светлый и ломкий, А ты письма мои береги, Чтобы нас рассудили потомки, Чтоб
отчетливей и ясней Ты был виден им, мудрый и смелый. В биографии славной
твоей Разве можно оставить пробелы? Слишком сладко земное питье, Слишком плотны
любвные сети. Пусть когда-нибудь имя мое Прочитают в учебнике дети, И, печальную
повесть узнав, Пусть они улыбнутся лукаво... Мне любви и покоя не дав, Подари меня
горькою славой. Февраль 1913

* * *

Вижу выцветший флаг над таможей И над городом желтую муть. Вот уж сердце мое
осторожней Замирает, и больно вздохнуть. Стать бы снова приморской девчонкой, Туфли
на босу ногу надеть, И закладывать косы коронкой, И взволнованным голосом петь. Все
глядеть бы на смуглые главы Херсонесского храма с крыльцами И не знать, что от
счастья и славы Безнадежно дряхлеют сердца. 1913

* * *

...И на ступеньки встретиться Не вышли с фонарем. В неверном лунном свете Вошла я в
тихий дом. Под лампою зеленой, С улыбкой неживой, Друг шепчет: «Сандрильона, Как
странен голос твой...» В камине гаснет пламя; Томя, трещит сверчок. Ах! кто-то взял
на память Мой белый башмачок. И дал мне три гвоздики, Не подымая глаз. О милые
улики, Куда мне спрятать вас? И сердцу горько верить, Что близок, близок срок, что
всем он станет мерить Мой белый башмачок. Февраль 1913

* * *

Черная вилась дорога, Дождик моросил, Проводить меня немножко Кто-то
попросил. Согласилась, да забыла На него взглянуть, А потом так странно
было вспомнить этот путь. Плыл туман, как фимиамы Тысячи кадил. Спутник песенкой

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
упрямо Сердце бередила. Помню древние ворота и конец пути – Там со мною шедший
кто-то мне сказал: «Прости...» Медный крестик дал мне в руки, словно брат родной... И я
всюду слышу звуки песенки степной. Ах, я дома как не дома – Плачу и грущу. Отзовись,
мой незнакомый, я тебя ищу! Март 1913

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду Таким невыразимым горем. Свежо и остро пахли морем На блюде
устрицы во льду. Он мне сказал: «Я верный друг!» И моего коснулся платья. Как не
похожи на объятия Прикосновенья этих рук. Так глядят кошек или птиц, Так на
наездниц смотрят стройных... Лишь смех в глазах его спокойных Под легким золотом
ресниц. А скорбных скрипок голоса Поют за стелющимся дымом: «Благослови же небеса
– Ты первый раз одна с любимым». Март 1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа. Я поглядела в глаза его. Томилось сердце, не зная
даже Причины горя своего. Безветрен вечер и грустью скован Под сводом облачных
небес, И словно тушью нарисован В альбоме старом Булонский лес. Бензина запах и
сирени, Насторожившийся покой... Он снова тронул мои колени Почти не дрогнувшей
рукой. Май 1913

* * *

Ты пришел меня утешить, милый, Самый нежный, самый кроткий... От подушки
приподняться нету силы, А на окнах частые решетки. Мертвой, думал, ты меня
застанешь, И принес веночек неискusstный. Как улыбкой сердце больно ранишь, Ласковый,
насмешливый и грустный. Что теперь мне смертное томленье! Если ты еще со мной
побудешь, Я у Бога вымолю прощенья И тебе, и всем, кого ты любишь. Май 1913,

Петербург, Крестовский остров

ГОЛОС ПАМЯТИ

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря, В час, когда на небе поздняя заря? Чайку
ли на синей скатерти воды, Или флорентийские сады? Или парк огромный Царского
Села, Где тебе тревога путь пересекла? Или того ты видишь у своих колен, Кто для
белой смерти твой покинул плен? Нет, я вижу стену только – и на ней Отсветы
небесных гаснущих огней. 18 июня 1913, Слепнево

* * *

Ничего не скажу, ничего не открою. Буду молча смотреть, наклонившись, в
окно. Как-то раз и меня повели к аналою, с кем – не знаю. Но помню – давно... Из окна
моего вижу красные трубы, А над трубами легкий клубящийся дым. Но глаза я закрою.
И нежные губы Прикоснулись к ресницам моим. То не сон, утешитель тревоги
влюбленной, И не тихий привет ветерка... Это – ранивший душу взглянул напряженно, Так
ли рана, как прежде, ярка. <Июль> 1913 1912 год, начавшийся совместным
путешествием в Италию и кончившийся рождением сына (друзья тут же перекрестили
его в «гумильвенка»), был последним годом относительно надежного семейного союза
двух поэтов. Весной 1913 года Николай Степанович вновь укатил в Африку, и не
один, а вместе с племянником, Колей-младшим, сыном своей старшей сводной сестры
Александры Степановны Сверчковой. Анна Андреевна, разбирая по просьбе свекрови,
затянувшей большую уборку, бумаги и вещи в комнате мужа, обнаружила на его
письменном столе увесистую пачку женских писем. Достаточно красноречивых. А
вскоре узнала, что отправительница любовных посланий, Ольга Николаевна
Высотская, ждет от Гумилева ребенка.

Открытка, посланная Н. Гумилевым О. Н. Высотской из Порт-Саида, с сонетом
Гумилева.

К лету 1913 года Ахматова уже вполне отдавала себе отчет в том, что их брак
вовсе не похож на идиллический союз «Дафниса и Хлои», как писал когда-то
Гумилев. Она выходила замуж за верного рыцаря, который не мог без нее.
Оказалось, однако, что верность милый друг Коля понимает вовсе не так
старомодно, как она. Для него любовь не исключала ни случайных связей, ни
мимолетных влюбленностей – по Брюсову: «О, эти взоры мимолетные на гулких улицах
столиц...» Таков был стиль любовного быта эпохи. Дитя того же времени, Анна
Ахматова не часто, но иногда позволяла себе и то, и другое. Но тут была одна
тонкость, которой Гумилев не признавал: для нее «великая земная любовь»
исключала «холод измен», необязательных, бездумных любовных забав...

До официального развода Анна Андреевна, как и Николай Степанович, по взаимному
уговору, щекотливое обстоятельство тщательно скрывала. Да и потом на сей счет
помалкивала. Но Лукницкому все-таки призналась, что «НС никогда физически не был
верен никому, ...этого он не мог и не считал нужным». Какое-то время Анна, понимая,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
что во многом виновата сама, закрывала глаза на хроническое «донжуанство» мужа.
К тому же «телесность» в отношениях между мужчиной и женщиной ей никогда не представлялась самым главным. Вот как про это записано у Лукницкого:

«Не любит телесности. Телесность – проклятье земли. Проклятье – с первого грехопаденья, с Адама и Евы.. Телесность всегда груба, усложняет отношения, лишает их простоты, вносит в них ложь, лишает отношения их святости... Чистую, невинную, высокую дружбу портит...»

Чуть ли не демонстративно брошенные любовные письма, а главное, появление на свет той же осенью Левушкиного единокровного братца заставило Ахматову усомниться и в том единственном, что оправдывало их брак: в святости высокой дружбы. За полгода она не написала мужу ни одного письма. Правда, тревожиться за него не перестала. В августе 1913-го, уже после злосчастной находки, обеспокоенная отсутствием вестей из Африки, пишет их общему другу, поэту и переводчику Михаилу Лозинскому:

«У меня к Вам большая просьба, Михаил Леонидович... Так как экспедиция послана Академией, то самое лучшее, если справляться будут оттуда. Может быть, Вы можете пойти в Академию и узнать, имеют ли там известия о Коле...»

Н. Л. Сверчков, спутник Н. Гумилева в экспедиции 1913 года.

С африканскими путешественниками ничего не случилось. 20 сентября 1913 года Гумилев вместе с племянником вернулся в Петербург, сдал в Музей антропологии и этнографии привезенные из Африки «трофеи», в том числе и множество уникальнейших фотографий, многое подарил, но, видимо, за что-то получил даже деньги. В первый же день жена вручила ему находку: связку женских писем – вещественное доказательство его «неверности» и молча ждала объяснений. Объяснений и на сей раз не последовало. Однако попытка сохранить то, что еще можно было сохранить, была все-таки сделана: супруги договорились, что отныне жить будут хотя и вместе, но как бы и врозь, не мучая друг друга бессмысленной ревностью, перечнем взаимных болей, бед и обид. Для того и решили снять комнату в Петербурге, подальше от осуждающих и наблюдающих материнских глаз.

Николай Гумилев

Ахматова гордилась своим великодушием:

«Выбрала сама я долю другу сердца моего: отпустила я на волю в Благовещенье его».

Гумилев лучше понимал, что происходит. В конце первого года воли он написал жене такие слова:

«Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это...»

Но и эта правда не была настоящей правдой. Анна имела право ответить на горькое письмо мужа словами Баратынского, выбранными для эпитафии к «Четкам»:

«Прости ж навек! Но знай, что двух виновных, не одного, найдутся имена в стихах моих, в преданиях любовных».

Отпущенный на волю Гумилев тут же, на глазах у жены, стал ухаживать за сестрой своего ученика Георгия Адамовича. Вскоре Таня Адамович стала его официальной любовницей. С тех пор Ахматова на амурные приключения милого друга Коли перестала реагировать. Однако день этой измены запомнила. П. Лукницкий отмечает в Дневнике, что, диктуя ему сведения о трудах и днях Гумилева и упомянув, что 6 января 1914 года он познакомился с Таней Адамович, Анна Андреевна «чуть вздохнула», и ему «показалось, что этот вздох был не случайным».

* * *

Выбрала сама я долюДругу сердца моего:Отпустила я на волюВ Благовещенье его.Да вернулся голубь сизый,Бьетса крыльями в стекло.Как от блеска дивной ризы,Стало в горнице светло.4 мая 1915, Петербург

* * *

Покорно мне воображеньев изображеньи серых глаз.В моем тверском уединенья горько вспоминаю Вас.Прекрасных рук счастливый пленникна левом берегу Невы,Мой знаменитый современник,Случилось, как хотели Вы,Вы, приказавший мне: довольно,Поди, убей свою любовь!И вот я таю, я безвольна,Но все сильней скучает

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
кровь.И если я умру, то кто же мои стихи напишет Вам,кто стать звенящими
поможетЕще не сказанным словам?Июль 1913, Слепнево

* * *

Вечерние часы перед столом.Непоправимо белая страница.Мимоза пахнет Ниццей и
теплом.В луче луны летит большая птица.И, туго косы на ночь заплетя,Как будто
завтра нужны будут косы,В окно гляжу я, больше не грустя,На море, на песчаные
откосы.Какую власть имеет человек,который даже нежности не просит!Я не могу
поднять усталых век,Когда мое имя произносит.Лето 1913, Слепнево

* * *

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»И мальчика очень жаль.Еще так недавно он
был довольнымИ только слышал про печаль.А теперь он знает все не хужеМудрых и
старых вас.Потускнели и, кажется, стали ужеЗрачки ослепительных глаз.Я знаю: он
с болью своей не сладит,С горькой болью первой любви.Как беспомощно, жадно и
жарко гладитХолодные руки мои.<Октябрь> 1913

* * *

Здравствуй! Легкий шелест слышишьСправа от стола?Этих строчек не допишешь –я к
тебе пришла.Неужели ты обидишьТак, как в прошлый раз, –Говоришь, что рук не
видишь,Рук моих и глаз.У тебя светло и просто.Не гони меня туда,Где под душным
сводом мостаСтынет грязная вода.Октябрь 1913, Царское Село

* * *

Знаю, знаю – снова лыжиСухо заскрипят.В синем небе месяц рыжий,Луг так сладостно
покат.Во дворце горят окошки,Тишиной удалены.Ни тропинки, ни дорожки,Только
проруби темны.Ива, дерево русалок,Не мешай мне на пути!В снежных ветках черных
галок,Черных галок приути.Октябрь 1913, Царское Село

* * *

У меня есть улыбка одна:Так, движенье чуть видное губ.Для тебя я ее берегу –ведь
она мне любовью дана.Все равно, что ты наглый и злой,Все равно, что ты любишь
других.Предо мной золотой аналой,И со мной сероглазый жених.Ноябрь 1913

* * *

Со дня Купальницы–АграфеныМалиновый платок хранит.Молчит, а ликует, как Царь
Давид.В морозной келье белы стены,И с ним никто не говорит.Приду и стану на
порог,Скажу: «Отдай мне мой платок!»16 ноября 1913, Царское Село

В. К. Шилейко, 1910–е гг.

* * *

Косноязычно славивший меняЕще топтался на краю эстрады.От дыма сизого и тусклого
огняМы все уйти, конечно, были рады.Но в путаных словах вопрос зажжен,Зачем не
стала я звездой любовной,И стыдной болью был преображенНад нами лик жестокий и
бескровный.Люби меня, припоминай и плачь!Все плачущие не равны ль пред Богом?Мне
снится, что меня ведет палачПо голубым предутренним дорогам.<16 ноября>
1913Поводом для написания стихотворения явилось, видимо, выступление Вольдемара
Шилейко в «Бродячей Собаке». Говорил он, как всегда, очень умно, но затейливо и
непонятно. Гумилев называл странную речь своего лучшего друга «высоким
косноязычием» («Высокое косноязычье тебе даруется, поэт»). Тем же высоким
косноязычием отличалось и его поэтическое творчество. Вот как откликнулся
Шилейко на первые посвященные ему стихи Анны Андреевны, взяв эпиграфом первую
строку: «Косноязычно славивший меня...»:

Есть вера духа жадная, простая,И верность сердца, взявшего свое,Они вдвоем в
другое бытиеУводят мир, пути переплетая.Но я не знал ни той свободной веры,Ни
этой скудной мудрости сердец.Изгнанник неба, огненный гордец,Я – косный камень.
Только камень серый...Впрочем, были у Вольдемара Казимировича и другие стихи,
которые трогали Ахматову:

Живу мучительно и трудно.И устаю, и пью вино;Но, посвящен судьбиной
чудной,Люблю сурово и давно.

8 НОЯБРЯ 1913

Солнце комнату наполнилоПылью желтой и сквозной.Я проснулась и припомнила:Милый,
нынче праздник твой.Оттого и оснеженнаяДаль за окнами тепла,Оттого и я,
бессонная,Как причастница спала.8 ноября 1913

* * *

Высокие своды костелаСиней, чем небесная твердь...Прости меня, мальчик веселый,Что
я принесла тебе смерть.За розы с площадки круглой,За глупые письма твои,За то,
что, дерзкий и смуглый,Мутно бледнел от любви.Я думала: ты нарочно –Как взрослые
хочешь быть.Я думала: томно–порочныхНельзя, как невест, любить.Но всё оказалось
напрасно.Когда пришли холода,Следил ты уже бесстрастноЗа мной везде и всегда,Как

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
будто копил приметыМоей нелюбви. Прости!Зачем ты принял обетыСтрадальческого
пути?И смерть к тебе руки простерла...Скажи, что было потом?Я не знала, как хрупко
горлоПод синим воротником.Прости меня, мальчик веселый,Совёнок замученный
мой!Сегодня мне из костелаТак трудно уйти домой.Ноябрь 1913, Царское Село

Иллюстрация к стихотворению «Высокие своды костела...». Художник А. Кумирова.
Считается, что стихотворение «Высокие своды костела...» посвящено памяти Михаила
Линдеберга, молодого офицера, застрелившегося 23 декабря 1913 года. Ахматова
убедила себя, что виновна в этой катастрофе: знала, что юноша влюблен в нее, но,
по легкомыслию молодости, не сделала ничего, чтобы предотвратить трагическую
развязку.

Но, думается, не только этот случай лег в основу стихотворения.

В 1908 году Анна Горенко и Николай Гумилев расстались, как им казалось,
навсегда. Николай Степанович вернулся в Париж, Анна уехала в Севастополь. Там и
получила известие из Парижа: Коля пытался покончить с собой, врачи борются за
его жизнь, но положение серьезное. Успокаивающая телеграмма пришла лишь через
несколько дней... Этот факт конспективно отражен в ахматовских «Записных книжках»:

...Рассказ Т<олст>ого о самоуб<ийстве> в 1908 г. я знаю очень давно.
Т<олст>ой подтверд<ил> его в Ташкенте (1942). Эту историю знает и М.
Зенкевич. Те<eграмме>: «Viverai toujours». (Получила в
Севастоп<оле>, М<алая> Морс<кая>, д<ом> Мартино.)

Гибель юного поклонника не могла не вернуть Анну в те тревожные дни 1908 года,
когда она, получив телеграмму о попытке Гумилева покончить с собой, почти неделю
не знала, выживет ли ее Николай.

О том, что Линдеберг не является единственным героем этого стихотворения,
свидетельствует несколько деталей. Во-первых, героиня оплакивает бедного
влюбленного в костеле, тогда как Михаил был лютеранином и похоронен в
лютеранской части Волкова кладбища. А вот как Гумилев восхищался католической
храмовой архитектурой и в Италии, и в Польше. Он научил и Анну понимать ее
высокую красоту. Кроме того, обращаясь мысленно к самоубийце, Ахматова называет
его «веселым мальчиком». Но те же самые слова уже год как произнесены и подарены
Гумилеву (которому она чуть было не принесла смерть!) – в поэтическом
воспоминании об их первой встрече в Царском Селе: «Эти липы, верно, не забыли
нашей встречи, мальчик мой веселый». И вряд ли это небрежность или забывчивость:
Анна Андреевна верила в судьбоносность «странных сближений», в мистику роковых
совпадений. А здесь и впрямь было что-то и мистическое и роковое. Аня Горенко и
Коля Гумилев познакомились 24 декабря 1903 года. Почти в тот же самый день
календаря – 23 декабря – застрелился Михаил Линдеберг. По воле рока две
незабвенные даты совпали, слились в одно поэтическое переживание. Предположение
(адресат стихотворения «Высокие своды костела...» – не только Линдеберг, но и
Гумилев) подтверждает и такая подробность. Ахматова пишет: «Я не знала, как
хрупко горло под синим воротником». Синий воротник – тоже гумилевская примета.
Когда Анна и Нколай в 1909 году, после его парижской попытки «самоубийства»,
снова встретились, он был уже студентом Петербургского университета и носил
форменный мундир с высоким синим воротником. (См. в воспоминаниях С. К.
Маковского: «Он (Н. Гумилев в 1909 году. – А. М.) был в форме: в длинном
студенческом сюртуке, „в талию“, с высоким темно-синим воротником по моде того
времени».)

* * *

Не будем пить из одного стаканаНи воду мы, ни сладкое вино,Не поцелуемся мы
утром рано,А ввечеру не поглядим в окно.Ты дышишь солнцем, я дышу луною,Но живы
мы любовью одною.Со мной всегда мой верный, нежный друг,С тобой твоя веселая
подруга.Но мне понятен серых глаз испуг,И ты виновник моего недуга.Коротких мы
не учащаем встреч.Так наш покой нам суждено беречь.Лишь голос твой поет в моих
стихах,В твоих стихах мое дыханье веет.О, есть костер, которого не
смеетКоснуться ни забвение, ни страх.И если б знал ты, как сейчас мне любыТвои
сухие, розовые губы!ноябрь 1913

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,О смерти Господа моля.Но все мне памятна до
болиТверская скудная земля.Журавль у ветхого колодца,Над ним, как кипень,
облака,В полях скрипучие воротца,И запах хлеба, и тоска.И те неяркие
просторы,Где даже голос ветра слаб,И осуждающие взорыСпокойных загорелых
баб.Осень 1913, Слепнево

* * *

В. С. Срезневской

Вместо мудрости – опытность, пресное, Неутоляющее питье. А юность была – как молитва воскресная... Мне ли забыть ее? Столько дорог пустынных исхожено С тем, кто мне не был мил, Сколько поклонов в церкви положено За того, кто меня любил... Стала забывчивей всех забывчивых, Тихо плывут года. Губ нецелованных, Глаз не улыбочивых Мне не вернуть никогда. Осень 1913 года, Царское Село

* * *

В то время я гостила на земле. Мне дали имя при крещении – Анна, Сладчайшее для губ людских и слуха. Так дивно знала я земную радость И праздников считала не двенадцать, А столько, сколько было дней в году. Я, тайному велению покорна, Товарища свободного избрав, Любила только солнце и деревья. Однажды поздним летом иностранку я встретила в лукавый час зари, И вместе мы купались в теплом море. Ее одежда странной мне казалась, Еще страннее – губы, а слова – Как звезды падали сентябрьской ночью, И стройная меня учила плавать, Одной рукой поддерживая тело Неопытное на тугих волнах. И часто, стоя в голубой воде, Она со мной неспешно говорила, И мне казалось, что вершины леса Слегка шумят, или хрустит песок, Иль голосом серебряным волынка Вдали поет о вечере разлук. Но слов ее я помнить не могла И часто ночью с болью просыпалась. Мне чудился полуоткрытый рот, Ее глаза и гладкая прическа. Как вестника небесного молила девушку печальную тогда: «Скажи, скажи, зачем угасла память, И, так томительно лаская слух, Ты отняла блаженство повторенья?..» И только раз, когда я виноград В плетеную корзинку собирала, А смуглая сидела на траве, Глаза закрыв и распутивши косы, И томною была и утомленной От запаха тяжелых синих ягоди пряного дыханья дикой мяты, – Она слова чудесные вложила в сокровищницу памяти моей, И, полную корзину уронив, Припала я к земле сухой и душной, Как к милому, когда поет любовь. Осень 1913

* * *

Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха. Ты напрасно бережно кутаешь Мне плечи и грудь в меха. И напрасно слова покорные Говоришь о первой любви. Как я знаю эти упорные, Несытые взгляды твои! Декабрь 1913, Царское Село

* * *

Я с тобой не стану пить вино, Оттого что ты мальчишка озорной. Знаю я – у вас заведено С кем попало целоваться под луной. А у нас – тишь да гладь, Божья благодать. А у нас – светлых глаз Нет приказу подымать. Декабрь 1913

* * *

И жар по вечерам, и утром вялость, И губ потрескавшихся вкус кровавый. Так вот она – последняя усталость, Так вот оно – преддверье царства славы. Гляжу весь день из круглого окошка: Белеет потеплевшая ограда, И лебедем заросла дорожка, А мне б идти по ней – такая радость. Чтобы песок хрустел и лапы елок – И черные и влажные – шуршали, Чтоб месяца бесформенный осколок Опять увидеть в голубом канале. Декабрь 1913

9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

Самые темные дни в году Светлыми стать должны. Я для сравнения слов не найду – Так губы твои нежны. Только глаза подымать не смей, Жизнь мою храня. Первых фиалок они светлей, А смертельные для меня. Вот поняла, что не надо слов, Оснеженные ветки легки... Сети уже разостлал птицелов На берегу реки. Декабрь 1913, Царское Село

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставлю. Да будет жизнь пустынна и светла. Тебя, тебя в моих стихах прославлю, Как женщина прославить не могла. И ты подругу помнишь дорогую В тобою созданном для глаз ее раю, А я товаром редкостным торгую – Твою любовь и нежность продаю. Зима 1913, Царское Село

* * *

О, это был прохладный день В чудесном городе Петровом! Лежал закат костром багровым, И медленно густела тень. Пусть он не хочет глаз моих, Пророческих и неизменных. Всю жизнь ловить он будет стих, Молитву губ моих надменных. Зима 1913, Царское Село

* * *

Я так молилась: «Утоли Глухую жажду песнопенья!» Но нет земному от земли И не было освобожденья. Как дым от жертвы, что не мог Взлететь к престолу Сил и Славы, А только стелется у ног, Молитвенно целуя травы, – Так я, Господь, простерта ниц: Коснется ли огонь небесный Моих сомкнувшихся ресницы немоты моей чудесной? Зима 1913, Царское Село

* * *

Проводила друга до передней. Постояла в золотой пыли. С колоколенки соседней Звуки важные текли. Брошена! Придуманное слово – Разве я цветок или письмо? А глаза глядят уже суровов потемневшее трюмо. 1913, Царское Село

* * *

Цветов и неживых вещей Приятен запах в этом доме. У грядок груди овощей Лежат,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
пестры, на черноземе.Еще струится холодок,Но с парников снята рогожа.Там есть
прудок, такой прудок,Где тина на парчу похожа.А мальчик мне сказал, боясь,Совсем
взволнованно и тихо,Что там живет большой карасьИ с ним большая карасиха.1913

* * *

Каждый день по-новому тревожен.Все сильнее запах спелой ржи.Если ты к ногам моим
положен,Ласковый, лежи.Иволги кричат в широких кленах,Их ничем до ночи не
унять.Любо мне от глаз твоих зеленыхОс веселых отгонять.На дороге бубенец
завякал –Памятен нам этот легкий звук.Я спую тебе, чтоб ты не плакал,Песенку о
вечере разлук.1913
СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьИИз литого серебра.Стынет в грозном нетерпеньиКонь
Великого Петра.Ветер душный и суровыйС черных труб сметает гарь...Ах! своей
столицей новойНедоволен государь.

Исаакиевский собор

2

Сердце бьется ровно, мерно,Что мне долгие года!Ведь под аркой на ГалернойНаши
тени навсегда.Сквозь опущенные векиВижу, ты со мной,И в руке твоей
навекИнераскрытый веер мой.Оттого, что стали рядомМы в блаженный миг чудес,В
миг, когда над Летним садомМесяц розовый воскрес, –Мне не надо ожиданийУ
постылого окнаИ томительных свиданий.Вся любовь утолена.Ты свободен, я
свободна,Завтра лучше, чем вчера,Над Невою темноводной,Под улыбкою
холоднойИмператора Петра.1913

* * *

О тебе вспоминаю я редкой твоей не пленяюсь судьбой,Но с души не стирается
меткаНезначительной встречи с тобой.Красный дом твой нарочно миную,Красный дом
твой над мутной рекой,Но я знаю, что горько волнуЮТвой пронизанный солнцем
покой.Пусть не ты над моими устамиНаклонялся, моля о любви,Пусть не ты золотыми
стихамиОбессмертил томленья мои –Я над будущим тайно колдую,Если вечер совсем
голубой,И предчувствую встречу вторую,Неизбежную встречу с тобой.1913

* * *

Как страшно изменилось тело,Как рот измученный поблек!Я смерти не такой
хотела,Не этот назначала срок.Казалось мне, что туча с тучейСшибется где-то в
вышинеИ молнии огонь летучий,И голос радости могучей,Как Ангелы, слетят ко
мне.1913

* * *

На шее мелких четок ряд,В широкой муфте руки прячу,Глаза рассеянно глядят
больше никогда не плачут.И кажется лицо бледнейОт лилового шелка,Почти
доходит до бровейМоя незавитая челка.И не похожа на полетПоходка медленная
эта,Как будто под ногами плот,А не квадратики паркета.А бледный рот слегка
разжат,Неровно трудное дыханье,И на груди моей дрожатЦветы небывшего
свиданья.1913Когда вышли ахматовские «Четки», собравшие под своей обложкой стихи
1912–1914 гг., читатели, а особенно читательницы, стали гадать, кто же тот
счастливцев, к кому обращены любовные послания дамы в лиловоющих шелках. Тем, кто
задавал этот вопрос лично ей, Анна Андреевна отвечала: многим! И, по всей
вероятности, не лукавила. У нее в те годы действительно было много увлечений, да
и в нее многие влюблялись: художник Сергей Судейкин, поэт и критик Николай
Недоброво, граф Зубов. Нет, нет, она вовсе не считала, как некоторые поэты
Серебряного века, что и жизнь, и слезы, и любовь – всего лишь средство для
ярко-певучих стихов. Однако уже догадалась: чем больше она, на опыте своего
сердца, узнает о том, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они любят
друг друга, тем лучше становятся ее стихи. Эту тайну («разгадку жизни моей») Анна
никому не открывала, но Николай Недоброво, друг и возлюбленный, поэт и
критик, загадку разгадал. В 1915–м он подарил Ахматовой такие стихи:

Как ты звучишь в ответ на все сердца,Ты душами, раскрывши губы, дышишь,Ты, в
приближенье каждого лица,В своей крови свирелье пенье слышишь!Вспоминая юную
Ахматову, Георгий Адамович писал:

«Позднее в ее наружности отчетливее обозначился оттенок трагический: Рашель в
„Федре“, как в известном восьмистишии сказал Осип Мандельштам после одного из
чтений в „Бродячей Собаке“, когда она, стоя на эстраде, со своей
„ложноклассической“, „спадавшей с плеч“ шалью, казалось, облагораживала и

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru возвышала все, что было вокруг. Но первое мое впечатление было иное. Анна Андреевна почти непрерывно улыбалась, усмехалась, весело и лукаво перешепывалась с Михаилом Леонидовичем Лозинским, который, по-видимому, наставительно уговаривал ее держаться серьезнее, как подобает известной поэтессе, и внимательнее слушать стихи. На минуту-другую она умолкала, а потом снова принималась шутить и что-то нашептывать.

Анна Ахматова и Михаил Лозинский на заседании «Цеха поэтов». Карандашный рисунок С. Городецкого. 1913 г.

Правда, когда наконец попросили прочесть что-нибудь, она сразу изменилась, как будто даже побледнела: в «насмешнице», в «царскосельской веселой грешнице» – как Ахматова на склоне лет сама себя охарактеризовала в «Реквиеме» – мелькнула будущая Федра. Но ненадолго. При выходе из семинария меня ей представили. Анна Андреевна сказала: «Простите, я, кажется, всем вам мешала сегодня слушать чтение. Меня скоро перестанут сюда пускать...» – и, обернувшись к Лозинскому, опять рассмеялась».

Г. Адамович, «Мои встречи с Ахматовой»

Я ПРИШЛА К ПОЭТУ В ГОСТИ

Анна Ахматова. Начало 20-х годов.

В трагическую осень 1913 года в жизни Анны Ахматовой произошло знаменательное событие. Александр Блок, с которым она была шапочно знакома уже два года, наконец-то выделил ее из стайки влюбленных в него молодых поэтесс. Анна Андреевна очень волновалась. И у нее были на то причины.

Когда в 1911 году в журнале «Аполлон» опубликовали ее стихотворение «Сероглазый король», не только читающая публика, но даже мать Блока решила, что стихи – признание в любви королю русской поэзии Серебряного века. Это было вполне в духе времени. Подобный воздушный роман (по аналогии с воздушным поцелуем) пережила, например, в ранней юности подруга Ахматовой знаменитая актриса Фаина Раневская. Вот как она вспоминала свою романтическую влюбленность в Василия Ивановича Качалова в опубликованном посмертно «Дневнике на клочках»:

«Родилась я в конце прошлого века, когда в моде еще были обмороки. Мне очень нравилось падать в обморок, к тому же я никогда не расшибалась, стараясь падать грациозно... В тот день я шла по Столешникову переулку, разглядывала витрины роскошных магазинов и рядом с собой услышала голос человека, в которого была влюблена до одурения. Собирала его фотографии, писала ему письма, никогда их не отправляя. Поджидала у ворот его дома... Услышав его голос, упала в обморок. Неудачно. Сильно расшиблась. Меня приволокли в кондитерскую, рядом. Она и теперь существует. А тогда принадлежала французенке с французом. Сердобольные супруги влили мне в рот крепчайший ром, от которого я сразу пришла в себя и тут же снова упала в обморок, так как этот голос прозвучал вновь, справляясь, не очень ли я расшиблась».

Судя по письмам к С. Штейну, в гимназические годы Аня Горенко, как и киевская ее кузина Мария Александровна Змунчила, испытывала заочную нежность к автору «Стихов о Прекрасной Даме». А вот с живым Блоком у Анны Андреевны Гумилевой отношения были крайне сложными, может быть, куда более сложными, чем те, что описаны Ахматовой в кратком очерке «Воспоминания об Александре Блоке». Этот текст Ахматова постоянно дополняла, уточняла, варьировала, а суть дополнений выразила в «Записных книжках» в такой формуле: «Написать „Восп$\<\>оминания$» о Блоке, который все предчувствовал и ничего не почувствовал».

В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (то есть только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Но я представила себе пышное петербургское ресторанное чествование, почему-то

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское, и плохой французский язык,
и тосты – и предпочла курсисток.

На этот вечер приехали и дамы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за
равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна
Тыркова<...>, знавшая меня с детства, сказала после моего выступления: «Вот
Аничка для себя добилась равноправия».

Эмиль Верхарн. Портрет работы Л.О. Пастернака
В артистической я встретила Блока...

Я спросила его, почему он не на чествовании Верхарна.

Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Оттого, что там будут просить
выступать, а я не умею говорить по-французски».

К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после
блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после
вас». Он – с упреком – в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он
уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои
стихи в Цехе поэтов, и в Обществе Ревнителеев Художественного Слова, и на Башне
Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада.
Эстрада что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз.
Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гдрой.
Владеть залом очень трудно – гением этого дела был Зоценко. Хорош на эстраде был
и Пастернак.

Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок
посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь». Я стала отказываться: «Когда я
читаю „Я надела узкую юбку“, – смеются». Он ответил: «Когда я читаю „И пьяницы с
глазами кроликов“, – тоже смеются...» В одно из последних воскресений тринадцатого
года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал. На каждой он написал
просто: «Ахматовой – Блок». (Вот «Стихи о Прекрасной Даме».) А на третьем томе
поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам скажут...» У меня
никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок
бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в
волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано испанской строфой
романсеро. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого драматического театра
весной 1921 года Блок подошел и спросил меня: «А где испанская шаль?» Это
последние слова, которые я слышала от него.

Анна Ахматова, Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

Блоковский поэтический портрет Ахматовой в испанской шали и в самом деле похож
на эскиз театрального костюма Кармен, однако одну важную и, видимо, бросающуюся
в глаза особенность ее поведения – сочетание внешней декоративности облика и
внутренней простоты – Блок все-таки подметил:

* * *

«Красота страшна», – Вам скажут –Вы накинете ленивошаль испанскую на
плечи,Красный розан – в волосах.«Красота проста», – Вам скажут, –Пестрой шалью
неумеловы укроете ребенка,Красный розан – на полу.Но рассеянно внимаяВсем
словам, кругом звучащим,Вы задумаетесь грустной твердите про себя:«Не страшна и
не проста я;Я не так страшна, чтоб простоубивать; не так проста я,чтоб не знать,
как жизнь страшна».16 декабря 1913Получив бандероль с подписанными сборниками и
испанским мадригалом, Ахматова не без труда (с эпистолярной прозой у нее были
весьма натянутые отношения) подобрала приличные случаю слова искренней
благодарности.

А. А. Ахматова – А. А. Блоку
<6 или 7 января 1914. Петербург>

Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спутали
номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с
большим трудом. А я скучала без Ваших стихов.

Вы очень добрый, что надписали мне так много книг, а за стихи я Вам глубоко и
навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удается мне реже всего в жизни.

Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное, и хочу для Вас радости. (Только не
от него, конечно. Видите, я не умею писать, как хочу.)

Анна Ахматова К письму были приложены стихи, в которых Анна Андреевна
описывает свой воскресный визит к Блоку 15 декабря 1913 года.

* * *

Я пришла к поэту в гости. Ровно полдень. Воскресенье. Тихо в комнате просторной, А за окнами морози малиновое солнце над лохматым сизым дымом... Как хозяин молчаливый ясно смотрит на меня! У него глаза такие, что запомнить каждый должен; Мне же лучше, осторожной, в них и вовсе не глядеть. Но запомнится беседа, дымный полдень, воскресенье в доме сером и высокому морских ворот Невы.

Александр Блок. Портрет работы К. Сомова. 1907 г.

Дом Блока в Петербурге, тот самый, у «Морских ворот Невы», который показался Анне Андреевне не только строгим, но и высоким.

Кабинет А. Блока.

Лирический дуэт Поэта и Поэтессы был вскоре, по инициативе Блока, опубликован в журнале «Любовь к трем апельсинам».

В том же январе написан и еще один поэтический портрет хозяина просторной комнаты. Однако опубликовать его Ахматова не стала. Ни при его жизни, ни при своей:

* * *

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника с улыбкой мертвой и сухой [15]. Как нас измучил взор пустой, твой взор тяжелый – полунощника. Но годы страшные пройдут, ты скоро снова будешь молод, и сохраним мы тайный холод тебе отсчитанных минут. 1914? Впрочем, и Блок не ограничился открыто преподнесенным святочным подарком. 15 декабря 1913 года сразу же после ухода Анны Андреевны созданы такие стихи:

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты ни лестию, ни красотой, ни словом. Я буду для тебя чужим и новым, всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты. И ты уйдешь. И некий саван белый прижмешь к губам ты, пребывая в снах. Всё будет сном: что ты хоронишь тело, что ты стоишь три ночи в головах. Упоена красивыми мечтами, ты укоризны будешь слать судьбе. Украсишь ты нежнейшими цветами могильный холм, приснившийся тебе. И тень моя пройдет перед тобою в девятый день и в день сороковой – неужанной, красивой, неживою. Такой ведь ты искала? – Да, такой. Когда же грусть твою погасит время, захочешь жить, сначала робко, ты другими снами, сказками не теми... И ты простой возжадешь красоты. И он придет, знакомый, долгожданный, тебя будить от неземного сна. И в мир другой, на миг благоуханный, тебя умчит последняя весна. А я умру, забытый и ненужный, в тот день, когда придет твой новый друг, в тот самый миг, когда твой смех жемчужный ему расскажет, что прошел недуг. Забудешь ты мою могилу, имя... И вдруг – очнешься: пусто; нет огня; и в этот час, под ласками чужими, припомнишь ты и призовешь – меня! Как исступленно ты протянешь руки в глухую ночь, о, бедная моя! Увы! Не долетают жизни звуки к утешенным весной небытия. Ты проклянешь, в мученьях невозможных, всю жизнь за то, что некого любить! Но есть ответ в стихах моих тревожных: их тайный жар тебе поможет жить. 15 декабря 1913 По-видимому, Блок эти стихи забраковал, видимо, как слишком интимные, и сделал другой «подарочный» вариант, сугубо светский. Знаменитый мадригал окончен 16 декабря.

В марте 1914 года, как только вышли «Четки», Анна Андреевна немедленно отослала их Блоку. С такой дарственной: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи». Блок к «Четкам» отнесся прохладно, стихи показались ему, при всей их талантливости, слишком женскими. Однако открыто, в глаза говорить такое ему не хотелось, и он уклонился от встречи. Так и не добившись серьезного разговора, Ахматова уехала из Петербурга к родным под Киев...

Летом 1914 года я была у мамы в Дарнице, под Киевом. В начале июля я поехала к

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru себе домой в деревню Слепнево, через Москву. В Москве сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то, у какой-то пустой платформы, паровоз тормозит, бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором неожиданно вырастает Блок. Я вскрикиваю: «Александр Александрович!» Он оглядывается и, так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов, сшивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока и под 9 июля 1914 года читаю: «Мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной. – Меня бес дразнит. – Анна Ахматова в почтовом поезде».

Анна Ахматова, Из «Воспоминаний об Александре Блоке» После этой чудесной встречи в ахматовской «Блокиане» появились патетические стихи, которые Ахматова также никогда не отдавала в печать:

* * *

И в Киевском храме Премудрости Бога, Припав к солее, я тебе поклялась, что будет моею твоя дорога, Где бы она ни вилась. То слышали ангелы золотые И в белом гробу Ярослав. Как голуби, выются слова просты И ныне у солнечных глав. И если слабею, мне снится икона И девять ступенек на ней. И в голосе строгом софийского звона Мне слышится голос тревоги твоей. Июль 1914

Петербург. Царскосельский вокзал. 1910 г.

А потом была еще одна странная встреча, уже во время войны:

Мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем (5 августа 1914 г.) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

Анна Ахматова, Из «Воспоминаний об Александре Блоке» В последующие годы Ахматова и Блок практически не пересекались, а если и сталкивались, то случайно. Там и тогда, где все и всегда встречались. Про одну случайную встречу вспоминала Анна Андреевна:

...И снова я уже после Революции (21 января 1919 г.) встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете».

Анна Ахматова, Из «Воспоминаний об Александре Блоке» Вторую зафиксировал Корней Иванович Чуковский в «Дневнике» в 1920 году; запись от 30 марта:

«Мы встретили ее и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из „Всемирной“. Первый раз вижу их обоих вместе... Замечательно – у Блока лицо непроницаемое – и только движется, все время зыблется, „реагирует“ что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа возле носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано много».

А. Блок и К. Чуковский на вечере в Большом драматическом театре. Фотография М. Наппельбаума. 25 апреля 1921 г.

И Гумилев, и многие литераторы из окружения Ахматовой осуждали Блока за поэму «Двенадцать». Ахматова молчала, но и не вжала осуждавшим: музыка, которую слышал Блок в революционном вихре, представлялась ей какофонией. К тому же почти все послереволюционные годы он активно занимался тем, что позднее назовут общественной деятельностью, а она забилась в угол, ушла в себя.

Однако на знаменитом последнем в Петербурге вечере Блока она была. Вечер вел Корней Чуковский.

Известие о смерти Блока застало Анну Андреевну врасплох:

...Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина (Ольга и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада – они накануне бежали за границу. На обратном пути во дворце Фонтанки, 18 встретили Тамару

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Персиц. Она плакала – умер Блок...

В гробу лежал человек, которого я никогда не видела. Мне сказали, что это Блок. Над ним стоял солдат – старик седой, лысый, с безумными глазами. Я спросила: «Кто это?» – «Андрей Белый». Панихида. Ершовы (соседи) рассказывали, что он от боли кричал так, что прохожие останавливались под окнами.

Хоронил его весь город, весь тогдашний Петербург или вернее то, что от него осталось. Справлявшие на кладбище престольный праздник туземцы непрерывно спрашивали нас: «Кого хороните?»

В церкви на заупокойной обедне было теснее, чем бывает у Пасхальной заутрени. И непрерывно все [было] происходило, как в стихах Блока. Это тогда все заметили и потом часто вспоминали...

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» Смерть Блока не только ошеломила Ахматову, она словно бы стерла с лица поэта случайные черты.

* * *

Не чудо ли, что знали мы его, Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева, И Пресвятая охраняла Дева Прекрасного Поэта своего. 16 августа 1921 Петербург

А. А. Блок. 1900-е годы. Рисунок неизвестного художника.

Обратите внимание на дату стихотворения: 16 августа – это девятины: Александр Блок умер 7 августа 1921 года. Может быть, это и простое совпадение, но случилось именно так, как он – ей предсказал: «И тень моя пройдет перед тобою / В девятый день и в день сороковой – / Незузнанной, красивой...»

...А через четверть века все в том же Драматическом театре – вечер памяти Блока (1946 г.), и я читаю только что написанные мною стихи:

Он прав – опять фонарь, аптека, Нева, безмолвие, гранит... Как памятник началу века, Там этот человек стоит – Когда он Пушкинскому Дому, Прощаясь, помахал рукой и принял смертную истому Как незаслуженный покой. Анна Ахматова, Из «Воспоминаний об Александре Блоке» Стихотворение «Он прав – опять фонарь, аптека...» – первая часть посвященного Блоку триптиха, «Пора забыть верблюжий этот гам...» – вторая; «И в памяти черной пошарив, найдешь...» – третья.

* * *

Пора забыть верблюжий этот гам Белый дом на улице Жуковской. Пора, пора к березам и грибам, К широкой осени московской. Там всё теперь сияет, всё в росе, И небо забирается высоко, – И помнит Рогачевское шоссе [16] Разбойный посвист молодого Блока... (1944–1950)

* * *

И в памяти черной пошарив, найдешь до самого локтя перчатки, И ночь Петербурга. И в сумраке ложт запах и душный и сладкий. И ветер с залива. А там, между строк, Минуя и ахи и охи, Тебе улыбнется презрительно Блок – Трагический тенор эпохи. 1960 Заключительной главой ахматовской «Блокианы» стал портрет человека-эпохи в окончательной редакции «Поэмы без героя» (1962):

На стене его твердый профиль. Гавриил или Мефистофель Твой, красавица, паладин? Демон сам с улыбкой Тамары, Но такие таятся чары В этом страшном дымном лице: Плоть, почти что ставшая духом, И античный локон над ухом – Все – таинственно в прищелце.

Анна Ахматова. 1915 г.

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет. Так и мы не знали в начале десятых годов, что жили накануне первой европейской войны и Октябрьской революции.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Анна Ахматова. Худ. Д. Бушен. 1914 г.

ГОСТЬ

Всё как раньше: в окна столовой Бьет мелкий метельный снег, И сама я не стала новой, А ко мне приходил человек. Я спросила: «Чего же ты хочешь?» Он сказал: «Быть

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
с тобой в аду». Я смеялась: «Ах, напророчишь! Нам обоим, пожалуй, беду». Но,
поднявши руку сухую, Он слегка потрогал цветы: «Расскажи, как тебя
целуют, Расскажи, как целуешь ты». И глаза, глядевшие тускло, Не сводил с моего
кольца. Ни один не двинулся мускул Просветленно-злого лица. О, я знаю, его отрада
– напряженно и страстно знать, что ему ничего не надо, что мне не в чем ему
отказать. 1 января 1914

* * *

После ветра и мороза было Любо мне погреться у огня. Там за сердцем я не
уследила, И его украли у меня. Новогодний праздник длится пышно, Влажны стебли
новогодних роз, А в груди моей уже не слышно Трепетания стрекоз. Ах! не трудно
угадать мне вора, Я его узнала по глазам. Только страшно так, что скоро, скоро Он
вернет свою добычу сам. Январь 1914

* * *

Смеркается, и в небе темно-синем, Где так недавно храм Ерусалимский Таинственным
сиял великолепьем, Лишь две звезды над путаницей веток, И снег летит откуда-то не
сверху, А словно подымается с земли, Ленивый, ласковый и осторожный. Мне странную в
тот день была прогулка. Когда я вышла, ослепил меня Прозрачный отблеск на вещах и
лицах, Как будто всюду лепестки лежали Тех желто-розовых некрупных роз, Название
которых я забыла. Безветренный, сухой, морозный воздух Так каждый звук лелеял и
хранил, что мнилось мне: молчанья не бывает. И на мосту, сквозь ржавую
решетку Просовывая руки в рукавичках, Кормили дети пестрых жадных уток, что
кувыркались в проруби чернильной. И я подумала: не может быть, чтоб я когда-нибудь
забыла это. И если трудный путь мне предстоит, Вот легкий груз, который мне под
силу С собою взять, чтоб в старости, в болезни, Быть может, в нищете –
припоминать Закат неистовый, и полноту душевных сил, и прелесть милой
жизни. 1914–1916 – <июнь> 1940

* * *

В последний раз мы встретились тогда на набережной, где всегда встречались. Была в
Неве высокая вода, И наводненья в городе боялись. Он говорил о лете и о том, что
быть поэтом женщине – нелепость. Как я запомнила высокий царский дом
Петропавловскую крепость! – затем что воздух был совсем не наш А как подарок Божий
– так чудесен. И в этот час была мне отдана Последняя из всех безумных
песен. Январь 1914

* * *

Как ты можешь смотреть на Неву, Как ты смеешь всходить на мосты?.. Я недаром
печальной слыву С той поры, как привиделся ты. Черных ангелов крылья остры Скоро
будет последний суд, И малиновые костры, словно розы, в снегу цветут. Начало 1914
года, Петербург

РАЗЛУКА
Вечерний и наклонный Передо мною путь. Вчера еще, влюбленный, Молил: «Не
позабуди». А нынче только ветры да крики пастухов, Взволнованные кедры У чистых
родников. Февраль 1914

* * *

Углем наметил на левом боку Место, куда стрелять, чтоб выпустить птицу – мою
тоску В пустынную ночь опять. Милый! не дрогнет твоя рука. И мне недолго
терпеть. Вылетит птица – моя тоска, Сядет на ветку и станет петь. Чтоб тот, кто
спокоен в своем доме, Раскрывши окно, сказал: «Голос знакомый, а слов не пойму»,
– и опустил глаза. 31 января 1914, Петербург

* * *

Чернеет дорога приморского сада, Желты и свежи фонари. Я очень спокойная. Только
не надо Со мною о нем говорить. Ты милый и верный, мы будем друзьями... Гулять,
целоваться, стареть... И легкие месяцы будут над нами, Как снежные звезды,
лететь. <Март> 1914

* * *

«Где, высокая, твой цыганенок, Тот, что плакал под черным платком, Где твой
маленький первый ребенок, что ты знаешь, что помнишь о нем?» «Доля матери –
светлая пытка, Я достойна ее не была. В белый рай растворилась калитка, Магдалина
сыночка взяла. Каждый день мой – веселый, хороший, Заблудилась я в длинной
весне, Только руки тоскуют по ноше, Только плач его слышу во сне. Станет сердце
тревожным и томным, И не помню тогда ничего, Все брожу я по комнатам темным, Все
ищу колыбельку его». 11 апреля 1914, Петербург

* * *

Не убил, не проклял, не предал, Только больше не смотрит в глаза. И стыд свой
темный поведал в тихой комнате образам. Весь согнулся, и голос глуше, Белых рук
движенья верней... Ах! когда-нибудь он задушит, Задушит меня во сне. <26
апреля> 1914

* * *

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Мне не надо счастья малого, Мужа к милой провожу и довольного, усталого
Спать ребенка уложу. Снова мне в прохладной горнице Богородицу молить... Трудно, трудно
жить затворницей, Да трудней веселой быть. Только б сон приснился пламенный, Как
войду в нагорный храм, Пятиглавый, белый, каменный, По запомненным тропам. Май
1914, Петербург
* * *

Не в лесу мы, довольно аукать, – Я насмешек таких не люблю... Что же ты не приходишь
баюкать Уязвленную совесть мою? У тебя заботы другие, У тебя другая жена... И глядит
мне в глаза сухие Петербургская весна. Трудным кашлем, вечерним жаром Наградит по
заслугам, убьет. На Неве под млеющим паром Начинается ледоход. Весна 1914,
Петербург

С. Судейкин. Силуэт работы Е. Кругликовой

* * *

<Сергею Судейкину>

Спокоен ход простых суровых дней, Покорно все приемлю превращенья. В сокровищнице
памяти моей Твои слова, улыбки и движенья. Весна 1914, Петербург

* * *

<Сергею Судейкину>...

это тот, кто сам мне подал цитрув тихий час земных чудес, Это тот, кто на твою
палитру Бросил радугу с небес. 1914<?>

Рисунок С. Судейкина

Георгий Чулков заметил Ахматову на выставке «Мир искусства» ранней осенью 1910
года. Она стояла перед картинами Судейкина... Позднее Анна Андреевна скажет о
живописи Сергея Судейкина, что это радуга, самим Творцом брошенная на его
палитру. Определение очень точное. Вот как характеризует творчество Судейкина
10-х годов искусствовед С. Маковский, в ту пору главный редактор и владелец
журнала «Аполлон»:

«Не отнимешь русскости и у Судейкина – своевольного, эфемерного, кипучего,
изобретательного и противоречивого Судейкина, словно из рога изобилия
забрасывающего выставки „Мира искусства“ своими пасторальями, аллегориями,
каруселями, бумажными балеринами, пастушками, овечками, амурами, фарфоровыми
уродцами, игрушечными пряностями и витринными безделушками, оживленными куклами
всех видов и раскрасок из фейных королевств Андерсена и Гофмана, из
зачарованного мира детских воспоминаний и смежного с ним мира, где все
невозможное кажется бывшим и все бывшее невозможным. Не только русский поэт, но
и москвич типичный, с примесью пестрой азиатчины, этот неутомимый фантаст,
играющий в куклы, так далек от современности и вместе с тем такой ей близкий,
мыслимый только в нашу эпоху, противоречивую и хаотическую, ни во что не
верующую и поверившую всем сказкам красоты».

Известное стихотворение Ахматовой, где лирическая героиня представлена в облике
канатной плясуньи – «Как мой китайский зонтик красен, натерты мелом башмачки...»
(ноябрь 1911 г.), видимо, написано по мотивам известной картины Судейкина
«Карусель» (1910).

В эмиграции этот «неутомимый фантаст» станет модным театральным художником,
впрочем, и в России он продавался дороже и чаще своих братьев по цеху, его
рисунки и гравюры охотно печатали и дорогие столичные иллюстрированные журналы.

УЕДИНЕНИЕ

Так много камней брошено в меня, что ни один из них уже не страшен, И стройной
башней стала западня, Высокою среди высоких башен. Строителей ее благодарю, Пусть
их забота и печаль минует. Отсюда раньше вижу я зарю, Здесь солнца луч последний
торжествует. И часто в окна комнаты моей Влетают ветры северных морей, И голубь ест
из рук моих пшеницу... А недописанную мной страницу, Божественно спокойна и
легка, Допишет Музы смуглая рука. 6 июня 1914, Слепнево

* * *

Ты мог бы мне сниться и реже, Ведь часто встречаемся мы, Но грустен, взволнован и
нежен Ты только в святилище тьмы, И слаще хвалы серафимам Мне губ твоих милая
лесть... О, там ты не путаешь имя Мое. Не вздыхаешь, как здесь.<29 июня> 1914
ПОБЕГ

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

О. А. Кузьминой-Караваевой

«Нам бы только до взморья добраться, Дорогая моя!» – «Молчи...»И по лестнице стали спускаться,Задыхаясь, искали ключи.Мимо зданий, где мы когда-тоТанцевали, пили вино,Мимо белых колонн Сената,Туда, где темно, темно.«Что ты делаешь, ты безумный!»«Нет, я только тебя люблю!Этот ветер – широкий и шумный,Будет весело кораблю!»Горло тесно ужасом сжато,Нас в потемках принял челнок...Крепкий запах морского канатаЗадрожавшие ноздри обжег.«Скажи, ты знаешь наверно:Я не сплю? Так бывает во сне...»Только весла плескались мерноПо тяжелой невской волне.А черное небо светало,Нас окликнул кто-то с моста,Я руками обеими сжалаНа груди цепочку креста.Обессиленную, на руках ты,Словно девочку, внес меня,Чтоб на палубе белой яхтыВстретить свет нетленного дня.Июнь 1914, Слепнево«Побег» написан Ахматовой для альбома молоденькой родственницы Гумилева Ольги Кузьминой-Караваевой.

Не исключено, что сюжет этого стихотворения связан с трагической историей шхуны «Святая Анна», отправившейся в полярное путешествие в августе 1912 года прямо от причала в центре Петербурга – у Николаевского моста. Капитан «Святой Анны», сын начальника Морского главного штаба Георгий Львович Брусилов, учился в Морском кадетском корпусе одновременно со старшим братом Гумилева Митей. Экспедиция «Святой Анны», которая должна была доказать, что Северный морской путь может стать торговым, коммерчески выгодным, бесследно затерялась в белом безмолвии Арктики. Однако в течение нескольких лет была надежда, что дрейфующие льды вынесут «Святую Анну» к берегам Шпицбергена. Имя ее капитана Георгия Брусилова, героя Цусимы, не сходило с первых полос русской прессы, а у барышень был особый резон интересоваться судьбой «Святой Анны». Дело в том, что в экспедиции была женщина. И не какая-то дама полусвета, а молоденькая девушка из хорошей генеральской семьи, приятельница кузин Георгия Львовича. Вообще-то двадцатилетняя Ерминия Жданко должна была доплыть с брусиловцами лишь до Архангельска, но она только что окончила курсы сестер милосердия, и когда выяснилось, что команда «Святой Анны» осталась без судового врача, отказалось, как было договорено с родными, сойти на берег. Однако русским барышням, особенно провинциальным, в мужественном поступке генеральской дочери виделось что-то исключительно романтическое: побег, любовное приключение – почти по Игорю Северянину:

Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,На крылатую яхту из березы карельской.Капитан, мой любовник, встал с рассветом на вахту,Закружился пропеллер душной ночью апрельской.

Автограф стихотворения «Моей сестре»

Сестра Ия, она летом 1914 года жила вместе с матерью на даче под Киевом.

МОЕЙ СЕСТРЕ

Подошла я к сосновому лесу.Жар велик, да и путь не короткий.Отодвинул дверную завесу,Вышел седенький, светлый и кроткий.Поглядел на меня прозорливецИ промолвил: «Христова невеста!Не завидуй удаче счастливиц,Там тебе уготовано место.Позабудь о родительском доме,Уподобься небесному крину.Будешь, хворая, спать на соломеИ блаженную примешь кончину».Верно, слышал святитель из кельи,Как я пела обратной дорогойО моем несказанном весельи,И дивясь, и радуясь много.<8> июля 1914, Дарница – Слепнево

* * *

Лучше б мне частушки задорно выкликать,А тебе на хриплой гармонике играть!И уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,Потерять бы ленту из тугой косы.Лучше б мне ребеночка твоего качать,А тебе полтинник в сутки выручать,И ходить на кладбище в поминальный деньДа смотреть на белую Божию сирень.<8> июля 1914, Дарница

* * *

Древний город словно вымер,Странен мой приезд.Над рекой своей ВладимирПоднял черный крест.Липы шумные и вязыПо садам темны,Звезд иглистые алмазыК Богу взнесены.Путь мой жертвенный и славныйЗдесь окончу я,И со мной лишь ты, мне равный,Да любовь моя.<8> июля 1914, Киев – Слепнево

* * *

Справа Днепр, а слева клены,Высь небес тепла.В день прохладный и зеленыйя сюда пришла.Без котомки, без ребенка,Даже без клюки,Был со мной лишь голос звонкийЛасковой тоски.Не спеша летали пчелкиПо большим цветам,И дивились богомолкиСиним куполам.<8> июля 1914<?>, Киев

...Все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и кончила фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому, что Н. С. Гумилев написал: «Из города

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Киева из логова Змиева я взял не жену, а колдунью...» (1910). А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941–1944, во время эвакуации). Одну зиму, когда кончала Фундуклеевскую гимназию, и две зимы, когда была на Высших женских курсах.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»В общем и целом формально Ахматова как бы и права, однако обстоятельства складывались так, что и после возвращения в Царское Село она продолжала часто ездить в Киев – и летом, и зимой, на Рождество; там жили ее родные: мать, брат, тетка.. И стихов о Киеве у нее куда больше, чем, скажем, о Москве. Голос памяти возвратит ее в Киев и в сентябре 1921 года; именно здесь, а не в Петербурге, она как бы отслужит панихиду об убиенном Гумилеве:

Гулом полны алтари и склепы,И за Днепр широкий звон летит.Так тяжелый колокол МазелыНад Софийской площадью гудит.Все грозней бушует, непреклонный,Словно здесь еретиков казнят...21 сентября 1921

* * *

На Казанском или на ВолковомВремя землю пришло покупать.Ах! под небом северным шелковымТак легко, так прохладно спать.Новый мост еще не достроят,Не вернется еще зима,Как руки мои покроетПарчовая бахрома.Ничьего не вспугну веселья,Никого к себе не зову.Мне одной справлять новосельеВ свежеразрытом рву.8 июля 1914, Слепнево

* * *

Н в. н. [17]

Целый год ты со мной неразлучен,А как прежде и весел и юн!Неужели же ты не измученСмутной песней затравленных струн, –Тех, что прежде, тугие, звенели,А теперь только стонут слегка,И моя их терзает без целиВосковая, сухая рука...Верно, мало для счастья надотем, кто нежен и любит светло,Что ни ревность, ни гнев, ни досадаМолодое не тронут чело.Тихий, тихий, и ласки не просит,Только долго глядит на меняИ с улыбкой блаженной выноситСтрашный бред моего забвения.<13 июля> 1914, СлепневоНиколай Недоброво был эстет, поэт, интеллектуал, по образованию филолог, по убеждению классик и даже классицист. Он и красив был какой-то особенной не современной красотой. Один из его современников вспоминал:

«О, как великолепен был тогда Недоброво!.. Он был безукоризненно красив... У него была стройная, словно точеная фигурка, впрочем, вполне достаточного, почти хорошего среднего роста. Лицо, руки – все гармонировало, как в античных скульптурах».

Николай Владимирович, по натуре скорее просвещенный дилетант и коллекционер, чем «труженик пера», женившись на богатой и красивой женщине, освободил себя от необходимости зарабатывать деньги литературным трудом. Правда, в ранней юности, будучи студентом, он сделал попытку примкнуть к группе молодых литераторов, которые считали литературу делом, профессией, а не средством самоусовершенствования. Но те вмиг распознали в нем чужака. В мемуарах поэта и критика Вл. Пста зафиксирован такой эпизод. В доме поэта Сергея Городецкого зашла как-то речь о необходимости создания поэтического кружка, по примеру художников, организовавших «Мир искусства»; идея такого кружка принадлежала Недоброву, но когда он ушел, хозяин заявил:

«Недоброво нам в кружке не нужен. Он производит впечатление, что вот-вот начнет собирать табакерки и будет говорить только о художественном качестве уникалов из своего собрания и ничем во всем мире не интересоваться. В тридцать лет будет сюсюкающим стариком».

Сюсюкающим стариком в тридцать лет Недоброво не стал. Ему было 33, когда он опубликовал статью о поэзии Анны Ахматовой, которую Анна Андреевна до конца жизни считала лучшей из всего написанного о ее творчестве, ценила и некоторые из его лирических стихотворений, может быть, даже и увлеклась, не слишком, а слегка, и так же легко разлюбила. И когда Павел Лукницкий, узнав от нее же, что стихотворение «Есть в близости людей заветная черта...» обращено к Николаю Владимировичу Недоброву, попросил сделать прозаический к ним комментарий, Анна Андреевна ответила как бы притчей: «Недоброво собирал коллекцию кружев. Я их не видела. Не хотела видеть».

* * *

Тяжела ты, любовная память!Мне в дыму твоём петь и гореть,А другим – это только пламя,Чтоб остывшую душу греть.Чтобы греть пресыщённое тело,Им надобны слезы мои...Для того ль я, Господи, пела,Для того ль причастилась любви!Дай мне выпить такой отравы,Чтобы сделалась я немой,И мою бесславную славуОсиянным забвением смой.18 июля 1914, Слепнево

* * *

За то, что я грех прославляла,Отступника жадно хваля,Я с неба ночного упалаНа эти сухие поля.И встала. И к дому чужомуПошла, притворилась своей,И терпкую злую истомуПринесла с июльских полей.И матерью стала ребенку,Женою тому, кто пел.Но

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
гневно и хрипло вдогонку Мне горний ветер свистел. 1914
Анна Ахматова – Николаю Гумилеву
17 июля 1914. Слепнево

Милый Коля, мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепнево.

Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно кажется имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С недобрим чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valige. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую

Твоя Анна

Левушка здоров и все умеет говорить

...Я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь «тот другой» («И как преступен он, суровый»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: „Мы пришли“». Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время. Но чувство именно этого порядка заставило меня в течение нескольких лет (1925–1930) заниматься собиранием и обработкой материалов по наследию Гумилева.

Этого не делали ни друзья (Лозинский), ни вдова, ни сын, когда вырос, ни так называемые ученики (Георгий Иванов). Три раза в одни сутки я видела Николая Степановича во сне, и он просил меня об этом (1924. Казанская, 2).

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Подошла. Я волнения не выдал, равнодушно глядя в окно. Села, словно фарфоровый идол, в позе, выбранной ею давно. Быть веселой – привычное дело, быть внимательной – это трудней... Или томная лень одолела? После мартовских пряных ночей? Утомительный гул разговоров, желтой люстры безжизненный знойный мельканье искусных проборов над приподнятой легкой рукой. Улыбнулся опять собеседники с надеждой глядят на нее... Мой счастливый, богатый наследник, ты почти завещаешь мое. 19 июля 1914, Слепнево

* * *

Я не любви твоей прошу. Она теперь в надежном месте... Поверь, что я твоей невесте ревнивых писем не пишу. Но мудрые прими советы: дай ей читать мои стихи, дай ей хранить мои портреты – ведь так любезны женихи! А этим дурочкам нужней сознание полное победы, чем дружбы светлые беседы и память первых нежных дней... Когда же счастья гроши ты проживешь с подругой милой и для пресыщенной души все станет сразу так постыло – в мою торжественную ночь не приходи. Тебя не знаю. И чем могла бы тебе помочь? От счастья я не исцеляю. 20 июля 1914, Слепнево

БЕЛЫЙ ДОМ
Морозное солнце. С парада идут и идут войска. Я полдню январскому рада, и тревога моя легка. Здесь помню каждую ветку и каждый силуэт. Сквозь инея белую сетку малиновый каплет свет. Здесь дом был почти что белый, стеклянное крыльцо. Столько раз рукой помертвело, я держала звонок-кольцо. Столько раз... Играйте, солдаты, а я мой дом отыщу, узнаю по крыше покатою, по вечному плющу. Но кто его отодвинул, в чужие унес города? Или из памяти вынул? Навсегда дорогу туда... Волынки вдали замирают, снег летит, как вишневый цвет... И, видно, никто не знает, что белого дома нет. Июль 1914, Слепнево

* * *

Бесшумно ходили по дому, не ждали уже ничего. Меня привезли к больному, и я не узнала его. Он сказал: «Теперь слава Богу, – и еще задумчивей стал. – Давно мне пора в дорогу, я только тебя поджидал. Так меня ты в бреду тревожишь, все слова твои берегу. Скажи: ты простить не можешь?» И я сказала: «Могу». Казалось, стены сияли от пола до потолка. На шелковом одеяле сухая лежала рука. А закинутый профиль хищный стал так страшно тяжел и груб, и было дыханье не слышно искусанных темных губ. Но вдруг последняя сила в синих глазах ожила: «Хорошо, что ты отпустила, не всегда ты доброй была». И стало лицо милое, я опять узнала его. И сказала: «Господи Боже, прими раба Твоего». Июль 1914, Слепнево

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Был блаженной моей колыбелью Темный город у грозной реки торжественной брачной постелью, Над которой держали венки Молодые твои серафимы, – Город, горькой любовью любимый. Солею молений моих Был ты, строгий, спокойный, туманный. Там впервые предстал мне жених, Указавши мой путь осиянный, И печальная Муза моя, Как слепую, водила меня. Июль 1914, Слепнево

Тверь, Общий вид

...Лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи»...

Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев. В моей комнате (на север) висела большая икона – Христос в темнице. Узкий диван был таким твердым, что я просыпалась ночью и долго сидела, чтобы отдохнуть... Над диваном висел небольшой портрет Николая I: не как у снобов в Петербурге – почти как экзотика, а просто, серьезно по-онегински («Царей портреты на стене»). В шкафу остатки старой библиотеки, даже «Северные цветы», и барон Брамбеус, и Руссо. Там я встретила войну 1914 года.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

ТОТ АВГУСТ, КАК ЖЕЛТОЕ ПЛАМЯ

Марк Шагал. На носилках. 1914 г.

июль 1914

1

Пахнет гарью. Четыре недели Торф сухой по болотам горит. Даже птицы сегодня не пели, И осина уже не дрожит. Стало солнце немилостью Божьей, Дождик с Пасхи полей не кропил. Приходил одноногий прохожий И один на дворе говорил: «Сроки страшные близятся. Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите глада, и труса, и мора, И затмения небесных светил. Только нашей земли не разделит На потеху себе супостат: Богородица белый расстелет Над скорбями великими плат».

2

Можжевелника запах сладкий От горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдаты, Вдовий плач по деревне звенит. Не напрасно молебны служились, О дожде тосковала земля: Красной влагой тепло окропились Затапанные поля. Низко, низко небо пустое, И голос молящего тих: «Ранят тело твое пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих». 20 июля, Слепнево День начала первой мировой войны Анна Ахматова запомнила на всю жизнь

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это Тогда случилось в час один: Короткое уже кончалось лето, Дымилось тело вспаханых равнин. Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо, я умоляла Бога До первой битвы умертвить меня. Из памяти, как груз отныне лишней, Исчезли тени песен и страстей. Ей – опустевшей – приказал Всевышний Стать страшной книгой грозных вестей. 10 июля 1916, Слепнево

Мемориальная ахматовская комната в слепневском доме, открытая в июне 1987 года. (Дом перевезен в село Гарадищи в 1935 г.)

В слепневском доме стоял плач. Анна Ивановна, рыдая, убеждала сына: Коля как главный кормилец в семье и к тому же белобилетник, медицинской комиссией от мобилизации освобожденный, не должен идти на войну, а Николай твердил, что запишется добровольцем. Левушка, испуганный, почему все плачут – и баба Аня, и

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
мама Аня, и тетя Саша, жался к отцу: Николай Степанович держался так, как будто ничего не произошло. Через неделю, неделю отсрочки Анна Ивановна с помощью внука выплакала-таки у сына, молодые Гумилевы уехали. Николай Степанович, проявив чудеса изобретательности (в первые дни войны освобожденных медкомиссией еще браковали), поступил добровольцем и именно туда, куда хотел: рядовым в лейб-гвардии Уланский полк.

Николай Гумилев. 1914 г.
Первый год войны сблизил супругов Гумилевых. Анна Андреевна писала мужу на фронт ласковые письма. А также стихи, обещая:

* * *

Будем вместе, милый, вместе,Знают все, что мы родные,А лукавые насмешки,Как бубенчик отдаленный,И обидеть нас не могут,И не могут огорчить.Где венчались мы – не помним,Но сверкала эта церковьТем неистовым сияньем,Что лишь ангелы умеютВ белых крыльях приносить.А теперь пора такая,Страшный год и страшный город.Как же можно разлучитьсяМне с тобой, тебе со мной?Весна 1915, Петербург

А. Ахматова и Н. Гумилев с сыном Львом. 1915 г.
Она даже проводила мужа до Новгорода, где был расквартирован Уланский полк.

* * *

Пустых небес прозрачное стекло,Большой тюрьмы белесое строеньеИ хода крестного торжественное пенъенад Волховом, синеющим светло.Сентябрьский вихрь, листья с березы свежав,Кричит и мечется среди ветвей,А город помнит о судьбе своей:Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.Сентябрь 1914

* * *

Был он ревнивым, тревожным и нежным,Как Божие солнце, меня любил,А чтобы она не запела о прежнем,Он белую птицу мою убил.Промолвил, войдя на закате в светлицу:«Люби меня, смейся, пиши стихи!»И я закопала веселую птицуЗа круглым колодцем у старой ольхи.Ему обещала, что плакать не буду,Но каменным сделалось сердце мое,И кажется мне, что всегда и повсюдуУслышу я сладостный голос ее.Осень 1914

* * *

Божий Ангел, зимним утромТайно обручивший нас,С нашей жизни беспечальнойГлаз не сводит потемневших.Оттого мы любим небо,Тонкий воздух, свежий ветерИ чернеющие веткиЗа оградою чугунной.Оттого мы любим строгий,Многоводный, темный город,И разлуки наши любим,И часы недолгих встреч.Сентябрь 1914, Петербург

Слдат и его жена. 1914 г. Рис. Марка Шагала.

* * *

Земная слава как дым,Не этого я просила.Любовникам всем моимя счастье приносила.Один и сейчас живой,В свою подругу влюбленный,И бронзовым стал другойНа площади оснеженной.Зима 1914

* * *

Вечерний звон у стен монастыря,Как некий благовест самой природы...И бледный лик в померкнувшие водыСклоняет сизокрылая заря.Над дальним лугом белые челныНездешние сопровождают тени...Час горьких дум, о, час разуверенийПри свете возникающей луны!&lт;декабрь> 1914

Н. Гончарова. Град обреченный. 1914 г. Литография из серии «Мистические образы войны».

* * *

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Покинув рощи родины священной дом, где Муза Плача изнывала, Я тихая, веселая,
Жила на низком острове, который, словно плот, Остановился в пышной невской
дельте. О, зимние таинственные дни, И милый труд, и легкая усталость, И розы в
умывальном кувшине! Был переулочек снежным и недлинным. И против двери к нам стеной
алтарной Воздвигнут храм Святой Екатерины. Как рано я из дома выходила, И часто по
нетронутому снегу Свои следы вчерашние напрасно На бледной, чистой пелене ища, И
вдоль реки, где шхуны, как голубки, Друг к другу нежно, нежно прижимаясь, О сером
взморье до весны тоскуют, – Я подходила к старому мосту. Там комната, похожая на
клетку, Под самой крышей в грузном, шумном доме, Где он, как чиж, свистал перед
мольбертом И жаловался весело, и грустно О радости небывшей говорил. Как в зеркало,
глядя, дела я тревожна На серый холст, и с каждою неделей Все горше и страннее было
сходство Мое с моим изображеньем новым. Теперь не знаю, где художник милый, С
которым я из голубой мансарды Через окно на крышу выходила И по карнизу шла над
смертной бездной, Чтоб видеть снег, Небу и облака, – Но чувствую, что Музы наши
дружны Беспечной и пленительною дружбой, Как девушки, не знавшие любви. 1914 –
<Mарт> 1915

* * *

Не тайны и не печали, Не мудрой воли судьбы – Эти встречи всегда
оставляли Впечатление борьбы. Я, с утра угадав минуту, Когда ты ко мне
войдешь, Ощущала в руках согнутых Слабо колющую дрожь. И сухими пальцами
мяла Пеструю скатерть стола... Я тогда уже понимала, Как эта земля мала. 1915 Пока
Гумилев был жив, Анна Андреевна считала, что причина их вечного противоборства –
психологическая несовместимость, помноженная на ее трудный характер. С годами
она поняла, что «сокрытым двигателем» семейных конфликтов было ее стремление
отстоять свою индивидуальность – не женскую, поэтическую
... Как я теперь думаю, весь мой протест в этом деле был инстинктивное желание
сохранить себя, свой путь в искусстве, свою индивидуальность.
Действительн<но> поразительно, как девочка, 10 л<ет> находившаяся в
непосредственной близости от такого властного человека и поэта (Гумилева. – А.
М.), наложившего свою печать на несколько поколений молодых, ни на минуту не
поддалась его влиянию.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»
КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном, Возле синих рек, Жил с детьми в избушке темной Бедный
дровосек. Младший сын был ростом с пальчик, – Как тебя унять, Спи, мой тихий, спи,
мой мальчик, Я дурная мать. Долетают редко вестик нашему крыльцу. Подарили белый
крестик Твоему отцу. Было горе, будет горе, Горю нет конца, Да хранит святой
Егорий Твоего отца. 1915, Царское Село

* * *

Буду тихо на погосте Под доской дубовой спать, Будешь, милый, к маме в гости В
воскресенье прибегать – Через речку и по горке, Так что взрослым не
догнать, Издалека, мальчик зоркий, Будешь крест мой узнавать. Знаю, милый, можешь
мало Обо мне припоминать: Не бранила, не ласкала, Не водила причащать [18] . Май
1915, Петербург

* * *

Думали: нищие мы, нету у нас ничего, А как стали одно за другим терять, Так, что
сделался каждый день Поминальным днем, – Начали песни слагать О великой щедрости
Божьей Да о нашем бывшем богатстве [19] . 12 апреля 1915, Петербург, Троицкий мост
МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга, Задыханья, бессонницу, жар, Отыми и ребенка, и
друга, И таинственный песенный дар – Так молюсь за Твоей литургией После стольких
томительных дней, Чтобы туча над темной Россией Стала облаком в славе лучей. 11 мая
1915 (Духов день), Петербург, Троицкий мост

* * *

Господь немилостив к жнецам и садоводам. Звеня, косые падают дождий, прежде небо
отражавшим, водам Пестрят широкие плащи. В подводном царстве и луга, и нивы, А
струи вольные поют, поют, На взбухших ветках лопаются сливы, И травы легшие
гниют. И сквозь густую водяную сетку я вижу милое твое лицо, Притихший парк,
китайскую беседку И дома круглое крыльцо. 1915, Царское Село

* * *

Столько раз я проклинала Это небо, эту землю, Этой мельницы замшелой Тяжко машущие
руки! А во флигеле покойник, Прямо и сед, лежит на лавке, Как тому назад три
года. Так же мыши книги точат, Так же влево пламя клонит Стеариновая свечка. И поет,
поет постылый Бубенец нижегородский Незатейливую песню О моем веселье горьком. А
раскрашенные ярко Прямо стали георгины Вдоль серебряной дорожки, Где улитки и
польнь. Так случилось: заточенье Стало родиной второю, А о первой я не смею в
молитве вспоминать. Июль 1915, Слепнево

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Тот август, как желтое пламя, Пробившееся сквозь дым, Тот август поднялся над нами, Как огненный серафим. И в город печали и гнева Из тихой Карельской земли Мы двое – воин и дева – Студеным утром вошли. Что случилось с нашей столицей, Кто солнце на землю низвел? Казался летящей птицей На штандарте черный орел. На дикий лагерь похожим Стал город пышных смотров, Слепило глаза прохожим Сверканье пик и штыков. И серые пушки гремели На Троицком гулком мосту, А липы еще зеленели В таинственном Летнем саду. И брат мне сказал: «Настали для меня великие дни. Теперь ты наши печали И радость одна храни». Как будто ключи оставил Хозяйке усадьбы своей, А ветер восточный славил Ковыли приволжских степей. <20 декабря> 1915

* * *

Н. Г. Чулковой

Перед весной бывают дни такие: Под плотным снегом отдыхает луг, Шумят деревья весело – сухие, И теплый ветер нежен и упруг. И легкости своей дивится тело, И дома своего не узнаешь, А песню ту, что прежде надоела, Как новую, с волнением поешь. 1915

* * *

Под крышей промерзшей пустого жилья мертвенных дней не считаю, Читаю посланья Апостолов я, Слова Псалмопевца читаю. Но звезды синют, но иней пушист, И каждая встреча чудесней, – А в Библии красный кленовый лист Заложен на Песне Песней... январь 1915, Царское Село

ТЫ МНЕ НЕ ОБЕЩАН

Пьер Руа. Портрет Бориса Анрепа в лавровом венке. 1910 г.

Перемирие, которое в связи с войной заключили Ахматова и Гумилев, длилось, увы, не более года. Первой нарушила данное мужу слово («будем вместе, милый, вместе») Анна Андреевна. Она вдруг безоглядно влюбилась. И не слегка, как бывало в пору головокружительных поэтических триумфов, когда уставала считать своих «пленников», а слишком. В Бориса Васильевича Анрепа, давнего, с гимназических лет, приятеля Николая Владимировича Недоброво. Он их и представил друг другу, сначала заочно (отослав Борису «Четки»), а потом и очно.

С Борисом Васильевичем Анрепом Анна Андреевна познакомилась в доме Николая Владимировича Недоброво, в Царском Селе в 1915 году; дня не запомнила, но то, что случилось это Великим Постом, помнила до старости. Явление заморского гостя (Анреп жил в Англии) совпало с выходом в свет ее поэмы «У самого моря», и Ахматова вообразила, что в поэме о любви дикой девочки к царевичу, который должен приплыть к ней из-за десяти морей, она предсказала себе и эту безответную любовь, и ту роковую встречу. Анрепу посвящено большинство стихотворений Ахматовой, созданных в период с 1915 по 1921 год. Стихи к «царевичу» составляют основу двух ее книг: «Белая стая» (сентябрь 1917) и «Подорожник» (апрель 1921).

Борису Анрепу подарена и «Песенка». Ахматова посвящала Анрепу стихи и позже. «Песенка» – единственный в ее поэзии акростих. В отличие от Гумилева, Анна Андреевна не жаловала этот искусственный, салонный жанр.

Б. В. Анреп. 1910–е гг.

ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу о том, что сон мне пел. Румяной розе и лучу И мне – один удел. С покатых гор ползут снега, А я белей, чем снег, Но сладко снятся берега Разливных мутных рек. Еловой рощи свежий шум Покойнее рассветных дум. 5 марта 1916

Б. В. Анреп. Напольная мозаика из серии «Современные добродетели». Аллегория «Сострадание», прообразом которой послужил облик А. Ахматовой. Лондон.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

Национальная галерея

Борис Васильевич Анреп, правовед по образованию, увлекся живописью и, чтобы переменить судьбу, в 1908 году уехал из Петербурга в Париж. Овладев секретами византийских мозаик, стал профессиональным художником. Добился признания, а со временем и крупных заказов, правда, не во Франции, а в Англии. Писал Анреп и стихи, правда, весьма топорные, зато не скупясь тратил командировочные червонцы и на лихачей, и на рестораны. Необычайно высоким ростом, жизнерадостностью, неистребимым донжуанством, странной смесью беззаботной отваги и практичности Борис Васильевич фон Анреп напоминал Анне отца, такого, каким Андрей Антонович Горенко был в ее ранние детские годы.

МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай, Писем беспокойных не пиши, Ветром мартовским в лицо не вей. Я вошла вчера в зеленый рай, Где покой для тела и души. Под шатром тенистых тополей. И отсюда вижу городок, Будки и казармы у дворца, Надо льдом китайский желтый мост. Третий час меня ты ждешь – продрог, А уйти не можешь от крыльцай дивисься, сколько новых звезд. Серой белкой прыгну на ольху, Ласочкой пугливой пробегу, Лебедью тебя я стану звать, Чтоб не страшно было жениху В голубом кружащемся снегу Мертвую невесту поджидать. 27 февраля 1915

* * *

Так раненого журавля Зовут другие: курлы, курлы! Когда осенние поляи рыхлы, и теплы... И я, больная, слышу зов, Шум крыльев золотых Из плотных низких облакови зарослей густых: «Пора лететь, пора лететь Над полем и рекой, Ведь ты уже не можешь петьи слезы со щеки стереть Ослабнувшей рукой». Февраль 1915, Царское Село

СОН

Я знала, я снюсь тебе, Оттого не могла заснуть. Мутный фонарь голубели мне указывал путь. Ты видел царицын сад, Затеяливый белый дворец И черный узор ограду каменных гулких крылец. Ты шел, не зная пути, И думал: «Скорей, скорей, О, только б ее найти, Не проснуться до встречи с ней». А сторож у красных ворот Окликнул тебя: «Куда!» Хрустел и ломался лед, Под ногами чернела вода. «Это озеро, – думал ты, – На озере есть островок...» И вдруг из темноты Поглядел голубой огонек. В жестком свете скудного дня Проснувшись, ты застонали в первый раз меня По имени громко назвал. 15 марта 1915, Царское Село

* * *

Я улыбаться перестала, Морозный ветер губы студит, Одной надеждой меньше стало, Одной песней больше будет. И эту песню я невольно Отдам на смех и поруганье, Затем, что нестерпимо больно душе любовное молчанье. 17 марта 1915

* * *

Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный? О, как ты часто будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане! При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: «Вот она сама Пришла на помощь моему неверью». 4 апреля, Петербург

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта, Ее не перейти влюбленности и страсти, – Пусть в жуткой тишине сливаются устай сердце рвется от любви на части. И дружба здесь бессильна, и года Высокого и огненного счастья, Когда душа свободна и чужда Медлительной истоме сладострастья. Стремящиеся к ней безумны, а еедостигшие – поражены тоскою... Теперь ты понял, отчего мое Не бьется сердце под твоей рукою. 2 мая 1915, Петербург

* * *

Долго шел через поля и села, Шел и спрашивал людей: «Где она, где свет веселый Серых звезд – ее очей? Ведь настали, тускло пламенея, дни последние весны. Все мне чаще снится, все нежнее Мне о ней бывают сны!» И пришел в наш град угрюмый В предвечерний тихий час, О Венеции подумали о Лондоне зараз. Стал у церкви темной и высокой На гранит блестящих ступеней молил о наступленьи срока Встречи с первой радостью своей. А над смуглым золотом престола Разгорался Божий сад лучей: «Здесь она, здесь свет веселый Серых звезд – ее очей». Май 1915, Петербург

* * *

Широк и желт вечерний свет, Нежна апрельская прохлада. Ты опоздал на много лет, Но все-таки тебе я рада. Сюда ко мне поближе сядь, Гляди веселыми глазами: Вот эта синяя тетрадь – С моими детскими стихами. Прости, что я жила скорбьей солнцу радовалась мало. Прости, прости, что за тебя слишком многих принимала. 1915

* * *

Нам свежесть слов и чувства простоту Терять не то ль, что живописцу – зренье, Или

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
актеру – голос и движение, А женщине прекрасной – красоту? Но не пытайся для себя
хранить Тебе дарованное небесами: Осуждены – и это знаем сами – Мы расточать, а не
копить. Иди один и исцеляй слепых, Чтобы узнать в тяжелый час сомнения Учеников
злорадное глумление и равнодушие толпы. 23 июня 1915, Слепнево
* * *

Ведь где-то есть простая жизнь и свет, Прозрачный, теплый и веселый... Там с
девушкой через забор сосед Под вечер говорит, и слышат только пчелы Нежнейшую из
всех бесед. А мы живем торжественно и трудной чтим обряды наших горьких
встреч, Когда с налету ветер безрассудный Чуть начатую обрывает речь, – Но ни на
что не променяем пышный Гранитный город славы и беды, Широких рек сияющие
льды, Бессолнечные, мрачные сады И голос Музы еле слышный. 23 июня 1915, Слепнево
* * *

Нет, царевич, я не та, Кем меня ты видеть хочешь, И давно мои уста Не целуют, а
пророчат. Не подумай, что в бреду И замучена тоскою, Громко кличу я беду: Ремесло
мое такое. А умею научить, Чтоб нежданное случилось, Как навеки приручить ту, что
мельком полюбилась. Славы хочешь? – у меня Попроси тогда совета, Только это –
западня, Где ни радости, ни света. Ну, теперь иди домой Да забудь про нашу
встречу, А за грех твой, милый мой, Я пред Господом отвечу. 10 июля 1915,
Слепнево Не только в этом стихотворении, но и в разговорах с Павлом Николаевичем
Лукницким Ахматова не раз называла Бориса Анрепа царевичем. Дескать, царевичем в
поэме «У самого моря» (1914–1915) предсказала себе встречу с настоящим
царевичем, который появился позднее.

По-видимому, ей была рассказана легенда, бытовавшая в семействе фон Анрепов.
Согласно этой легенде, Анрепы стали набирать силу после того, как Екатерина
Великая выдала за одного из молодых небогатого, служилого шведско-эстонского
рода свою внебрачную дочь, присовокупив к свадебным цацкам огромное имение в
Самарской губернии. Кроме того, по капризу судьбы, царицын прапраправнук прожил
отроческие годы в настоящем царском дворце, том самом, который Потемкин выстроил
для его прапрапрабабки в Харькове и где за сто лет ничего не изменилось, не
исчезли даже золотые обеденные тарелки (с алмазами и рубинами).

* * *

Не хулил меня, не славил, Как друзья и как враги. Только душу мне оставили сказал:
побереги. И одно меня тревожит: Если он теперь умрет, Ведь ко мне Архангел Божий За
душой его придет. Как тогда ее я спрячу, Как от Бога утаю? Та, что так поет и
плачет, Быть должна в Его раю. 12 июля 1915, Слепнево
* * *

Зачем притворяешься ты То ветром, то камнем, то птицей? Зачем улыбаешься ты Мне с
неба внезапной зарницей? Не мучь меня больше, не тронь! Пусти меня к вещам
заботам... Шатается пьяный огонь По высохшим серым болотам. И Муза в дырявом
платке Протяжно поет и уныло. В жестокой и юной тоске Ее чудотворная сила. Июль
1915, Слепнево
* * *

Я не знаю, ты жив или умер, – На земле тебя можно искать Или только в вечерней
думе По усопшем светло горевать. Все тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий
жар, И стихов моих белая стая, И очей моих синий пожар. Мне никто сокровенней не
был, Так меня никто не томил, Даже тот, кто на муку предал, Даже тот, кто ласкал и
забыл. Июль 1915, Слепнево
* * *

Как невеста, получаю Каждый вечер по письму, Поздно ночью отвечаю Другу моему: «Я
гощу у смерти белой По дороге в тьму. Зла, мой ласковый, не делай В мире никому». И
стоит звезда большая Между двух стволов, Так спокойно обещаю Исполнение
снов. Октябрь 1915

А. Н. Бенуа «Павловск»

* * *

Н. В. Н.

Все мне видится Павловск холмистый, Круглый луг, неживая вода, Самый томный и
самый тенистый, Ведь его не забыть никогда. Как в ворота чугунные въедешь, Тронет
тело блаженная дрожь, Не живешь, а ликуешь и бредишь Иль совсем по-иному
живешь. Поздней осенью, свежий и колкий, Бродит ветер, безлюдно рад. В белом инее
черные елки На подтаявшем снеге стоят. И, исполненный жгучего бреда, Милый голос
как песня звучит, И на медном плече Кифареда Красногрудая птичка сидит. Осень 1915,
Царское Село

* * *

Муза ушла по дороге, Осенней, узкой, крутой, и были смуглые ноги Обрызганы крупной росой. Я долго ее просила: зими со мной подождать, Но сказала: «Ведь здесь могила, как ты можешь еще дышать?» Я голубку ей дать хотела, ту, что всех в голубятне белей, но птица сама полетела за стройной гостьей моей. Я, глядя ей вслед, молчала, я любила ее одну, а в небе заря стояла, как ворота в ее страну. 15 декабря 1915, Царское Село

* * *

Будешь жить, не зная лиха, Править и судить, со своей подругой тихой Сыновей растить. И во всем тебе удача, ото всех почет, ты не знай, что я от плача дням теряю счет. Много нас таких бездомных, сила наша в том, что для нас, слепых и темных, Светел Божий дом, и для нас, склоненных долу, Алтари горят, наши к Божьему престолу. Голоса летят. 1915

* * *

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом, ни даже предчувствием тайным моим. Зачем же в ночи перед темным порогом ты медлишь, как будто счастьем томим? Не выйду, не крикну: «О, будь единым, до смертного часа будь со мной!» Я только голосом лебединым говорю с неправедною луной. 1915

* * *

Словно Ангел, возмутивший воду, ты взглянул тогда в мое лицо, возвратил и силу, и свободу, а на память чуда взял кольцо. Мой румянец жаркий и недужный. Стерла богомольная печаль. Памятным мне будет месяц выжженный, северный встревоженный февраль. Февраль 1916, Царское Село

* * *

Я окошка не завесила, прямо в горницу гляди. Оттого мне нынче весело, что не можешь ты уйти. Называй же беззаконницей, надо мной глумись со зла: я была твоей бессонницей, я тоской твоей была. 5 марта 1916

* * *

Я знаю, ты моя награда. За годы боли и труда, за то, что я земным отрадам не предавалась никогда, за то, что я не говорила возлюбленному: «ты любим», за то, что всем я все простила, ты будешь Ангелом моим. 28 апреля 1916, Царское Село

* * *

Первый луч – благословенье Бога – по лицу любимому скользнул, и дремавший побледнел немного, но еще покойнее уснул. Верно, поцелуем показала теплота небесного луча... Так давно губами я касалась милых губ и смуглого плеча... А теперь, усопших бестелесней, в неутешном странствии моем, я к нему влетаю только песней. Ласкаюсь утренним лучом. Май 1916

* * *

Эта встреча никем не воспета, и без песен печаль улеглась. Наступило прохладное лето, словно новая жизнь началась. Сводом каменным кажется небо, уязвленное желтым огнем, и нужнее насущного хлеба мне единое слово о нем. Ты, росой окропляющий травы, вестью душу мою оживи, – не для страсти, не для забавы, для великой земной любви. 17 мая 1916, Слепнево

МАЙСКИЙ СНЕГ

Пс. 6, ст. 7.

Прозрачная ложится пелена на свежий дерн и незаметно тает. Жестокая, студеная весна. Налившиеся почки убивает. И ранней смерти так ужасен вид, что не могу на Божий мир глядеть я. Во мне печаль, которой царь Давид по-царски одарил тысячелетья. 18 мая 1916, Слепнево

* * *

Бессмертник сух и розов. Облака на свежем небе вылеплены грубо. Единственного в этом парке дубалиства еще бесцветна и тонка. Лучи зари до полночи горят. Как хорошо в моем затворе тесно! О самом нежном, о всегда чудесном со мною Божьи птицы говорят. Я счастлива. Но мне всего милей лесная и пологая дорога, убогий мост, скривившийся немного, и то, что ждать осталось мало дней. 20 мая 1916, Слепнево

* * *

М. Лозинскому [20]

Они летят, они еще в дороге, слова освобождения и любви, а я уже в предпесенной тревоге, и холоднее льда уста мои. Но скоро там, где дикие березы, прильнувши к окнам, сухо шелестят, – венцом червонным заплетутся розы и голоса незримых прозвучат. А дальше – свет невыносимо щедрый, как красное горячее вино... Уже душистым, раскаленным ветром. Сознание мое опалено. 22 мая 1916, Слепнево

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Небо мелкий дождик сеетна зацветшую сирень.За окном крылами веетБелый, белый
Духов день.Нынче другу возвратитьсяИз-за моря – крайний срок.Все мне дальний
берег снится,Камни, башни и песок.На одну из этих башеня взойду, встречая
свет...да в стране болот и пашени в помине башен нет.Только сяду на пороге,Там еще
густая тень.Помоги моей тревоге,Белый, белый Духов день!30 мая 1916. Духов день,
Слепнево

* * *

Как люблю, как любила глядеть яна закованные берега,На балконы, куда столетьяне
ступала ничья нога.И воистину ты – столицадля безумных и светлых нас;Но когда
над Невою длитсяТот особенный, чистый часИ проносится ветер майскийМимо всех
надводных колонн,Ты – как грешник, видящий райскийПеред смертью сладчайший
сон...Весна 1916

* * *

Б. А¹т;нрепу²

Как белый камень в глубине колодца,Легит во мне одно воспоминанье.Я не могу и
не хочу бороться:Оно – веселье и оно – страданье.Мне кажется, что тот, кто
близко взглянетв мои глаза, его увидит сразу.Печальней и задумчивее
станетВнимающего скорбному рассказу.Я ведаю, что боги превращалилюдей в
предметы, не убив сознанья,Чтоб вечно жили дивные печали.Ты превращен в мое
воспоминанье.5 июня 1916, СлепневоИ Анреп, ни Ахматова свои отношения, конечно
же, не афишировали, однако они не остались тайной двоих. Так, строки «Все тот же
вздых упруго жмет твои надломленные плечи о том, кто за морем живет и кто от
родины далече», в посвященном Ахматовой стихотворении Есенина свидетельствуют,
что о ее романе с живущим за морем человеком судачили не только в дружеском
окружении, но и в более широких литературно-художественных кругах:

* * *

В зеленой церкви за горой,Где вербы четки уронили,Я поминаю просфоройМладой
весны младые были.А ты, склонившаяся ниц,Передо мной стоишь незримо,Шелка
опущенных ресницКольшут крылья херувима.Но омрачен твой белый рокТвоей застывшею
порою,Все тот же розовый платокЗастегнут смуглою рукою.Все тот же вздох упруго
жметТвои надломленные плечиО том, кто за морем живети кто от родины далече.И все
тягуче память дняПеред пристойным ликом жизни.О, помолись и за меня,За
бесприютного в отчизне!июнь 1916Есенин и Ахматова познакомились 25 декабря 1915
года. Очарованный ее «Четками», Есенин, узнав, что Гумилев приехал с фронта в
отпуск, упросил Николая Клюева нанести знаменитым царскоселама рождественский
визит. Анна Андреевна встретила гостей дружелюбно и подарила «вербному отроку»
(так называл Есенина Клюев) оттиск из журнала «Аполлон» с поэмой «У самого
моря».

Хочу обратить внимание читателей и вот на какой момент: в стихотворении
Есенина, кроме упоминания живущего за морем возлюбленного женщины в розовом
платке, есть и еще одна почти цитата из Ахматовой.

Сравните:

Есенин

А ты, склонившаяся ниц,Передо мной стоишь незримо,Шелка опущенных ресницКольшут
крылья херувима.Ахматова

Так я, Господь, простерта ниц:Коснется ли огонь небесныйМоих сомкнувшихся
ресницы немоты моей чудесной?

С. А. Есенин. Фотография 1914 г.

По странному совпадению, в том же 1916 году Цветаева написала посвященные
Ахматовой стихи, где Анна Андреевна также предстает перед нами в образе
богомолки, только не в розовом, а темном, «с цветиками» платке, и Марина
Ивановна, как и Есенин, просит помолиться за нее:

В темном, с цветиками, платке– Милости удостоиться –Ты, потупленная в
толпеБогомолка у Сергей–Троицы.Помолись за меня, краса,Грустная и бесовская,Как
поставят тебя лесаБогородицею хлыстовскою.

* * *

А! это снова ты. Не отроком влюбленным,Но мужем дерзостным, суровым,
непреклоннымТы в этот дом вошел и на меня глядишь.Страшна моей душе предгрозовая
тишь.Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,Врученным мне навек любовью и
судьбою.Я предала тебя. И это повторять –О, если бы ты мог когда-нибудь
устать!Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,Так Ангел смерти ждет у рокового

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
ложе. Прости меня теперь. Учил прощать Господь. В недуге горестном моя томится
плоть, А вольный дух уже почует безмятежно. Я помню только сад, сквозной, осенний,
нежный, И крики журавлей, и черные поля... О, как была с тобой мне сладостна
земля! Июль 1916, Слепнево-Гумилев отреагировал на Анрепа (в паре с Недоброво) в
соответствии со своим правилом: удар на удар.

Приехав в отпуск в сентябре 1916-го, Николай Степанович познакомился с Ларисой
Рейснер, в ту пору начинающей поэтессой, и по обыкновению увлекся. Лариса,
благоговевшая перед Ахматовой, смутилась. Она была девочкой из порядочной семьи,
еще не тронутой богемой. Но Николай Степанович объяснил, что он и Анна Андреевна
только формально муж и жена, а вообще-то давно отпустили друг друга на волю. И
хотя ни Гумилев, ни Рейснер чувств не афишировали, Анна Андреевна об этом, увы,
узнала...

Роман Гафиза (так Гумилев подписывал свои письма к Рейснер) с Леричкой
(«Леричка моя, какая Вы золотая прелесть»), как и все влюбленности Гумилева,
оказался скоротечным, выдохся уже к лету 1917 года.

Л. М. Рейснер. Фотография. 1920 г.

В его фронтовых письмах второй половины 1917 года Рейснер уже не Леричка, а
Лариса Михайловна, да и он не Гафиз, а Н. Гумилев. Не думаю, чтобы эта история,
при всей ее краткосрочности, ничуть не задела Ахматову: уж очень хороша была
Лариса в те годы. Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив
ее, а каждый третий «врывался столбом в землю и смотрел вслед». Один из
поклонников юной Рейснер утверждал, что Лариса «несет свою красоту как факел».

Но Анна Андреевна слишком хорошо знала своего мужа и понимала, что увлечение
Рейснер всего лишь мужская, ревнивая и самолюбивая, реакция на ее чересчур
«богатую личную жизнь».

* * *

Когда в мрачнейшей из столиц Рукою твердой, но усталой На чистой белизне страница
отречение писала, И ветер в круглое окно вливался влажною струею, – Казалось, небо
сожжено Червоно-дымною зарею. Я не взглянула на Неву, На озаренные граниты, И мне
казалось – наяву Тебя увижу, незабывтый... Но неожиданная ночь Покрыла город
предосенний, Чтоб бегству моему помочь, Расплылись пепельные тени. Я только крест с
собой взяла, Тобою данный в день измены, – Чтоб степь полярная цвела, А ветры пели,
как сирены. И вот он на пустой стене Хранит меня от горьких бредней. И ничего не
страшно мне Припомнить, – даже день последний. Август 1916

* * *

Буду черные грядки холить, Ключевой водой поливать; Полевые цветы на воле, Их не
надо трогать и рвать. Пусть их больше, чем звезд зажженных в сентябрьских небесах
– Для детей, для бродяг, для влюбленных. Вырастают цветы на полях. А мои – для
святой Софии в тот единственный светлый день, Когда возгласы литургии Возлетят под
дивную сень. И, как волны приносят на сушу То, что сами на смерть обрекли, Принесу
покаянную душу и цветы из Русской земли. Лето 1916, Слепнево-ни в Слепневе, ни в
Царском Селе, хотя и там у Анны Ивановны Гумилевой были и цветочные клумбы, и
черные грядки, Анну Андреевну к земляным работам не подпускали; цветами и
овощами занималась сама хозяйка. Клочок земли у Ахматовой появился только в 1955
году, когда ленинградский Литфонд выделил ей дачу в поселке Комарово. Сил после
обширного инфаркта у Ахматовой уже не было, но она все-таки осуществила давнюю
мечту о пусть маленьком, но своем саде и своих цветах.

1959 г. Декабрь

...Всем известно, что есть люди, которые чувствуют весну с Рождества. Сегодня мне
кажется, я почувствовала ее, хотя еще не было зимы. С этим связано так много
чудесного и радостного, что я боюсь все испортить, сказав кому-нибудь об этом. А
еще мне кажется, что я как-то связана с моей корейской розой, с демонской
гортензией и всей тихой черной жизнью корней. Холодно ли им сейчас? Довольно ли
снега? Смотрит ли на них луна? Все это кровно меня касается, и я даже во сне не
забываю о них.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Почернел, искривился бревенчатый мост, И стоят лопухи в человеческий рост, И
крапивы дремучей поют леса, Что по ним не пройдет, не блеснет коса. Вечерами над
озером слышен вздох, И по стенам расползся корявый мох. Я встретила там Двадцать
первый год. Сладок был устам Черный душистый мед. Сучья рвали мне Платья белый шелк, На
кривой сосне Соловей не молк. На условный крик Выидет из норы, Словно леший дик, А

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
нежней сестры. На гору бегом, Через речку вплавь, Да зато потом Не скажу:
оставь. <1916>

* * *

Всё отнято: и сила, и любовь. В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь Во мне уже совсем похолодела.
Веселой Музы нрав не узнаю: Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит, Изнеможенная, на грудь мою.
И только совесть с каждым днем страшней Беснуется: великой хочет
дани. Закрыв лицо, я отвечала ей... Но больше нет ни слез, ни оправданий.
24 октября 1916, Севастополь

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ
Н. В. <едоброво>

Уже кленовые листья На пруд слетают лебединый, И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины, И ослепительно стройна, Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она Сидит и смотрит на дороги. Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой. Играли на ее плечах Лучи скудеющего света.
И как могла я ей простить Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить, Такой нарядно обнаженной.
Октябрь 1916, Севастополь

Рисунок М. В. Нестерова. Бахчисарай. 1932 год.

* * *

Вновь подарен мне дремотой наш последний звездный рай – Город чистых
водоветов, Золотой Бахчисарай. Там, за пестрою оградой, У задумчивой
воды, Вспоминали мы с отрадой Царскосельские сады орла Екатерины
Вдруг узнали – это тот! Он слетел на дно долины С пышных бронзовых ворот.
Чтобы песнь прощальной боли Дольше в памяти жила, Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла И посыпала ступени, Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени Ты ушел, утешный мой. Октябрь 1916, Севастополь

* * *

Всё обещало мне его: Край неба, тусклый и червонный, И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный, И прутья красные лозы, И парковые водопады,
И две большие стрекозы На ржавом чугуна оград. И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною, Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропой. Октябрь 1916, Севастополь
В 1916-м Анна Ивановна Гумилева, продав дом в Царском Селе, осталась
зимовать вместе с внуком в Слепневе. Ахматова, оказавшись без крыши над головой,
уехала к родственникам в Севастополь. На этот раз любимый с детства юг не принес
ей ни уюта, ни покоя... Она там смертно тосковала по скудной северной России,
по ее темным таинственным селеньям.

* * *

Приду туда, и отлетит томлень. Мне ранние приятны холода. Таинственные, темные
селенья – Хранилища молитвы и труда. Спокойной и уверенной любви Не превозмочь мне
к этой стороне: Ведь капелька новгородской крови Во мне – как льдинка в пенном
вине. И этого никак нельзя поправить, Не растопил ее великий зной, И что бы я ни
начала славить – Ты, тихая, сияешь предо мной. 16 ноября 1916, Севастополь

* * *

Ни в лодке, ни в телеге Нельзя попасть сюда. Стоит на гиблом снеге Глубокая
вода; Усадьбу осаждает уже со всех сторон... Ах! близко изнывает Такой же
Робинзон. Пойдет взглянуть на сани, На лыжи, на коня, А после на диване Сидит и ждет
меня, И шпору короткой Рвет коврик пополам. Теперь улыбки кроткой Не видеть
зеркалам. Ноябрь 1916, Севастополь

* * *

Юнии Анреп [21]

Судьба ли так моя переменилась, Иль вправду кончена игра? Где зимы те, когда я
спать ложилась в шестом часу утра? По-новому, спокойно и сурово, живу на диком
берегу. Ни праздного, ни ласкового слова уже промолвить не могу. Не верится, что
скоро будут Святки. Степь трогательно зелена. Сияет солнце. Лижет берег гладкий Как
будто теплая волна. Когда от счастья томной и усталой Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала И вот таким себе я представляла Посмертное блуждание
души. 15 декабря 1916, Бельбек

* * *

По неделе ни слова ни с кем не скажу, Все на камне у моря сижу, И мне любо, что
брызги зеленой волны, Словно слезы мои, солонь. Были весны и зимы, да что-то
одна Мне запомнилась только весна. Стали ночи теплее, подтаивал снег, Вышла я

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
поглядеть на луну, И спросил меня тихо чужой человек, Между сосенок встретив
одну: «Ты не та ли, кого я повсюду ищу, О которой с младенческих лет, Как о милой
сестре, веселюсь и грущу?» Я чужому ответила: «Нет!» А как свет поднебесный его
озарил, Я дала ему руки мои, И он перстень таинственный мне подарил, Чтоб меня
уберечь от любви. И назвал мне четыре приметы страны, Где мы встретиться снова
должны: Море, круглая бухта, высокий маяк, А всего непременно – полынь... И как
жизнь началась, пусть и кончится так. Я сказала, что знаю: аминь! Конец 1916 года,
Севастопольв конце декабря 1916 г., измученная южным бездомьем и холодом, Анна
Андреевна вернулась в Слепнево

...После угрюмого военного Севастополя, где я задышалась от астмы и мерзла в
холодной наемной комнате, мне казалось, что я попала в какую-то обетованную
страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была
назначена на 20 января (в этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне
свой рисунок и надписал: «В день Русской Революции». Другой рисунок
(сохранившийся) он надписал: «Солдатке Гумилевой от чертежника Альтмана»)...

«Белая стая» вышла в сентябре 1917 года. К этой книге читатели и критика
несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки». –
Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал –
книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы
закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было
шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем...

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» Как и все «дворянские гнезда», Слепнево было
конфисковано в 1918 году. Эту утрату Анна Андреевна перенесла гораздо
болезненнее, чем продажу дома в Царском Селе. Тот, царскосельский, особнячок был
всего лишь жилищем, а усадьба Слепнево – целым миром. Для нее, южанки и
царскосельской дачницы, это была первая настоящая Россия. И притом родная,
северная, поскольку ее предки по матери происходили из новгородских дворян.

Усадебный дом Гумилевых в Слепневе.

Слепнево для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и
больше и наконец – полная свобода.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Город сгинул, последнего дома как живое взглянуло окно... Это место совсем
незнакомо, Пахнет гарью, и в поле темно. Но когда грозовую завесу Нерешительный
месяц рассек, Мы увидели: на гору, к лесу Пробирался хромой человек. Было страшно,
что он обгоняет Тройку сытых, веселых коней, Постоит и опять ковыляет Под тяжелою
ношей своей. Мы заметить почти не успели, Как он возле кибитки возник. Словно
звезды глаза голубели, Освещая измученный лик. Я к нему протянула ребенка, Поднял
руку со следом окови промолвил мне благостно-звонко: «Будет сын твой и жив и
здоров!» 1916, Слепнево

* * *

Ждала его напрасно много лет. Похоже это время на дремоту. Но воссиял неугасимый
свет Тому три года в Вербную Субботу. Мой голос оборвался и затих – С улыбкой предо
мною стоял жених. А за окном со свечками народ Неспешно шел. О, вечер
богомольный! Слегка хрустел апрельский тонкий лед, И над толпою голос
колокольный, Как утешенье вещее, звучал, И черный ветер огоньки качал. И белые
нарциссы на столе, И красное вино в бокале плоском я видела как бы в рассветной
мгле. Моя рука, закапанная воском, Дрожала, принимая поцелуй, И пела кровь:
блаженная, ликуй! 1916–1918

* * *

В каждых сутках есть такой Смутный и тревожный час. Громко говорю с тоской, Не
раскрывши сонных глаз, И она стучит, как кровь, Как дыхание тепла, Как счастливая
любовь, Рассудительна и зла. 1916 <?> 1917 <?>, Царское Село

* * *

В городе райского ключаря, В городе мертвого царя Майские зори красны и
желты, Церкви белы, высоки мосты. И в темном саду между старых лип Мачт корабельных
слышится скрип. А за окошком моим река – Никто не знает, как глубока. Вольно я
выбрала дивный град, Жаркое солнце земных отрад, И все мне казалось, что в раю я
песню последнюю пою. 1916 <?> – 1917

* * *

Высокомерьем дух твой помрачен, И оттого ты не познаешь света. Ты говоришь, что
вера наша – сони марево – столица эта. Ты говоришь – моя страна грешна, А я скажу
– твоя страна безбожна. Пускай на нас еще лежит вина, – Все искупить и все

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
исправить можно. Вокруг тебя – и воды, и цветы. Зачем же к нищей грешнице
стучишься? Я знаю, чем так тяжело болен ты: Ты смерти ищешь и конца боишься. 1
января 1917, Слепнево

Петербург. Летний сад. Невская ограда.

* * *

Там тень моя осталась и тоскует, В той светло-синей комнате живет, Гостей из
города за полночь ждети образок эмалевый целует. И в доме не совсем
благополучно: Огонь зажгут, а все-таки темно... Не оттого ль хозяйке новой скучно, Не
оттого ль хозяин пьет виной слышит, как за тонкою стеною Пришедший гость беседует
со мною? 3 января 1917, Слепнево

* * *

А. Л(урье)

Да, я любила их, те сборища ночные, – На маленьком столе стаканы ледяные, Над
черным кофеом пахучий, тонкий пар, Камина красного тяжелый, зимний жар, Веселость
едкую литературной шутки друга первый взгляд, беспомощный и жуткий. 5 января
1917, Слепнево

* * *

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой, Смотрю взволнованно на темные
палаты? Уже привыкшая к высоким, чистым звонам, Уже судимая не по земным
законам, Я, как преступница, еще влекусь туда, На место казни долгой и стыда. И
вижу дивный град, и слышу голос милый, Как будто нет еще таинственной могилы, Где
день и ночь, склоняясь, в жары и холода, Должна я ожидать Последнего Суда. 12
января 1917, Слепнево

* * *

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет, Он постника томит, святителя гнетети в
полночь майскую над молодой черницей Кричит истомно раненой орлицей. А сим
распутникам, сим грешницам любезным Не ведомо объятье рук железных. Январь 1917

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле. Сочинил же какой-то
бездельник, что бывает любовь на земле. И от лени или со скуки Все поверили, так
и живут: Ждут свиданий, боятся разлуки и любовные песни поют. Но иным открывается
тайна, и почитает на них тишина... Я на это наткнулась случайной с тех пор всё как
будто больна. Январь 1917, Петербург

* * *

Как площади эти обширны, Как гулки и круты мосты! Тяжелый, беззвездный и мирный Над
нами покров темноты. И мы, словно смертные люди, По свежему снегу идем. Не чудо ль,
что нынче пробудем Мы час предразлучный вдвоем? Безвольно слабеют колени, И
кажется, нечем дышать... Ты – солнце моих песнопений, Ты – жизни моей благодать. Вот
черные зданья качнутся, И на землю я упаду, – Теперь мне не страшно очнуться В моем
деревенском саду. Январь 1917, Петербург

Борис Анреп (крайний справа) с сослуживцами

* * *

По твердому гребню сугробав твой белый, таинственный дом, Такие притихшие оба, В
молчании нежном идем. И слаще всех песен пропетых Мне этот исполненный сон, Качание
веток задетых И шпор твоих легонький звон. Март 1917, Петербург Марина Цветаева
говорила, что это коротенькое стихотворение Анны Всея Руси – лучшее, что
написано о любви, о том, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они
взволнованы предчувствием любви. Не страсти или забавы, а «великой земной
любви».

Очередь за хлебом на Невском пр. 1917 г.

«...Революция Керенского. Улицы Петрограда полны народа. Кое-где слышны редкие
выстрелы. Железнодорожное сообщение остановлено. Я мало думаю про революцию.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Одна мысль, одно желание: увидеться с А. А. Она в это время жила на квартире проф. Срезневского, известного психиатра, с женой которого она была очень дружна...

Я перешел Неву по льду, чтобы избежать баррикад около мостов... Добрел до дома Срезневского, звоню, дверь открывает А. А. «Как, вы? В такой день? Офицеров хватают на улицах». – «Я снял погоны».

Видимо, она была тронута, что я пришел. Мы прошли в ее комнату. Она прилегла на кушетку. Мы некоторое время говорили о значении происходящей революции. Она волновалась и говорила, что надо ждать больших перемен в жизни. «Будет то же самое, что было во Франции во время Великой революции, будет, может быть, хуже». – «Ну, перестанем говорить об этом».

Мы замолчали. Она опустила голову. «Мы больше не увидимся. Вы уедете». – «Я буду приезжать. Посмотрите: ваше кольцо». Я расстегнул тужурку и показал ее черное кольцо на цепочке вокруг моей шеи. А. А. тронула кольцо. «Это хорошо, оно вас спасет...»

С первым поездом я уехал в Англию».

Борис Васильевич Анреп, Из воспоминаний

* * *

Там я рада или не рада, что иду с тобой с «Маскарада», и куда мы с тобой дойдем. Но наверно вокруг тот самый Страшный город Пиковой дамы, с каждым шагом все дальше дом. Из чернового варианта «Поэма без героя» Я с Б. Анрепом возвращалась с генеральной репетиции «Маскарада» (где Мейерхольд и Юрьев получили последние царские подарки), когда кавалерия лавой шла по Невскому (25 февраля 1917).

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Мы не умеем прощаться, – всё бродим плечо к плечу. Уже начинает смеркаться, ты задумчив, а я молчу. В церковь войдем, увидим Отпеванье, крестины, брак, Не взглянув друг на друга, выйдем... Отчего всё у нас не так? Или сядем на снег примятый на кладбище, легко вздохнем, и ты палкой чертишь палаты, где мы будем всегда вдвоем. Март 1917, Петербург

* * *

Еще весна таинственная млела, блуждал прозрачный ветер по горам, и озеро глубокое синело – Крестителя нерукотворный храм. Ты был испуган нашей первой встречей, а я уже молилась о второй, и вот сегодня снова жаркий вечер, – как низко солнце стало над горой... Ты не со мной, но это не разлука: мне каждый миг – торжественная весть. Я знаю, что в тебе такая мука, что ты не можешь слова произнести. 14 апреля 1917б Петербург

* * *

Теперь прощай, столица, прощай, весна моя, уже по мне томится Корельская земля [22] . Поля и огороды Спокойно зелены, еще глубоки воды и небеса бледны. Болотная русалка, Хозяйка этих мест, глядит, вздыхая жалко, на колокольный крест. А иволга, подруга Моих безгрешных дней, вчера вернувшись с юга, кричит среди ветвей, что стыдно оставаться до мая в городах, в театре задыхаться, скучать на островах. Но иволга не знает, Русалке не понять, как сладко мне бывает его поцеловать! И все-таки сегодня на тихом склоне дня Иду. Страна Господня, прими к себе меня! Весна 1917

* * *

И в тайную дружбу с высоким, как юный орел темноглазым, я, словно в цветник предосенний, походкою легкой вошла. Там были последние розы, и месяц прозрачный качался на серых, густых облаках... Июнь 1917 (вагон), Петроград

* * *

Я слышу иволги всегда печальный голоси лета пышно приветствую ущерб, а к колосу прижатый тесно колосом змеиным свистом срезывает серп. И стройных жниц короткие подолы, как флаги в праздник, по ветру летят, теперь бы звон бубенчиков веселых, сквозь пыльные ресницы долгий взгляд. Не ласки жду я, не любовной лестив предчувствии неотвратимой тьмы, но приходи взглянуть на рай, где вместе блаженны и невинны были мы. Июль 1917, Слепнево

* * *

О нет, я не тебя любила, Палима сладостным огнем, так объясни, какая сила в печальном имени твоём. Передо мною на колени ты стал, как будто ждал венца, и смертные коснулись тени Спокойно-юного лица. И ты ушел. Не за победой, за смертью. Ночи глубоки! О, ангел мой, не знай, не ведай Моей теперешней тоски. Но если белым солнцем рая в лесу осветится тропа, но если птица полевая взлетит с колючего снопа, я знаю: это ты, убитый, мне хочешь рассказать о том, и снова вижу холм изрытый над окровавленным Днестром. Забуду дни любви и славы, забуду молодость мою, душа темна, пути лукавы, – но образ твой, твой подвиг правый до часа смерти сохраню. 19 июля 1917, Слепнево

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки-татарки были редкостью подарки; И зачем я крещена, Горько гневалась она. А пред смертью подобрела и впервые пожалела, И вздохнула: «Ах, года! Вот и внучка молода». И, простивши нрав мой вздорный, Завещала перстень черный. Так сказала: «Он по ней, С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала: «Горя много, счастья мало», — И ушла, закрыв лицо; Потеряла я кольцо. И друзья мои сказали: «Мы кольцо везде искали, Возле моря на пескей меж сосен на лужке». И, догнав меня в аллее, Тот, кто был других смелее, Уговаривал меня подождать до склона дня. Я совету удивилась И на друга рассердилась, Что глаза его нежны: «И на что вы мне нужны? Только можете смеяться, Друг пред другом похваляться Да цветы сюда носить». Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу, Застонала хищной птицей, Повалилась на кровать Сотый раз припоминать: Как за ужином сидела, В очи темные глядела, Как не ела, не пила у дубового стола, Как под скатертью узорной Протянула перстень черный, Как взглянул в мое лицо, Встал и вышел на крыльцо... Не придут ко мне с находкой! Далеко над быстрой лодкой Заалели небеса, Забелели паруса. 1917-1936

* * *

Сразу стало тихо в доме, Облетел последний мак, Замерла я в долгой дреме И встречаю ранний мрак. Плотны заперты ворота, Вечер черен, ветер тих. Где веселье, где забота, Где ты, ласковый жених? Не нашелся тайный перстень, Прождала я много дней, Нежной пленницею песня Умерла в груди моей. 1917, Слепнево

* * *

А ты теперь тяжелый и унылый, Отрекшийся от славы и мечты, Но для меня непоправимо милый, И чем темней, тем трогательней ты. Ты пьешь вино, твои нечисты ночи, Что наяву не знаешь, что во сне, Но зелены мучительные очи, — Покоя, видно, не нашел в вине. И сердце только скорой смерти просит, Кляня медлительность судьбы. Всё чаще ветер западный приносит Твои упреки и твои мольбы. Но разве я к тебе вернуться смею? Под бледным небом родины моей только петь и вспоминать умею, А ты меня и вспоминать не смей. Так дни идут, печали умножая. Как за тебя мне Господа молить? Ты угадал: моя любовь такая, что даже ты не мог ее убить. 22 июля 1917, Слепнево

* * *

Это просто, это ясно, Это всякому понятно, Ты меня совсем не любишь, Не полюбишь никогда. Для чего же так тянуться Мне к чужому человеку, Для чего же каждый вечер Мне молиться за тебя? Для чего же, бросив друга и кудрявого ребенка, Бросив город мой любимый и родную сторону, Черной нищенкой скитаюсь По столице иноземной? О, как весело мне думать, что тебя увижу я! Лето 1917

* * *

Просыпаться на рассвете Оттого, что радость душит, И глядеть в окно каюты На зеленую волну, Иль на палубе в ненастье, В мех закутавшись пушистый, Слушать, как стучит машина, И не думать ни о чем, Но, предчувствуя свиданье С тем, кто стал моей звездой, От соленых брызг и ветра С каждым часом молодеть. Июль 1917, Слепнево

* * *

С первым звуком, слетевшим с рояля, Я шепчу тебе: «Здравствуй, князь». Это ты, веселя и печалая, Надо мной стоишь, наклонясь, Но во взоре упорном и странном Угадать ничего не могу, Только в сердце моем окаянном Золотые слова берегу. Ты когда-нибудь, скукой томимый, Их прочтешь на чужом языке И подумаешь: мне серафимы Оснащают корабль на реке. 1917

* * *

Когда о горькой гибели моей Весть поздняя его коснется слуха, Не станет он ни строже, ни грустней, Но, побледневши, улыбнется сухо. И сразу вспомнит зимний небосклон И вдоль Невы несущуюся вьюгу, И сразу вспомнит, как поклялся он Беречь свою восточную подругу. 1917

* * *

Течет река неспешно по долине, Многооконный на пригорке дом. А мы живем как при Екатерине: Молебны служим, урожая ждем. Перенеся двухдневную разлуку, К нам едет гость вдоль нивы золотой, Целует бабушке в гостиную руку И губы мне на лестнице крутой. Лето 1917, Слепнево

* * *

И целый день, своих пугаясь стонов, В тоске смертельной мечется толпа, А за рекой на траурных знаменах Зловещие смеются черепа. Вот для чего я пела и мечтала, Мне сердце разорвали пополам, Как после залпа сразу тихо стало, Смерть выслала дозорных по дворам. Лето 1917, Слепнево

* * *

И мнится — голос человека Здесь никогда не прозвучит, Лишь ветер каменного века В

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
ворота черные стучит. И мнится мне, что уцелела. Под этим небом я одна, – за то, что первая хотела испытать смертельного вина. Лето 1917, Слепнево. Живи Анреп в России, от роковой страсти первой поэтессы Серебряного века очень скоро и следа бы не осталось. Но в год знакомства с Ахматовой (весна 1915-го) он проживал в Англии, в Петербурге бывал редко, по служебной надобности.

Впрочем, до выхода (в переводе с английского) книги Аннабел Фарджен «Приключения русского художника» [23] мы знали об Анрепе настолько мало, что составить хоть сколько-нибудь внятное представление о его личности было практически невозможно.

В том, что в руках у кого-то там, за морем, на острове зеленом, оказалась груда материалов к биографии одного из эмигрантов первой волны, разумеется, ничего удивительного нет. Удивительно другое, а именно то, что автор биографии Аннабел Фарджен – сноха Анрепа. Случай? Конечно, случай. Вот только как же могло случиться, что единственный его сын женился на девушке не просто литературно одаренной, но еще и специально выучившей русский язык, чтобы разобраться в хитросплетениях судьбы своего свекра? В военной и послевоенной Англии, когда по радио читалась «Война и мир», любопытство ко всему русскому не такая уж редкость, однако Аннабел умудрилась пронести интерес к России через всю свою жизнь. Более того: сумела написать об Анрепе и Анрепах так, что и преданья русского семейства (на редкость выразительна, к примеру, фигура Анрепа-отца, доктора медицины, основателя института им. Пастера, члена третьей Столыпинской Думы), и приключения Анрепа-младшего, бонвивана, который сам себя сделал работником, воспринимаются как бережно отреставрированные страницы русской исторической жизни, на том опасном повороте и в те минуты роковые, когда История без спроса и стука вламывается в самые прочные из дворянских гнезд.

Наверное, Аннабел Фарджен такой задачи перед собой не ставила. Ее книга слажена по западным лекалам: максимум внимания к любовным авантюрам и триумфам героя в высшем лондонском кругу. В том числе и по творческой части. Но это парадный фасад (если воспользоваться анреповским «мо» – «В России одни фасады»), а за фасадом – десятилетия черной изнурительной работы. Художественные достоинства грандиозных анреповских мозаик отнюдь не бесспорны, а вот мастером средневековым смысле этого слова он, безусловно, был, точнее – стал. На качество выделки, похоже, и откликнулись осторожные англичане, испокон века умевшие ценить добротные сделанные вещи – и служители культа, и банкиры, и администрация Национальной галереи... Ни больших денег, ни славы мастер Анреп не добился, палат каменных для себя, украшая чужие «пышные дома», не выстроил, зато от унижающей бедности, душившей первую эмиграцию, и себя, и людей своего очага застраховал.

Материалы, собранные снохой Бориса Анрепа Аннабел Фарджен, позволяют по-новому взглянуть и на известное стихотворение Ахматовой, в котором «царевич» разжалован в отступники, за то, что обменял родину на английский комфорт.

* * *

Ты – отступник: за остров зеленый. Отдал, отдал родную страну, Наши песни, и наши иконы, И над озером тихим сосну. Для чего ты, лихой ярославец, Коль еще не лишился ума, Загляделся на рыжих красавиц на пышные эти дома? Так теперь и кощунствуй, и чванься, Православную душу губи, В королевской столице останься И свободу свою полюби. Для чего ж ты приходишь и стонешь? Под высоким окошком моим? Знаешь сам, ты и в море не тонешь, И в смертельном бою невредим. Да, не страшны ни море, ни битвы. Тем, кто сам потерял благодать. Оттого-то во время молитвы Попросил ты тебя поминать. Июль 1917, Слепнево. Согласно фактам – документам и письмам, представленным Аннабел Фарджен, – даже самый восторженный завсегдатай «ахматовки» вынужден будет признать: вынесенные на суд общественности обвинения в отступничестве бездоказательны. Не думаю, чтобы со стороны А. А. имела место сознательная напраслина.

Хелен Анреп (урожденная Мейтленд) – вторая английская жена Анрепа, мать его детей – сына Игоря и дочери Анастасии

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru По-видимому, она, как и ближайший друг отступника Николай Недоброво, ничего не знала ни о его семейных обстоятельствах (вторая, английская жена и двое крошечных детей), ни о тех служебных (секретных) обязанностях, для исполнения которых Анреп как начальник отдела взрывчатых и химических веществ (в лондонском Русском комитете, созданном «для содействия» экспорту английского оружия для безоружной русской армии) и приезжал в Петербург. Больше того, как следует из переписки Б. В. А. фронтовых лет (1914–1916) с матерью своих детей, он очень хотел, когда окончится война, перевезти семью в Россию. Смущала лишь невозможность зарабатывать своим ремеслом. В одном из писем к Хелен Мейтленд (1915) он признается:

«Я чувствую себя таким беспомощным в России, не работником, а человеком из общества...

В Англии я чувствую себя гораздо свободнее. Кроме того, положение художника, которое есть у меня в Англии, совершенно не признается в России».

Даже после Октябрьского переворота, в течение многих лет, мнимый отступник не принимал британское подданство, все еще надеясь, что большевики не удержат власть и можно будет вернуться на родину. Единственное, что можно поставить Ахматовой на вид, так это утверждение, будто «лихой ярославец» «отдал за остров зеленый... наши иконы». Дело в том, что Анреп, единственный из офицеров Южной армии, пользуясь передышками между боями, с риском для жизни, по ночам, с помощью своей отчаянной казачьей команды не только собирал иконы и предметы культа в разрушенных галицийских церквях, но и сумел переправить собранное в Петербург – ныне спасенные им реликвии находятся в Эрмитаже. О чем – о чем, а уж об этом Анна Андреевна не могла не знать, ибо подаренный ей Борисом Анрепом большой деревянный крест того же происхождения, что и вывезенные им из Галиции древние иконы.

* * *

Когда в тоске самоубийства Народ гостей немецких ждали дух суровый византийства От русской Церкви отлетал, Когда приневская столица, Забыв величие свое, Как опьяневшая блудница, Не знала, кто берет ее, – Мне голос был. Он звал утешно, Он говорил: «Иди сюда, Оставь свой край глухой и грешный, Оставь Россию навсегда. Я кровь от рук твоих отмою, Из сердца выну черный стыд, Я новым именем покрою Боль поражений и обид». Но равнодушно и спокойно Руками я замкнула слух, Чтоб этой речью недостойной не осквернился скорбный дух. Осень 1917, Петроград

НА РАЗВЕДЕННОМ МОСТУ

На разведенном мосту В день, ставший праздником ныне, Кончилась юность моя. 25 октября 1917 года Анна Андреевна бродила по Петрограду и почти оторопела, выйдя к Неве: среди бела дня были разведены мосты. Только на следующее утро знающие люди объяснили ей, что это сделали большевики по приказу Ленина, дабы не дать войскам Временного правительства задуть пролетарскую революцию. Впрочем, Ахматовой в том октябре было не до политики. Она была совсем одна в переставшем быть своим городе. Анреп уехал. Гумилев – за границей. Обещал весной вызвать ее в Париж и как в воду канул... Сын со свекровью в Бежецке. Родные – где-то в Крыму, отрезанном от центральной России революционным хаосом, и живы ли – неизвестно. Ни денег, ни крыши над головой... Приютили подруги: Валечка Тюльпанова, теперь мадам Срезневская, да Ольга Судейкина, точнее, их оборотистые мужчины; особенно старался Оленькин экс-муж – композитор Артур Лурье, он когда-то, еще во времена «Бродячей Собаки» был сильно неравнодушен к жене Гумилева.

* * *

Тот голос, с тишиной великой споря, Победу одержал над тишиной. Во мне еще, как песня или горе, Последняя зима перед войной. Белее сводов Смольного собора, Таинственней, чем пышный Летний сад, Она была. Не знали мы, что скоров тоске предельной поглядим назад. Январь 1917, Петербург

* * *

И вот одна осталась Я считать пустые дни. О вольные мои друзья, О лебеди мои! И песней я не скличу вас, Слезами не верну. Но вечером в печальный час В молитве помяну. Настигнут смертною стрелой, Один из вас упал, И черным вороном другой, Меня

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
целуя, стал. Но так бывает: раз в году, когда растает лед, в Екатерининском саду Стою
у чистых вод слышу плеск широких крыл над гладью голубой. Не знаю, кто окно
раскрыл в темнице гробовой. Конец 1917

Артур Лурье и Ольга Судейкина

* * *

Теперь никто не станет слушать песен. Предсказанные наступили дни. Моя последняя,
мир больше не чудесен, не разрывай мне сердца, не звени. Еще недавно ласточкой
свободной свершала ты свой утренний полет, а ныне станешь нищенкой голодной, не
достучишься у чужих ворот. Конец 1917

Аня Горенко с младшим братом Виктором

* * *

&lт;Виктору Горенко>

Для того ль тебя носила когда-то на руках, для того ль сияла сила в голубых
твоих глазах! Вырос стройный и высокий, песни пел, мадеру пил, к Анатолии
далекой миноносец свой водил. На Малаховом кургане офицера расстреляли. Без недели
двадцать лет он глядел на Божий свет. 1918, Петербург. Младший брат Ахматовой
окончил столичный Морской корпус в 1916 году и сразу же был отправлен в
Констанцу, на румынский фронт. Анна Андреевна несколько раз и в «Записных
книжках», и в разговорах с Павлом Лукницким вспоминала, как она вместе с родными
стояла на берегу, на пристани, когда Виктор уходил на своем миноносце в море,
вглядываясь, стараясь угадать, какой из уходящих кораблей миноносец «Зоркий». Революция застала Виктора в Севастополе. С тех пор о нем до 1924 года не было
никаких известий. В 1918-м Анна Андреевна, думая, что Виктор погиб, написала
стихотворение, посвященное его памяти.

Похороненные заживо, по народной примете, живут долго. Виктор, как и Анна (а ее
тоже «хоронили» заживо; в ее личном архиве хранилась московская афиша,
объявлявшая о поэтическом вечере ее памяти), оказался долгожителем. Добравшись
до Дальнего Востока, в 30-х гг. он через Харбин переместился в Америку. В начале
шестидесятых, когда уже можно было не скрывать наличие «американских
родственников», брат и сестра обменялись несколькими письмами.

Виктор Горенко. Нью-Йорк. 60-е гг.

В конце 1917 года на ахматовском горизонте объявился и старый друг – Вольдемар
Шилейко. Собственно, дружил Вольдемар Казимирович, интеллигент, полиглот и
почти гений, не с Анной, а с Гумилевым и Лозинским, а в нее был давно,
безнадежно и слегка истерично влюблен. Деньги и у него не водились, но
жилплощадь имелась, и обширная – во флигеле Фонтанного Дома. И как-то само собой
случилось, что Анна Андреевна не устояла перед шилейковским напором и дала слово
выйти за него замуж.

В. К. Шилейко. 1920-гг.

* * *

Проплывают льдины, звеня, небеса безнадежно бледны. Ах, за что ты караешь меня, я
не знаю моей вины. Если надо – меня убей, но не будь со мною суров. От меня не
хочешь детей и не любишь моих стихов. Всё по-твоему будет: пусть! Обету верна
своему, отдала тебе жизнь, но грусть в могилу с собой возьму. Апрель 1918

Анна Ахматова

* * *

От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу, Стала желтой и припадочной, Еле ноги волочу. Новых песен не насвистывай, – Песней долго ль обмануть, Но когти, когти неистовой Мне чахоточную грудь, Чтобы кровь из горла хлынула. Поскорее на постель, чтобы смерть из сердца вынула. Навсегда проклятый хмель. Июль 1918. Весной 1918 года в Петроград неожиданно вернулся из Лондона Николай Степанович и первым делом разыскал жену. И та, как и обещала Шилейке, попросила мужа дать ей развод, похоже, не без тайной надежды, что он воспротивится. Гумилев не воспротивился, поскольку перед венчанием сказал невесте, что она свободна от каких-либо перед ним обязательств и вольна поступать как ей заблагорассудится. И тут же – стремительно, словно назло ей, женился на очень хорошенькой, но совершенно ничтожной барышне. В положенный срок новая жена родила ему нового ребенка, и Гумилев закрутился, чтобы прокормить разросшееся семейство.

Осенью 1918 года, получив разводные бумаги, Ахматова выходит замуж за В. К. Шилейко. На немедленном оформлении брака настаивал Вольдемар Казимирович, он, видимо, опасался, что Анна передумает.

Мужем гениальный Шилейко оказался никудышным – глупо и грубо ревнивым, мелочным, капризным. Однако Анна Андреевна почти два года не хотела признаться в этом ни себе, ни друзьям.

НОЧЬЮ

Стоит на небе месяц, чуть живой, Среди облаков струящихся и мелких, И у дворца угрюмый часовой Глядит, сердясь, на башенные стрелки. Идет домой неверная жена, Ее лицо задумчиво и строго, А верную в тугих объятьях сна Сжигает негасимая тревога. Что мне до них? Семь дней тому назад, Вздохнувши, я прости сказала миру. Но душно там, и я пробралась в сад. Взглянуть на звезды и потрогать лиру. Осень 1918, Москва. Корней Иванович Чуковский, навестив «молодоженов», был почти шокирован и послушностью Анны Андреевны, и ничтогой их семейного быта – чудовищной даже на фоне всеобщего обнищания. Известны его дневниковые записи: «19 января 1920. Вчера – у Анны Ахматовой. Она и Шилейко в одной большой комнате, – за ширмами кровать. В комнате сыровато, холодновато, книги на полу. У Ахматовой крикливый, резкий голос, как будто она говорит со мною по телефону. Глаза иногда кажутся слепыми. К Шилейке ласково – иногда подходит и ото лба отметаёт волосы. Он зовет ее Аничка. Она его Володя. С гордостью рассказывала, как он переводит стихами – 'A livre ouvert [24] – целую балладу, – диктует ей прямо набело! «А потом впадает в лунатизм».

25 января. Мороз ужасный. Дома неуютно. Сварливо. Вечером я надел два жилета, два пиджака и пошел к Анне Ахматовой. Она была мила. Шилейко лежит больной. У него плеврит. Оказывается, Ахматова знает Пушкина назубок – сообщила мне подробно, где он жил. Цитирует его письма, варианты. Но сегодня она была чуть-чуть светская барыня; говорила о модах: а вдруг в Европе за это время юбки длинные или носят воланы. Мы ведь остановились в 1916 году – на моде 1916 года».

* * *

Чем хуже этот век предшествующих? Разве Тем, что в чаду печали и тревог Он к самой черной прикоснулся язве, Но исцелить ее не мог. Еще на западе земное солнце светит кровли городов в его лучах блестят, А здесь уж белая дома крестами метити кличет воронов, и вороны летят. Январь – февраль 1919

ПРИЗРАК

Зажженных рано фонарей шары висят, все скрежещут, всё праздничнее, всё светлей. Снежинки, пролетая, блещут. И, ускоряя ровный бег, как бы в предчувствии погони, Сквозь мягко падающий снег Под синей сеткой мчатся кони. И раззолоченный гайдук Стоит недвижно за санями, И странно царь глядит вокруг. Пустыми светлыми глазами. Январь – февраль 1919

* * *

Я спросила у кукушки, Сколько лет я проживу... Сосен дрогнули верхушки, Желтый луч упал в траву. Но ни звука в чаще свежей... Я иду домой, И прохладный ветер нежит. Лоб горячий мой. 1 июня 1919, Царское Село

* * *

Ты всегда таинственный и новый, Я тебе послушней с каждым днем. Но любовь твоя, о друг суровый, Испытание железом и огнем. Запрещаешь петь и улыбаться, А молиться запретил давно. Только б мне с тобою не расстаться, Остальное все равно! Так, земле и небесам чужая, Я живу и больше не пою, Словно ты у ада и у рая Отнял душу вольную мою. Декабрь 1919

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда, заключены в столице дикой, Озера, степи, города и зори родины великой. В кругу кровавом день и ночь долит жестокая истома... Никто нам не хотел помочь. За то, что мы остались дома, за то, что, город свой любя, а не крылатую свободу, мы сохранили для себя его дворцы, огонь и воду. Иная близится пора, уж ветер смерти сердце студит, но нам священный град Петра невольным памятником будет. 1920

* * *

Nec sine te, nec te cum vivere possum [25] .

Путник милый, ты далече, но с тобою говорю. В небесах зажглися свечи провожающих зарю. Путник мой, скорей направи обратный свой светлый взор: здесь живет дракон лукавый, мой властитель с давних пор. А в пещере у дракона нет пощады, нет закона. И висит на стенке плеть, чтобы песен мне не петь. И дракон крылатый мучит, он меня смиренью учит, чтоб забыла дерзкий смех, чтобы стала лучше всех. Путник милый, в город дальний унеси мои слова, чтобы сделался печальней тот, кем я еще жива. 22 июня 1921, Петербург, Сергиевская, 7

* * *

А, ты думал – я тоже такая, что можно забыть меня и что брошусь, моля и рыдая, под копыта гнедого коня. Или стану просить у знахарок в наговорной воде корешки и пришлю тебе страшный подарок – мой заветный душистый платок. Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом окающей души не коснусь, но клянусь тебе ангельским садом, чудотворной иконой клянусь и ночей наших пламенных чадам – я к тебе никогда не вернусь. Июль 1921, Петербург, Фонтанка

* * *

Нам встречи нет. Мы в разных станах, туда ль зовешь меня, наглец, где брат поник в кровавых ранах, прижавши ангельский венец? И ни молящие улыбки, ни клятвы дикие твои, ни призрак млеющий и зыбкий моей счастливейшей любви не обольстят... Июль 1921

* * *

Тебе покорной? Ты сошел с ума! Покорна я одной Господней воле. Я не хочу ни трепета, ни боли, мне муж – палач, а дом его – тюрьма. Но видишь ли! Ведь я пришла сама. Декабрь рождался, ветры выли в поле, и было так светло в твоей неволе, а за окошком сторожила тьма. Так птица о прозрачное стекло всем телом бьется в зимнее ненастье, и кровь пятнает белое крыло. Теперь во мне спокойствие и счастье. Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил. За то, что в дом свой странницу пустил. Август 1921, Царское Село

* * *

Пусть голоса органа снова грянут, как первая весенняя гроза: из-за плеча твоей невесты глянут мои полузакрытые глаза. Семь дней любви, семь грозных лет разлуки, война, мятеж, опустошенный дом, в крови невинной маленькие руки, седая прядь над розовым виском. Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный, верну тебе твой сладостный обет, но берегись твоей подруге страстной. Поведать мой неповторимый бред, – затем, что он пронизет жгучим ядом ваш благостный, ваш радостный союз... А я иду владеть чудесным садом, где шелест трав и восклицанья муз. Август 1921, Царское Село

* * *

О, жизнь без завтрашнего дня! Ловлю измену в каждом слове, и убывающей любви звезда восходит для меня. Так незаметно отлетать, почти не узнавать при встрече. Но снова ночь. И снова плечив истома влажной целовать. Тебе я милой не была, ты мне постыл. А пытка длилась, и как преступница, томилась любовью, исполненная злом. То словно брат. Молчишь, сердит. Но если встретимся глазами – тебе клянусь я небесами, в огне расплавится гранит. 29 августа 1921, Царское Село

* * *

Кое-как удалось разлучиться и постылый огонь потушить. Враг мой вечный, пора научиться вам кого-нибудь вправду любить. Я – то вольная. Все мне забава, – ночью муза слетит утешать, а наутро притащится слава погремушкой над ухом трещать. Обо мне и молиться не стоит, уйдя, оглянуться назад... Черный ветер меня успокоит, веселит золотой листопад. Как подарок, приму я разлуку и забвение, как благодать. Но, скажи мне, на крестную муку ты другую посмеешь послать? 29 августа 1921, Царское Село

* * *

Пока не свалюсь под забором, ветер меня не добьет, мечта о спасении скором меня, как проклятие, жжет. Упрямая, жду, что случится, как в песне случится со мной, – уверенно в дверь постучится, и, прежний, веселый, дневной, войдет он и скажет: «Довольно, ты видишь, я тоже простил». Не будет ни страшно, ни больно... Ни роз, ни архангельских сил. Затем и в беспомоществе смутя сердце мое берегу, что смерти без этой минуты представить себе не могу. 30 августа 1921, Царское Село. Кончилось скоропалительное замужество Ахматовой так, как и должно было кончиться: Анна

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Андреевна сбежала от В. К. Шилейко и поступила на работу в библиотеку
Агроэкономического института. Здесь же и квартировала, в служебном помещении.
Потом Ольга и Артур Лурье перевезли ее к себе. Словом, жизнь была пестрой,
странной, а какой она могла быть в те годы, голодные, холодные – без завтрашнего
дня? Но поэты продолжали писать стихи, а издатели их издавать. В апреле 1921-го
у Ахматовой в издательстве «Петрополис» вышел «Подорожник», шла работа и над
пятым сборником «Анно Доміні». И вдруг все рухнуло. Наступил август. Сначала
Гумилев, чудом выбравшись из Крыма, привез ей известие о самоубийстве брата
Андрея. В августе же умер Блок. А на похоронах Блока Ахматова узнала об аресте
Николая Степановича. Друзья были настроены оптимистично, но Анна Андреевна
сердцем чуяла беду.

Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме
пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было... Догнивали знаменитые
петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» (угол Садовой и Итальянской)
еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а
решительно превратился в свою противоположность. Но стихи любили (главным
образом молодежь)...

Об аресте Николая Степановича я узнала на похоронах Блока. «Запах тленья
обморочно сладкий» в моем стихотворении «Страх», написанном ночью 25 августа
1921 г., относится к тем же похоронам...

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Памяти Ал. Блока

А Смоленская нынче именинница, Синий ладан над травой стелется, И струится пенье
панихидное, Не печальное нынче, а светлое. И приводят румяные вдовушки на кладбище
мальчиков и девочек Поглядеть на могилы отцовские, А кладбище – роща соловьиная, От
сиянья солнечного замерло. Принесли мы Смоленской Заступнице, Принесли Пресвятой
Богородице На руках во гробе серебряном Наше солнце, в муке погасшее, – Александра,
лебедя чистого. Август 1921

* * *

Страх, во тьме перебирая вещи, Лунный луч наводит на топор. За стеною слышен звук
зловещий – что там, крысы, призрак или вор? В душной кухне плещется
водою, Половицам шатким счет ведет, С глянцевиной черной бородою За окном чердачным
промелькнет – и притихнет. Как он зол и ловок, Спички спрятал и свечу задул. Лучше
бы поблескиванье дулв грудь мою направленных винтовок, Лучше бы на площади
зеленой На помост некрашенный прилечь под клики радости и стоны Красной кровью до
конца истечь. Прижимаю к сердцу крестик гладкий: Боже, мир душе моей верни! Запах
тленья обморочно сладкий Веет от прохладной простыни. 25 августа 1921

ИСКРА ПАРОВОЗА

Я ехала летом 1921 из Царского в Петербург. Бывший
вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом,
но я успела занять место у окна... И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала
приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестерпимо захотелось курить. Я
понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла
какую-то дохлую «Сафо», но... спичек не было. Их не было у меня и их не было ни у
кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы
и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные красные, еще как бы
живые, жирные искры с паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать
(прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась.
Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет»,
– сказал один из них про меня. Стихотворение было: «Не бывать тебе в живых». См.
дату в рукописи – 16 августа 1921 (м. б. ст. алого; стили).

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Не бывать тебе в живых, Со снегу не встать. Двадцать восемь штыковых, Огнестрельных
пять. Горькую обновушку Другу шила я. Любит, любит кровушку Русская земля. 16 августа
ст. ст. 1921 (вагон)

Николай Гумилев. Фото М.С. Наппельбаума. Июль 1921 г.

Гумилеву и в самом деле не суждено было остаться в живых: 25 августа 1921 года
он был расстрелян по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору.
Сообщение об этом было опубликовано в «Петроградской правде» 1 сентября того же
года. Этой газетой были оклеены все стенды и тумбы маленького вокзальчика в

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Царском Селе, там, где они так часто назначали свидания, когда еще учились в гимназии, где пили кофе и шампанское, когда Николай Степанович приезжал с фронта...

Анна Ахматова. Художник Ю. Анненков, 1921 г.

О смерти Николая Степановича я узнала (прочла в газете на вокзале) 1 сентября в Царском Селе, где я жила (против дома Китаевой) в полубольнице, полусанатории и была так слаба, что ни разу не пошла в парк. 15 сентября я написала «Заплаканная осень, как вдова...» В это лето горели леса под Петербургом – улицы были полны пахучим желтым дымом... Я, приехав из Ц. С., пошла (тогда все ходили пешком) в Мраморный к Шилейко (через Марсово поле) – он плакал

...И два окна в Михайловском замке, которые остались такими же, как в 1801 году, и казалось, что за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский, и Фонтанный дом – целая симфония ужасов... «Шереметевские липы, переключка домовых». Летний... Первый – благоуханный, замерший в июльской неподвижности, и второй – под водой в 1924 году... Марсово – плац-парад, где ночью обучали новобранцев в 1915 году (барабан), и Марсово – огород уже разрытый, полузаброшенный (1921), «под тучей вороньих крыл», и ворота, откуда вывозили на казнь народовольцев.

И близко от них грузный дом Мурузи (угол Литейного), где в последний раз в жизни я видела Гумилева (в тот день, когда меня нарисовал Ю. Анненков).

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Мир – лишь луч от лика друга, всё иное тень его. Н. Гумилев Широко распахнуты ворота, Липы нищенски обнажены, И темна сухая позолота Нерушимой вогнутой стены. Гулом полны алтари и склепы, И за Днепр широкий звон летит. Так тяжелый колокол Мазепы Над Софийской площадью гудит. Все грозней бушует, непреклонный, Словно здесь еретиков казнят, А в лесах заречных, примиренный, Веселит пушистых лисенят. 15 сентября 1921

* * *

Заплаканная осень, как вдова в одеждах черных, все сердца туманит... Перебирая мужнины слова, Она рыдать не перестанет. И будет так, пока тишайший снег не сжалится над скорбной и усталой... Забвенье боли и забвенье нег – За это жизнь отдать не мало. 15 сентября 1921, Царское Село «Когда расстреляли Гумилева, Леве было девять лет, школьники немедленно постановили не выдавать ему учебников, тогда они выдавались в самой школе, где самоуправление процветало даже в младших классах».

Из устных рассказов А. А. Ахматовой в передаче Э. Г. Герштейн Все правильно предсказала Анна Ахматова: перебирать мужнины слова она не перестанет до конца своей долгой жизни. Ды всех тех ночей, когда «мертвый муж» живым являлся ей во сне, запомнит и отметит.

«АА рассказывает, что сегодня ночью видела сон. Такой: будто она вместе с Анной Ивановной, Александрой Степановной и слевой у них дома, на Малой, 63. Все по-старому. И Николай Степанович с ними... АА очень удивлена его присутствием, она помнит все, что говорила ему: „Мы не думали, что ты жив... Подумай, сколько лет! Тебе плохо было?“ И Николай Степанович отвечает, что ему очень плохо было, что он много скитался – в Сибири был, в Иркутске, где-то... АА рассказывает, что собирается его биография, о работе... Николай Степанович отвечает: „В чем же дело? Я с вами опять со всеми... О чем же говорить?“ АА все время кажется, что это сон, и она спрашивает беспрестанно Николая Степановича: „Коля, это не снится мне? Ну докажи, что это не снится“.

Из дневниковых записей П. Н. Лукницкого 1958, Москва. Тульская улица
В ночь под 20 ноября видела во сне Х (Гумилева. – А. М.) в Безымянном переулке [26]. Он дал мне белый носовой платок, когда я выходила от Вали, чтобы вытирать слезы. И бродил со мной в темноте по переулку. Я была в каких-то лохмотьях, м. б. в старой серой шубе на рубашке.

* * *

...Комната: окно на Безымянный переулок... который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейниками, роскошной крапивой и великанами-лопухами... Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества еще не было). В углу – икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки – безд<lt>елушками<gt>; выш<lt>ивками<gt>; отк<lt>ытками<gt>;

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» Один из снов, точнее, слова Гумилева из того сна, А.А.А записала стихами:

Я с тобой, мой ангел, не лукавил, Как же вышло, что тебя оставил За себя
заложницей в неволе Всеи земной непоправимой боли? Под мостами полыньи дымятся, Над
кострами искры золотятся, Грузный ветер окаянно воет, И шальная пуля над Невою щет
сердце бедное твое. И одна в доме оледенелом, Белая лежишь в сиянье белом, Славя
имя горькое мое. Декабрь 1921 Белая в сиянье белом – почти цитата из последнего
стихотворения Гумилева, которое Анна Андреевна, видимо, прочла только после его
смерти:

* * *

Я сам над собой насмеялся сам я себя обманул, Когда мог подумать, что в мире Есть
что-нибудь, кроме тебя. Лишь белая, в белой одежде, Как в пеплуме древних
богинь, Ты держишь хрустальную сферу в прозрачных и тонких перстах. А все океаны,
все горы, Архангелы, люди, цветы – Они в хрустале отразились. Прозрачных девических
глаз [27]. Как странно подумать, что в мире Есть что-нибудь, кроме тебя, что сам я
не только ночная Бессонная песнь о тебе. Но свет у тебя за плечами, Такой
ослепительный свет, Там длинные пламени реют, Как два золоченых крыла. Правда, Анна
Андреевна никогда не утверждала, что это стихотворение Гумилева посвящено ей.
Это была ее личная тайна. Однако написанное в конце 50-х гг. «Творчество» дает
нам в руки ключ к этой тайне тайн.

Я помню все в одно и то же время. Вселенную перед собой, как бремя Нетрудное в
протянутой руке, Как дальний свет на дальнем маяке, Несу, а в недрах тайно зреет
семя Грядущего... 14 ноября 1959, Ленинград Сравните:

Гумилев:

Ты держишь хрустальную сферу в прозрачных и тонких перстах... И свет у тебя за
плечами... Ахматова:

Вселенную перед собой, как бремя Нетрудное в протянутой руке, Как дальний свет на
дальнем маяке, Несу... Больше того, она узнала, должна была узнать, не могла не
узнать в последних стихах («когда мог подумать, что в мире есть что-нибудь,
кроме тебя») Николая Степановича почти цитату из его давнего письма к ней, после
которого она и решила окончательно, что «Гумилев ее судьба».

Письмо [28], кот<орое> убедило меня согласиться на свадьбу (1909). Я
запомнила точно одну фразу: «Я понял, что в мире меня интересует только то, что
имеет отношение к вам». Это почему-то показалось мне убедительным.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Я гибель накликала милым, И гибли один за другим. О, горе мне! Эти
могилы Предсказаны словом моим. Как вороны кружатся, чуя Горячую, свежую кровь, Так
дикие песни, ликуя, Моя насылала любовь. С тобою мне сладко и знойно, Ты близок,
как сердце в груди. Дай руки мне, слушай спокойно. Тебя заклинаю: уйди. И пусть не
узнаю я, где ты, О Муза, его не зови, Да будет живым, невоспетым Моей не узнавший
любви. Октябрь 1921, Петербург

* * *

Сказал, что у меня соперниц нет. Я для него не женщина земная, А солнца зимнего
утешный свет. И песня дикая родного края. Когда умру, не станет он грустить, Не
крикнет, обезумевши: «Воскресни!» Но вдруг поймет, что невозможно жить Без солнца
телу и душе без песни... А что теперь? 1921

* * *

Пятым действием драмы Веет воздух осенний, Каждая клумба в парке Кажется свежей
могилой. Оплаканы мертвые горько. Со всеми врагами в мире Душа моя ныне. Тайная
справлена тризна, И больше нечего делать. Что же я медлю, словно Скоро свершится
чудо? Так тяжелую лодку долгоу пристани слабой рукою Удерживать можно, прощаясь С
тем, кто остался на суше. Осень 1921, Царское Село

* * *

Все души милых на высоких звездах. Как хорошо, что некого терять И можно плакать.
Царскоесельский воздух Был создан, чтобы песни повторять. У берега серебряная
ива Касается сентябрьских ярких вод. Из прошлого восставши, молчаливо ко мне
навстречу тень моя идет. Здесь столько лир повешено на ветки. Но и мое как будто
место есть... А этот дождик, солнечный и редкий, Мне утешенье и благая весть. Осень
1921, Царское Село

* * *

В том доме было очень страшно жить, И ни камина свет патриархальный, Ни колыбелька
нашего ребенка, Ни то, что оба молодые мы были и замыслов исполнены, ... и удача От
нашего порога ни на шаг За все семь лет не смела отойти, – Не уменьшало это
чувство страха. И я над ним смеяться научилась И оставляла капельку вина И крошки
хлеба для того, кто ночью Собакою царапался у дверей И в низкое заглядывал

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
окошко, в то время как мы, за полночь, старались не видеть, что творится в
Зазеркалье, под чьими тяжеленными шагами стонали темной лестницы ступени, как о
пощаде жалостно моля. И говорил ты, странно улыбаясь: «Кого они по лестнице
несут?» Теперь ты там, где знают все, – скажи: что в этом доме жило кроме
нас? 1921, Царское Село, <2 августа> 1940

* * *

Чугунная ограда, Сосновая кровать. Как сладко, что не надо мне больше
ревновать. Постель мне стелют эту с рыданьем и мольбой; теперь гуляй по свету где
хочешь, Бог с тобой! Теперь твой слух не ранит неистовая речь, теперь никто не
станет свечу до утра жечь. Добились мы покою непорочных дней... Ты плачешь – я не
стою одной слезы твоей. 27 августа 1921, Царское Село

* * *

О. А. Глебовой-Судейкиной

Пророчишь, горькая, и руки уронила, Прилипла прядь волос к бескровному челу, и
улыбаешься – о, не одну пчелу румяная улыбка соблазнила и бабочку смутила не
одну. Как лунные глаза светлы, и напряженно далеко видящий остановился взор. То
мертвому ли сладостный укор, или живым прощаешь благосклонно твое изнеможенье и
позор? 27 августа 1921, Петербург – Царское Село

Бежецк. Садовая улица

В год гибели Гумилева (1921) на Рождество Анна Андреевна поехала в Бежецк. В
рождественские дни ей всегда хотелось быть с самыми родными; когда Инна
Эразмовна и младшая сестра Ия жили в Киеве, Ахматова старалась провести свой
самый любимый праздник с ними, но теперь мать и сестра бедовали и голодали в
Крыму, а туда в тот год и письма не доходили. В Бежецке было тихо, в Бежецке
люди старались жить так, как будто ничего страшного не случилось. Анна Андреевна
расспрашивала свекровь о том, о чем не успела спросить, пока Николай Степанович
был жив, о его детстве, отрочестве. Анна Ивановна рассказывала скупое и строго,
но легко: после отъезда, фактически бегства старшего сына Мити за границу, кроме
как с Анной Андреевной, ей не с кем было выговорить боль. Анна хотела войти в ту
комнату, где три года назад она и Николай Степанович радовались радостью своего
гумильвенка, получившего в подарок новые игрушки. И не вошла. Не могла войти. Из
всех написанных на смерть Гумилева стихов «Бежецк» – самое пронзительное.

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед, там милого сына цветут васильковые
очи. Над городом древним алмазные русские ночи, серп поднебесный желтее, чем
липовый мед. Там вьюги сухие взлетают с заречных полей, и люди, как ангелы, Божьему
Празднику рады, прибрали светлицу, зажгли у киота лампы, и Книга Благая лежит на
дубовом столе. Там строгая память, такая скупая теперь, свои терема мне открыла с
глубоким поклоном; но я не вошла, я захлопнула страшную дверь... И город был полон
веселым рождественским звоном. 26 декабря ст. ст. 1921

* * *

Пива светлого наварено, на столе дымится гусь... Помянуть царя да барина. Станет
праздничная Русь – крепким словом, прибауткою за беседу хмельной; тот – забористою
шуткою, этот – пьяною слезой. И несутся речи шумные от гульбы да от вина... Порешили
люди умные: – Наше дело – сторона. Декабрь 1921. Рождество, Бежецк

* * *

В тот давний год, когда зажглась любовь, как крест престольный, в сердце
обреченном, ты кроткою голубкой не прильнула к моей груди, но коршуном
когтила. Изменой первою, вином проклятья ты напоила друга своего. Но час настал в
зеленых глазах глядеться, у жестоких губ молить напрасно сладостного дара и клятв
таких, каких ты не слышала, каких еще никто не произнес. Так отравивший воду
родника для вслед за ним идущего в пустыне сам заблудился и, возжаждав
сильно, источника во мраке не узнал. Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной, но
гибелью ли жажду утолить? 7–8 декабря 1921, Петербург. Горе Ахматовой усугубляли
муки «неукротимой» совести. Поглощенная сначала своей великой любовью к Анрепу,
а потом запутанными отношениями с Шилейко, Анна Андреевна не только выпустила
Гумилева из виду, а словно вычеркнула его из своей жизни. Забыла, что он не
только неверный муж, но и верный друг, почти брат, больше, чем брат – отец ее
единственного ребенка. Да, была слишком занята хлопотами по изданию своих
сборников, словно предчувствовала, что «Подорожник» и «Anno Domini» – ее
последние настоящие книги. И все-таки...

Никак не могла она простить себе и то, что сама накликала беду! Почему-то в
стихах часто говорила о нем как о мертвом: «Пришли и сказали: умер твой брат...»,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
«Мертвый муж мой приходит...». А летом 1921 года произошло совсем непонятное. 26 апреля 1925 года П. Лукницкий записал такой рассказ Анны Андреевны:
«...Николай Степанович был у нее в последний раз в 1921 году, приблизительно за два дня до вечера „Petropolis'a“. АА жила тогда на Сергеевской, во 2-м этаже. В. К. Шилейко был в Царском Селе в санатории. АА сидит у окна и вдруг слышит голос: „Аня!“...Взглянула в окно – увидела Николая Степановича и Георгия Иванова. Впустила его к себе. Николай Степанович (это была первая встреча с АА после приезда Николая Степановича из Крыма) рассказал АА о встрече с Инной Эразмовной, с сестрой АА, о смерти брата АА Андрея Андреевича...»

А когда гости стали собираться, Анна Андреевна повела их к винтовой лестнице, по которой можно было сразу попасть на улицу. Потайной ход не освещался, Николай Степанович спускался в кромешной тьме, и Анна Андреевна вдруг крикнула вдогонку: «По такой лестнице только на казнь ходить!»

Через тридцать семь лет Ахматова напишет такие стихи:

* * *

От меня, как от той графини,шел по лестнице винтовой,чтоб увидеть рассветный,
синий,страшный час над страшной невой.1958

Анна Ахматова. Художник Н. Тырса. 1927 г.

* * *

Земной отрадой сердца не томи,Не пристращайся ни к жене, ни к дому,У своего ребенка хлеб возьми,Чтобы отдать его чужому.И будь слугой смиреннейшим того,кто был твоим кромешным супостатом,И назови лесного зверя братом,И не проси у Бога ничего.Декабрь 1921«...Она была совершенно лишена чувства собственности... Близкие друзья ее знали, что стоит подарить ей какую-нибудь, скажем, редкую гравюру или брошь, как через день или два она раздаст эти подарки другим...

Слова «обстановка», «уют», «комфорт» были ей органически чужды – и в жизни и в созданной ею поэзии...

Конечно, она очень ценила красивые вещи и понимала в них толк. Старинные подсвечники, восточные ткани, гравюры, иконы древнего письма и т. д. то и дело появлялись в ее скромном жилье, но через несколько дней исчезали. Не расставалась она только с такими вещами, в которых была запечатлена для нее память сердца. То были ее «вечные спутники»: шаль, подаренная ей Мариной Цветаевой, рисунок ее друга Модильяни, перстень, полученный ею от покойного мужа, – все эти «предметы роскоши» только сильнее подчеркивали убожество ее быта: ветхое одеяло, дырявый диван, изношенный узорчатый халат, который в течение долгого времени был ее единственной домашней одеждой».

Корней Чуковский, из воспоминаний об Анне Ахматовой уже тогда, в первой юности, Анна догадалась, ни разумом, а мощным, почти звериным инстинктом: чтобы выжить в эпоху войн и революционного террора, как красного, так и белого, надо научиться жить ничего не имея – в благословенной нищете, освободившись от чувства собственности и все свое нося с собой и в себе. Не поэтому ли с такой легкостью раздавала-раздаривала всё: вещи, деньги, книги, рукописи, как если бы это был не только лишний, но и опасный груз? Все ее имущество помещалось в маленьком ящичке-укладке, а было там: новгородская икона, единственный сохранившийся после бездомья подарок Гумилева, легендарные четки, еще несколько маленьких иконок, старая сумочка, знаменитый испанский гребень...

Анна Ахматова. 1925 г.

* * *

Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,Черной смерти мелькало крыло,Все голодной тоскою изглодано,Отчего же нам стало светло?Днем дыханьями веет вишневымиНебывалый под городом лес,Ночью блещет созвездьями новымиГлубь прозрачных июльских небес, –И так близко подходит чудесноеК развалившимся грязным домам...Никому, никому не известное,Но от века желанное нам.Июнь 1921

* * *

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Что ты бродишь, неприкаянный, что глядишь ты не дыша? Верно понял: крепко спаянна
двоих одна душа. Будешь, будешь мной утешенным, как не снилось никому, а обидишь
словом бешеным – станет больно самому. Декабрь 1921, Петербург

РАХИЛЬ

И служил Иаков за Рахиль семь лет;
и они показались ему за несколько дней,
потому что он любил ее.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль, Он ей поклонился, как странник бездомный Стада
подымали горячую пыль, Источник был камнем завален огромным. Он камень своею рукою
отвалили чистой водою овец напоил. Но стало в груди его сердце грустить, Болеть,
как открытая рана, и он согласился за деву служить Семь лет пастухом у
Лавана. Рахиль! Для того, кто во власти твоей, Семь лет – словно семь
ослепительных дней. Но много премудр сребролюбец Лаван, и жалость ему незнакома. Он
думает: каждый простится обману славу Лаванова дома. И Лию незрячую твердой
рукою приводит к Иакову в брачный покой. Течет над пустыней высокая ночь, Роняет
прохладные росы, и стонет Лаванова младшая дочь, Терзая пушистые косы. Сестру
проклинаят, и Бога хулит, и Ангелу Смерти явиться велит. И снится Иакову
сладостный час: Прозрачный источник долины, Веселые взоры Рахилиных глазаи голос ее
голубиный: Иаков, не ты ли меня целовали черной голубкой своей называл? 25 декабря
ст. ст. 1921

Марк Шагал. Иаков и Рахиль

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне. Ее ползучий шаг я слышала во сне в мертвом
городе под беспощадным небом, Скитаясь наугад за кровом и за хлебом. И отблески ее
горят во всех глазах, То как предательство, то как невинный страх. Я не боюсь ее.
На каждый вызов новый Есть у меня ответ достойный и суровый. Но неизбежный день
уже предвижу я, – На утренней заре придут ко мне друзья, и мой сладчайший сон
рыданьем потревожат, и образок на грудь остывшую положат. Никем не знаема тогда
она войдет, в моей крови ее не утешенный рот считать не устает небывшие
обиды, вплетая голос свой в моленья панихиды. И станет внятн всем ее постыдный
бред, чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед, чтоб в страшной пустоте мое
осталось тело, чтобы в последний раз душа моя горела земным бессилием, летя в
рассветной мгле, и дикой жалостью к оставленной земле. 14 января 1922, Бежецк –
Петербург. Вагон

* * *

Слух чудовищный бродит по городу, Забирается в дома, как тать. Уж не сказку ль про
Синюю Бороду перед тем, как засну, почитать? Как седьмая всходила на лестницу, как
сестру молодую звала, Милых братьев иль страшную вестницу, затаивши дыханье,
ждала... Пыль взматается тучею снежною, скачут братья на замковый двор, и над шеей
безвинной и нежною не подымется скользкий топор. Этой сказочкой нынче утешена, я,
наверно, спокойно усну. Что же сердце колотится бешено, что же вовсе не клонит ко
сну? Январь – февраль 1922

* * *

Шепчет: «Я не пожалею даже то, что так люблю, – Или будь совсем моею, или я тебя
убью». Надо мной жужжит, как овод, непрестанно столько дней Этот самый скучный
довод черной ревности твоей. Горе душит – не задушит, вольный ветер слезы сушит, а
веселье, чуть погладит, сразу с бедным сердцем сладит. Февраль 1922

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Видел я тот венец златокованный... Не завидуй такому венцу! Оттого, что и сам он
ворованный, и тебе он совсем не к лицу. Туго согнутой веткой терновой мой венец на
тебе заблестит. Ничего, что росой багровою он изнеженный лоб освежит. 8 мая 1922

ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитесь во Святем Дворе Его. Спит юродивый на паперти, на него
глядит звезда. И, крылом задетый ангельским, колокол заговорил не набатным, грозным
голосом, а прощаясь навсегда. И выходят из обители, Ризы древние отдав, Чудотворцы и
святители, опираясь на клюки. Серафим – в леса Саровские стадо сельское пасти, Анна
– в Кашин, уж не княжита, Лен колючий теребить. Провожает Богородица, сына кутает в
платок, Старой нищенкой оброненный у Господнего крыльца. 24 мая 1922, Петербург

* * *

За озером луна остановилась и кажется отворенным окном в притихший, ярко
освещенный дом, где что-то нехорошее случилось. Хозяина ли мертвым

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
привезли, Хозяйка ли с любовником сбежала, Иль маленькая девочка пропала и башмачок
у заводи нашли... С земли не видно. Страшную беду почувствовав, мы сразу
замолчали. Заупокойно филины кричали, И душный ветер буйствовал в саду. 1922
* * *

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
встретаться со всеми опять, В полном
ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять. Даже мертвые нынче
согласны прийти, И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи, Так
давно я скучаю о нем. Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно. Весна 1922
* * *

Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам.
Их грубой лести я не
внемлю, Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник, Как заключенный, как
больной. Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой. А здесь, в глухом
чаду пожара, Остаток юности губя,
Мы ни единого удара не отклонили от себя. И знаем,
что в оценке поздней оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей
бесслезней, Надменнее и проще нас. Июль 1922, Петербург

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

А. А. Ахматова и Н. Н. Пунин. 20-е годы
Летом 1922 года на проводах Артура Лурье Анна Андреевна и Николай Николаевич
Пунин случайно оказались за одним ресторанным столиком и их неожиданно властно
потянуло друг к другу. Ахматова опять, в который раз, предсказала себе судьбу,
написав в ночь под Рождество стихотворение «Рахиль»... («Но стало в груди его
сердце грустить...»)

Правда, регулярно встречаться они стали лишь через несколько месяцев в
сентябре. В посвященном Н. Н. Пунину стихотворении «Небывалая осень построила
купол высокий...» Ахматова на редкость выразительно окрестила тот удивительный
сентябрь: «весенняя осень».

ВЕСЕННЯЯ ОСЕНЬ

Небывалая осень построила купол высокий, Был приказ облакам этот купол собой не
темнить. И дивились люди: проходят сентябрьские сроки, А куда провалились
студеные, влажные дни? Изумрудною стала вода замутненных каналов, И крапива
запахла, как розы, но только сильнее. Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских
и алых, Их запомнили все мы до конца наших дней. Было солнце таким, как вошедший в
столицу мятежник, И весенняя осень так жадно ласкалась к нему, что казалось –
сейчас забелеет прозрачный подснежник... Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу
моему. Сентябрь 1922 Шапочко Пунин и Ахматова, почти ровесники, как и все
царскоселы, были знакомы с давних пор. С давних пор, видимо, и нравились друг
другу, правда, не слишком, а слегка. Впрочем, со стороны Пунина интерес к жене
Гумилева, похоже, был столь явным, хотя и корректным, что Николай Степанович,
обычно иронично-снихождительный к поклонникам Анны, Николая Николаевича
невзлюбил всерьез и беспричинно. И вот этот человек возник в ее судьбе, и притом
в самую мрачную пору жизни, жизни без завтрашнего дня, в чужом доме, среди чужих
вещей и по чужому нравственному закону, когда Анна Андреевна после смерти
Гумилева жила у подруги – актрисы, плясуньи, затейницы – Ольги Судейкиной (один
из прообразов первой красавицы «Поэмы без героя» – Путаницы, Психеи, «Коломбины
десятих годов»). Ольга, обожавшая Анну, охотно уступила ей не только часть
жилплощади, но и очередного из своих мужей – молодого, но уже почти
«знаменитого» композитора Артура Лурье. Музыка в те годы, естественно, не
кормила, и Артур служил в секретариате А. В. Луначарского. В 1922 году, по
служебной надобности, его откомандировали в Берлин. Уже решив, что в советскую
Россию не вернется, Лурье настойчиво звал с собой и Ольгу, и Анну. Ольга в конце
концов уехала и благополучно добралась до Парижа. Анна со своего места не
сдвинулась. Лурье был бабник, но бабник особого сорта: из тех, что нежно
заботятся о всех своих женщинах. Уезжая, он по-дружески попросил приятеля
Николая Пунина – больше просить было некого – присмотреть за Оленькой и
Аннушкой. О «Коломбине десятих годов» заботиться не пришлось. Анна так и
осталась на его руках...

Фонтанный Дом – бывший дворец Шереметевых, в одном из флигелей которого Анна Ахматова прожила почти тридцать лет

Через несколько лет, когда, после официального развода с В. К. Шилейко, Ахматова вновь оказалась бездомной, Пунин уговорил ее поселиться в одной квартире с ним и его семьей.

Квартира Пунина, расположенная в садовом флигеле городской усадьбы графов Шереметевых, так называемый Фонтанный Дом, была бывшим дворцом, но все-таки гораздо комфортабельней музейной трущобы в Мраморном бывшем дворце. После революции последний из владельцев этой исторической усадьбы Сергей Шереметев передал ее вместе со всеми коллекциями в дар народу. Нарком Луначарский распорядился объявить Фонтанный Дом филиалом Русского музея; Н. Н. Пунин, как сотрудник этого музея, в начале 20-х гг. получил четырехкомнатную квартиру на третьем этаже одного из жилых флигелей.

«Бог хранит всё». Эту надпись на фронтоне Фонтанного Дома Анна Ахматова считала как бы девизом и своего личного «герба»

В Пунине Ахматова, видимо, нашла то, чего напрасно искала в Шилейке: надежное постоянство, рабоче-семейную, а не богемную жизненную установку, словом, то, что когда-то, в дни ее детства, называлось старомодным словом: порядочность.

Н. Пунин в своем кабинете. Фонтанный Дом. 1924 г. фото А. Ахматовой
Пунин и впрямь был человеком порядочным, но именно в силу порядочности, помноженной на бесхарактерность, связал свою жизнь с жизнью Ахматовой, не только не разойдясь официально с прежней женой, но и не уходя из семьи. Анна Андреевна бытовала в его квартире на заведомо ненатуральных условиях: вносила в семейный бюджет Пуниных «кормовые деньги», не мешала законной супруге Николая Николаевича в родственных кругах по-прежнему числиться и представлять в качестве мадам Пуниной. Ахматова, как только поняла, что сложившееся положение – не временное затруднение, а способ существования – *modus vivendi*, пыталась, и не однажды, изменить ситуацию: найти работу, получить пусть скромную, но свою жилплощадь, и каждый раз Николай Николаевич находил ее, заявлял, что без нее не может ни жить, ни работать, а если он не будет работать, то все семейство погибнет от голода. И Анна Андреевна возвращалась, и все: и Пунин, и его официальная, по документам, жена, – и дочь делали вид, что так и надо, что странный сей симбиоз – в порядке вещей. Что же касается друзей Анны Андреевны, то они, похоже, придерживались правила: в доме повешенного не говорят о веревке. Зато уж недруги были в восторге: наконец-то они получили вечный сюжет для злословия. Чем она могла защититься? Стихами? Слабая защита... Тем более что стихи, которые еще недавно шли мощным потоком, вдруг перестали случаться...

Н. Н. Пунин, К.С. Малевич и М.В. Матюшин в ГИНХУКе. 1926 г.

Когда в ее жизни начинало происходить что-нибудь заведомо несуразное, Анна Андреевна не удивлялась, а произносила одну и ту же фразу: «Со мной всегда так». То есть не так, как у людей. Не так, не по-людски складывались отношения Ахматовой с Н. Н. Пуниным...

Так, не по-людски, они и бытовали долгие годы, практически до самой войны, втроем, точнее, вчетвером: Пунин, две Анны и дочка Пуниных – Ирина. А когда наезжал из Бежецка Лев Гумилев, то и впятером. Считалась, что Ахматова как бы снимает у четы Пуниных комнату, а также столуется, причем за то и другое платит.

«...В одно из моих ранних, тогда еще робких посещений квартиры на Фонтанке мы сидели вечером за столом с Анной Андреевной. Она разливала чай. Вошел довольно высокий черноволосый мужчина с бородкой, в руке у него была раскрытая книга. Нас

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru познакомили. Пунин сел по другую сторону стола, наискось от меня, и тотчас погрузился в прерванное чтение. Читал, не поднимая лица от книги и не обращая ни малейшего внимания ни на присутствие Анны Андреевны, ни на ее гостя. В этой изолированности за домашним чайным столом была доля демонстративности, он словно хотел показать, что ее жизнь – вовсе не его жизнь, что ее гость не имеет к нему никакого отношения. Мы с Анной Андреевной проговорили еще с добрый час, а Николай Николаевич так и не изменил своей позы, потом вышел, не простившись... Я не имею никаких оснований судить о жизни Анны Андреевны с Пуниным. Но у меня осталось впечатление, собиравшееся больше из мелочей, оттенков и чужих слов, что брак с Пуниным был ее третьим «матримониальным несчастьем».

Сергей Шервинский, Из очерка «Анна Ахматова в ракурсе быта»

«...Примерно в 33-м году мы... подошли как-то к Летнему саду. Навстречу нам шли две фигуры. Он [29] мне тихо шепнул: «Ахматова идет». А рядом с ней шел ее муж, фактический муж, Пунин Николай Николаевич, тоже профессор Академии. Он вел теоретический курс... не могу точно сказать... или по истории живописи, или по эстетике.

Я была поражена счастливым видом этих людей. Это шли два счастливых человека, с улыбками, с радостью, с каким-то оживленным разговором, оба необыкновенно статные, быстрой бодрой походкой. Я подумала: «Вот счастливые люди!» Не знаю, как они тогда жили, но, очевидно, Анна Андреевна была тогда счастлива.

Д. Ей сколько ж лет было тогда? Это какой год?

Г. 33-й.

Д. 33-й! Ну, тогда она еще молодая была. Я ее позже узнал. У меня другое было впечатление.

Г. Надо сказать вам, что больше я ее никогда не видала в таком счастливом и безмятежном состоянии. Весь их вид говорил: сейчас мы счастливы, а там посмотрим».

Е. К. Гальперина-Осмеркина в записи В. Д. Дувакина

* * *

Сослужу тебе верную службу, – Ты не бойся, что горько люблю! Я за нашу веселую дружбу всех святителей нынче молю. За тебя отдала первородствои взамен ничего не прошу, оттого и лохмотья сиротства как брачные ризы ношу. Июль 1921 Назвать союз с Пуниным счастливым или хотя бы удачным и в самом деле нельзя... И все-таки отношения людей, связанных этим несчастливым союзом, были, судя по всему, куда более сложными и человечными, чем это показалось Сергею Шервинскому – со стороны и вчуже.

Анна Ахматова в кабинете Пунина

Какие-то получаемые мной гроши я отдавала Пуниным за обед (свой и Левин) [30] и жила на несколько рублей в месяц.

Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и в чем-то таком на ногах, о чем лучше не думать (но в основном прынелевом), очень худая, очень бледная – вот какой я была в это время. И это продолжалось годами.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

А. И. Гумилева, Лева Гумилев, Анна Ахматова. Фото Н.Н. Пунина. 1927 г.

В юности Анна Андреевна немного побаивалась умную и властную свою свекровь. Да и той не очень-то нравился выбор сына. С рождением долгожданного внука (сентябрь 1912 года), названного Львом в честь любимого брата Анны Ивановны Гумилевой контр-адмирала Льва Львова, отношения потеплели, а после гибели Николая Степановича стали почти близкими.

Анна Ахматова – Анне Ивановне Гумилевой

Из Петрограда в Бежецк. Ноябрь 1917 г.

Милая Мама,

только что получила твою открытку от 3 ноября. Посылаю тебе колено последнее письмо. Не сердись на меня за молчание, мне очень тяжело теперь. Получила ли ты

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
мое письмо? Целую тебя и Леву.

Твоя Аня
Анна Ахматова – Анне Ивановне Гумилевой
Из Ленинграда в Бежецк. 1926-й г.

Дорогая моя Мамочка,
сейчас получила Ваши милые письма. Благодарю за поздравления и пожелания
здоровья. Я очень старалась не хворать, как в прошлом году. Спасибо Левушке за
письмо, только он напрасно думает, что я его отговариваю писать стихи. Его
письмо Н. Н. (Пунину. – А. М.) я передала, бабушке послала...

Целую крепко.

Твоя Аня

МНОГИМ

Я – голос ваш, жар вашего дыханья, Я – отраженье вашего лица. Напрасных крыл
напрасны трепетанья, – Ведь все равно я с вами до конца. Вот отчего вы любите так
жадно Меня в грехе и в немощи моей, Вот отчего вы дали неоглядно Мне лучшего из
ваших сыновей, Вот отчего вы даже не спросили Меня ни слова никогда о неми
хвалами задымили Мой навсегда опустошенный дом. И говорят – нельзя теснее
слиться, Нельзя непоправимее любить... Как хочет тень от тела отделиться, Как хочет
плоть с душою разлучиться, Так я хочу теперь – забытой быть. 14 сентября 1922,
Петербург

* * *

Для Л. Н. Замятиной

Здравствуй, Питер! Плохо, старый, и не радуется апрель. Поработали пожары, Почудили
коммунары, что ни дом – в болото щель. Под дырявой крышей стынем, А в подвале шепот
вод: «Склеп покинем, всех подыдем, Видно, нашим волнам синим Править городом
черед». 24 сентября 1922

* * *

Дьявол не выдал. Мне всё удалось. Вот и могущества явные знаки. Вынь из груди мое
сердце и брось Самой голодной собаке. Больше уже ни на что не гоюсь, ни одного я
не вымолвлю слова. Нет настоящего – прошлым горжусь и задохнулась от срама
такого. Сентябрь 1922

* * *

Вот и берег Северного моря, Вот граница наших бед и слав, – Не пойму, от счастья
или горя Плачешь ты, к моим ногам припав. Мне не надо больше обреченных: Пленников,
заложников, рабов, Только с милым мне и непреклонным Буду я делить и хлеб и
кров. Осень 1922

* * *

Хорошо здесь: и шелест, и хруст; С каждым утром сильнее мороз, В белом пламени
клонится куст Ледяных ослепительных роз. И на пышных парадных снегах Лыжный след,
словно память о том, что в каких-то далеких веках Здесь с тобою прошли мы
вдвоем. Декабрь 1922

Анна Ахматова. 1920-е годы

С юности, еще в ту пору, когда пришлось ютиться по чужим углам, Анна Андреевна
привыкла и читать и писать по ночам, поэтому и вставала позже всех, чем вызывала
неудовольствие домочадцев. Сначала свекрови и Гумилева, а затем Пунина и его
законной жены. Корней Иванович Чуковский с ее слов занес в свой Дневник такой
эпизод:

«...Когда Анна Андреевна была женой Гумилева, они оба увлекались Некрасовым,
которого с детства любили. Ко всем случаям своей жизни они применяли
некрасовские стихи. Это стало у них любимой литературной игрой. Однажды, когда
Гумилев сидел поутру у стола и спозаранку прилежно работал, Анна Андреевна все
еще лежала в постели. Он укоризненно сказал ей словами Некрасова:

Белый день занялся над столицей. Сладко спит молодая жена, Только труженик муж
бледнолицый Не ложится, ему не до сна...» Анна Андреевна ответила ему... цитатой тоже
из Некрасова:

...на красной подушке Первой степени Анна лежит [31] .

* * *

Веет ветер лебединый, Небо синее в крови. Наступают годовщины Первых дней твоей
любви. Ты мой разрушил чары, Годы плыли как вода. Отчего же ты не старый, А такой,
как был тогда? Даже звонче голос нежный, Только времени крыло Осенило славой
снежной Безмятежное чело. 1922

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле, Бросил в горницу тусклый взор. Там шесть приборов

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
стоят на столе,И один только пуст прибор.Это муж мой, и я, и друзья моиВстречаем
Новый год.Отчего мои пальцы словно в кровии вино, как трава, жжет?Хозяин,
поднявши полный стакан,Был важен и недвижим:«Я пью за землю родных полян,В
которой мы все лежим!»А друг, поглядевши в лицо моей вспоминая Бог весть о
чем,Воскликнул: «А я за песни ее,В которых мы все живем!»Но третий, не знавший
ничего,Когда он покинул свет,Мыслям моим в ответПромолвили: «Мы выпить должны за
того,Кого еще с нами нет».Конец 1922 года

ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади его
и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,Огромный и светлый, по черной горе.Но
громко жене говорила тревога:Не поздно, ты можешь еще посмотретьНа красные башни
родного Содома,На площадь, где пела, на двор, где пряталась,На окна пустые высокого
дома,Где милому мужу детей родила.Взглянула – и, скованы смертною болью,Глаза ее
больше смотреть не могли;И сделалось тело прозрачною солью,И быстрые ноги к
земле приросли.Кто женщину эту оплакивать будет?Не меньшей ли мнится она из
утрат?Лишь сердце мое никогда не забудетОтдавшую жизнь за единственный взгляд.21
февраля 1924, Петербург, Казанская, 2

ХУДОЖНИКУ

Мне все твоя мерещится работа,Твои благословенные труды:Лип, навсегда осенних,
позолотай и синь сегодня созданной воды.Подумай, и тончайшая дремотаУже ведет меня
в твои сады,Где, каждого пугаясь поворота,В беспамятстве ищу твои следы.Войду ли
я под свод преображенный,Твоей рукою в небо превращенный,Чтоб остудился мой
постылый жар?...Там стану я блаженною навеки, раскаленные смежая веки,Там снова
обрету я слезный дар.1924

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,Жизнь, кажется, висит на волоске.Что почести, что
юность, что свободаПред милой гостьей с дудочкой в руке.И вот вошла. Откинув
покрывало,Внимательно взглянула на меня.Ей говорю: «Ты ль Данту
диктовалаСтраницы Ада?» Отвечает: «Я».Март 1924, Петербург, Казанская,
2«29.10.1925

В комнате очень холодно. А. Е. Пунина начинает топить.

Время подходит к 9 часам. АА с сожалением говорит, что ей надо уходить домой,
потому что она должна застать управдома, чтобы взять у него трудовую книжку В.
К. Шилейко. Какую трудовую книжку? Зачем? Оказывается, что трудовая книжка
Шилейко лежит у управдома, а без нее В. К. Шилейко не может получить жалованье в
университете. И вот, вместо того самому по лестнице спуститься к управдому и
взять ее, Шилейко заставляет АА специально для этого возвращаться на несколько
часов раньше в свою ужасную квартиру, идти к управдому, выдумывать повод –
почему именно она, а не сам В. К. Шилейко приходит...

А. Е. Пунина начинает топить печку в соседней комнате – в спальне. Я иду туда,
гоню А. Е. Пунину и затапливаю печку сам. АА покидает диван с термометром под
мышкой – поставленным по моим увещаниям. Подходит к печке. Садится на корточки
перед ней и ежится.

Мне очень нравится – очень идет АА черное платье... Я говорю ей это. АА отвечает,
что нравится платье и ей... «Я хочу сняться в этом платье...»

Приходит Пунин. Уговаривает АА оставить у управдома книжку до завтра, а не
торопиться. И я, и А. Е. Пунина присоединяемся к этим уговорам... «Если он (В. К.
Шилейко) сумасшедший, то это не значит, что Вы должны исполнять прихоти
сумасшедшего...»

Наконец АА поддается нашим просьбам и остается. Я ухожу домой...

Не знаю почему – вероятно, и разговоры с АА, и ее грустно-покорный тон в этих
разговорах, какая-то особенная незлобивость, чувство ясного понимания Анной
Андреевнкой трагического в эпохе, трагизм ее собственного существования – все
вместе так подействовало на меня, что я ушел с подавленным сердцем, шел, не видя
встречных сквозь липкую мразь и туман, и когда пришел – лег на постель с темной
и острой болью в сердце и с бушующим хаосом, хаосом безвыходности в мыслях.

АА не жалуется. Она никогда не жалуется. Жалобы АА – исключительное явление и
запоминаются навсегда.

И сегодня она не жаловалась. Наоборот. Все, о чем она говорила, говорила она
как-то ласково-грустно, и со всегдашним юмором, и доброй шуткой, и твердым,
тихим и гибко интонирующим голосом. Но от этого мне было еще грустней. Ибо
видеть ясный ум, тонкую натуру, мудрое понимание и острое чувство вещей, и
доброту, доброту, доброту... – в такой обстановке, в таком болоте мысли и мира –
тяжко».

Из дневниковых записей, Павла Лукницкого«Скитаясь наугад за кровом и за хлебом»
– не жалоба. Это точная, скупая и бесслезная констатация нагой, низкой истины.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Жизнь Ахматовой после катастрофы 1921 года, когда один за другим ушли – «забыв» ее «на дне», брат Андрей, Блок, Гумилев, – осиротела. «Меня как реку суровая эпоха повернула» – скажет о себе Ахматова на пороге старости. Но прежде чем повернуть и при повороте наполнить новым полноводием сил и чувств, эпоха заставила ее пережить мучительное для поэта такой творческой энергетике обмеление. Это не стало полным высыханием источников («водопадов») поэзии, это было именно обмеление, и прежде всего обмеление или оскудение эмоциональное. После 1921 года и внутренняя, духовно-душевная, и внешняя жизнь Ахматовой, надолго, на целых пятнадцать лет, укладывается в простенький анкетный сюжет: в 1922 г., де-факто разойдясь с Шилейко, на полтора десятка лет «сошлась», как говорили в те простые, как мычание, времена, с Николаем Николаевичем Пуниным. В 1936 году, незадолго до окончательного разрыва и после почти десятилетия немоты (с 1925-го по 1935-й Ахматова написала всего двадцать стихотворений) она создаст цикл «Разрыв».

От тебя я сердце скрыла, Словно бросила в Неву... Прирученной и бескрылой в дому твоим живу. В дни разрыва почти все и почти всегда произносятся много несправедливых слов. Ахматова не исключение. Однако о своем полубраке с Пуниным она и в конце жизни говорила то же самое: «И пятнадцать блаженнейших весен я подняться не смела с зи», а «стихи стояли за дверь», как выставленная уличная обувь, и дожидались, когда же потребуется хозяйке ее уникальный дар... Нет, нет, Пунин, в отличие от Шилейки, не разжигал ни самовара, ни печки рукописями ахматовских стихов. И двери его дома были широко распахнуты для всех знакомых Акумы (домашнее прозвище Анны Андреевны). Больше того, при всем том, что бытовали они в бедности, куда беднее, чем многие в их кругу, все-таки и Пунин, и его жена, врач по профессии, ежемесячно получали зарплату, с некоторыми перерывами и перебоями получала, по болезни, пенсию и Ахматова, правда, половину тут же отправляла в Бежецк – сыну и свекрови, а вторую делила между своей матерью и собакой Тапом, – Шилейко таки бросил своего пса, иногда давал деньги на прокорм, а иногда и «забывал», что сенбернары тоже «хочут» есть. Оставалась от пенсии сущая мелочь: на папиросы, самые дешевые, и трамвай. Очень часто Анна Андреевна отказывалась и от публичных выступлений, и от приглашений и контрамарок в театр просто потому, что ей нечего было надеть. Однажды она потеряла туфлю от единственной «выходной» пары – выронила из муфты, доставая мелочь, и эта потеря чуть ли не год стала главной причиной ее «затворничества». И тем не менее по сравнению с бездомьем 1917–1922 гг. квартира Пуниных в садовом флигеле Шереметевского дворца была пусть и не совсем своим, но обиталищем. Впрочем, Анна Андреевна никогда не называла его блаженным словом: дома!

Всегда: Фонтанный Дом. Именно так – с большой буквы: Д и Ф.

Она и Пунину никогда на людях не говорила «ты», так же как и он – ей: Вы, Николай Николаевич... Вы, Анна Андреевна... И даже если – Аня, все равно: Вы.

Отчуждение вызывалось, видимо, еще и тем, что Николай Николаевич не признал сына Анны Андреевны ребенком своего дома, а Анна Андреевна из гордости обходила этот крайне болезненный «пункт» их брачного договора молчанием. Считалось, что Леве лучше, а главное, безопаснее жить подальше от столицы. К тому же нельзя же отнять у Анны Ивановны Гумилевой ее единственную, после преждевременной смерти сыновей (Дмитрий умер в сумасшедшем доме спустя год после расстрела Николая) отраду. Однако когда старшая (сводная) сестра Николая Степановича А.С. Сверчкова, жившая с мачехой в Бежецке, из тех же соображений предложила усыновить Льва Гумилева, дескать, и учиться в вузе, и работать под фамилией Сверчков безопаснее, чем под фамилией Гумилев, – Анна Андреевна наотрез отказалась. Пунин же, казалось бы, столь естественного в сложившейся ситуации варианта ей никогда не предлагал, между тем как Ахматова относилась и к его дочери Ирине, а потом к внучке Ане как к своим детям, и это, судя по всему, сильно осложняло отношения: между сыном и матерью – явно, между Ахматовой и Пуниным – тайно... И думается, не случайно окончательный разрыв (сентябрь 1938) между ними произошел сразу после ареста Льва Николаевича в марте 1938 года.

Анна Ахматова. Портрет работы Г. Верейского. 1929 г.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Началось многолетн<ee> пребывание «под крылом у гибели»... Мое имя
вычеркнуто из списка живых до 1939 г...

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»
1925

И неоплаканную тенью буду здесь блуждать в ночи, когда зацветшею сиренью играют
звездные лучи. 1926, Шереметевский сад

В 1925 году в Москве состоялось очередное идеологическое совещание о положении в литературе. На этом совещании творчество Ахматовой подверглось резкому осуждению как несозвучное героической эпохе.

Уже готовый двухтомник издательства Гессена («Петроград») был уничтожен, брань из эпизодической стала планомерной и продуманной... достигая местами 12 баллов, т. е. смертоносного шторма. Переводы (кроме писем Рубенса, 30-й год) мне не давали. Однако моя первая пушкинистская работа («Последняя сказка Пушкина») была напечатана в «Звезде». Запрещение относилось только к стихам. Такова правда без прикрас.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»
* * *

Памяти Сергея Есенина

Так просто можно жизнь покинуть эту, бездумно и безвольно догореть, но не дано
Российскому поэту такую светлой смертью умереть. Всего верней свинец душе
крылатой небесные откроет рубежи, иль хрипый ужас лапою косматой из сердца, как из
губки, выжмет жизнь. 1925 «28.12.25

В 6 часов по телефону от Фромана я узнал, что сегодня ночью повесился С. Есенин... Никаких писем, записок не нашли. Нашли только разорванную на клочки фотографическую карточку его сына. Эрлих сейчас же позвонил Фроману, и тот сразу же явился. Позже об этом узнали и еще несколько человек – Лавренев в том числе – и также пришли туда. Тело Есенина было положено на подводу, покрыто простыней и отправлено в Обуховскую больницу, а вещи опечатаны... Я сейчас же позвонил в несколько мест и сообщил об этом. Позвонил и Н. Тихонову – он уже знал, но не с такими подробностями. Тихонов расстроен, кажется, больше всех. Говорит, что это известие его выбило из колеи совсем...

Хоть я лично знал Есенина только по нескольким встречам (в прошлом году, например, возвращаясь из Михайловки, я оказался в одном вагоне с ним, и мы долго и много говорили – до самой Москвы), но и я очень расстроен. Жаль человека, а еще больше жаль поэта.

Предполагают, что ночью у Есенина случился припадок, и не было около него никого, кто бы мог его удержать, – он был один в номере.

29. 12. 1925

В 9 часов утра меня поднял с постели звонок АА. Она просила меня зайти к ней часа через два, а до этого отправить телеграмму в Бежецк – узнать о здоровье Левы. Расспросила меня подробности о Есенине. Рассказал все, что знал...

Есенин... О нем долго говорили. Анну Андреевну волнует его смерть. «Он страшно жил и страшно умер... Как хрупки эти крестьяне, когда их неудачно коснется цивилизация... Каждый год умирает по поэту... Страшно, когда умирает поэт...» – вот несколько в точности запомнившихся фраз...

Из разговора понятно было, что тягость жизни, ощущаемая всеми и остро давящая культурных людей, нередко их приводит к мысли о самоубийстве. Но чем культурнее человек, тем крепче его дух, тем он выносливее... Я применяю эти слова прежде всего к самой АА. А вот такие, как Есенин, – слабее духом. Они не выдерживают.

А Есенина она не любила, ни как поэта, ни, конечно, как человека. Но он поэт и человек, и это много. И когда он умирает – страшно. А когда умирает такой смертью – еще страшнее. И АА вспомнила его строки:

Я в этот мир пришел, чтобы скорей его покинуть... (цитирую на память и, может быть, неверно.)»

Павел Лукницкий, Из книги «Встречи с Анной Ахматовой»

* * *

И клялись они Серпом и Молотом [32] Перед твоим страдальческим концом: «За предательство мы платим золотом, а за песни платим мы свинцом». <Ноябрь 1926>

* * *

О, знала ль я, когда в одежде белой входила Муза в тесный мой приют, что к лире, навсегда окаменелой, мои живые руки припадут. О, знала ль я, когда неслась, играя, моей любви последняя гроза, что лучшему из юношей, рыдая, закрою я орлиные глаза. О, знала ль я, когда, томясь успехом, я искашала дивную судьбу, что скоро люди беспощадным смехом ответят на предсмертную мольбу. 30 мая 1927

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

КАВКАЗСКОЕ

Здесь Пушкина изгнание началось И Лермонтова кончилось изгнание. Здесь горных трав легко благоуханье, И только раз мне видеть удалось озера, в густой тени чинары, В тот предвечерний и жестокий час – сияние неутоленных глаз Бессмертного любовника Тамары. Июль 1927, Кисловодск

* * *

Ты прости мне, что я плохо правлю, Плохо правлю, да светло живу, Память в песнях о себе оставляю, И тебе приснилась наяву. Ты прости, меня еще не зная, Что навеки с именем моим, Как с огнем веселым едкий дым, Сочеталась клевета глухая [33] .23 августа 1927?

* * *

Если плещется лунная жуть, Город весь в ядовитом растворе. Без малейшей надежды заснуть Вижу я сквозь зеленую муть И не детство мое, и не море, И не бабочек брачный полет над грядой белоснежных нарциссов в тот какой-то шестнадцатый год... А застывший навек хоровод над могилами твоих кипарисов. 1 октября 1928, Ленинград ЭПИГРАММА

Здесь девушки прекраснейшие спорят За честь достаться в жены палачам. Здесь праведных пытаются по ночами голодом неукротимых морят. 1928 Петербург я начинаю помнить очень рано – в девяностых годах... Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, коночный, грохочущий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, которые безжалостно скрывали архитектуру домов. Воспринимался он особенно свежо и остро после тихого и благоуханного Царского Села.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Тот город, мной любимый с детства, В его декабрьской тишине Моим промотанным наследством Сегодня оказался мне. Все, что само давалось в руки, Что было так легко отдать: Душевный жар, молений звуки И первой песни благодать – Все унеслось прозрачным дымом, Истлело в глубине зеркал... И вот уж о невозвратимом Скрипач безносый заиграл. Но с любопытством иностранки, Плененной каждой новизной, Глядела я, как мчатся санки, И слушала язык родной. И дикой свежестью и силой Мне счастье веяло в лицо, Как будто друг от века милый Всходил со мною на крыльцо. 1929, Царское Село

* * *

О. Мандельштаму

Нет, гуртом гонимым по Ленинке За Кремлевским поводырем Не брести нам, грешным, вдвоем. Мы с тобой, конечно, пойдем, По Таганцевке, по Есенинке [34] Иль большим Маяковским путем... 1930-е годы

ДВУСТИШИЕ

От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала. Весна 1931

* * *

Привольем пахнет дикий мед, Пыль – солнечным лучом, Фиалкою – девичий рот, А золото – ничем. Водой пахнет резеда и яблоком – любовь, Но мы узнали навсегда, Что кровью пахнет только кровь... И напрасно наместник Рима Мыл руки перед всем народом Под зловещие крики черни; И шотландская королева Напрасно с узких ладоней Стирала красные брызги в душном мраке царского дома... 1934, Ленинград

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал – то твое.

Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю, Из-под какого я кричу обвала, Как в негашеной извести горю Под сводами зловонного подвала. Пусть назовут безмолвной зимой И вечные навек захлопнут двери, И все-таки узнают голос мой И все-таки ему опять поверят. 1930-е годы

* * *

Все ушли, и никто не вернулся, Только, верный обету любви, Мой последний, лишь ты оглянулся, Чтоб увидеть все небо в крови. Дом был проклят, и проклято дело, Тщетно песня звенела нежней, И глаза я поднять не посмела Перед страшной судьбой моей. Осквернили пречистое слово, Растоптали священный глагол, Чтоб с сиделками тридцать седьмого Мыла я окровавленный пол. Разлучили с единственным сыном, В казематах пытали друзей, Окружили невидимым тыном Крепко слаженной слежки своей. Наградили меня немотью, На весь мир окаянно кляня, Окормили меня клеветой, Опойли отравой меня, до самого края доведши, Почему-то оставили там. Любо мне, городской сумасшедшей, По предсмертным бродить площадям. 1930-е годы «Анна Андреевна приехала. Она остановилась у С.А. Толстой-Есениной... Я ее пошла провожать от Мандельштамов. Мы зашли в дом, остались одни в комнате, отведенной Анне Андреевне. Она прилегла на диван, потом сама предложила мне написать какие-нибудь свои стихи (в первый раз за все время нашего знакомства). „Ну, что вы хотите?“ Я попросила „Музу“, „Если плещется лунная жуть...“ и „От тебя

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
я сердце скрыла...“ Она вырвала лист из альбома и на трех его страницах написала
карандашом эти три стихотворения, пометив „Переписано 19 июля 1937 года.
Москва“.

«А на четвертой странице я напишу вам вот что», – предложила она. Это было
«Заклинание». Я не знала этого стихотворения. Она поставила дату «15 апреля 1936
года» и объяснила: «Это пятидесятилетие Гумилева».

Эмма Герштейн, Из воспоминаний
ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,Из заохтенских болот,Путем нехоженым,Лугом некошеным,Сквозь
ночной кордон,Под пасхальный звон,Незванный,Несуженый, –Приди ко мне ужинать.15
апреля 1936

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,За злую жизнь мою,За одиночество вдвоем за тебя я пью,
–За ложь меня предавших губ,За мертвый холод глаз,За то, что мир жесток и
груб,За то, что Бог не спас.27 июня 1934, Шереметевский Дом

МЫ НИ ЕДИНОГО УДАРА НЕ ОТКЛОНИЛИ ОТ СЕБЯ

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.Я бы так не могла, а то, что
случилось,Пусть черные сукна покроют,И пусть унесут фонари...Ночь.15 марта 53
...Вокруг бушует первый слой рев<lt;олюционной>> молодежи, «с законной
гордостью» ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает
гибнуть Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего,
что он сделал (поэмы), Пастернак, умирает уже забытый Сологуб (1927 г.), уезжают
Марина и Ходасевич. Так проходит десять лет. И принявшая опыт этих лет – страха,
скуки, пустоты, смертного одиночества – в 1936 я снова начинаю писать, но почерк
у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы
такого Пегаса, кот<lt;орый>> чем-то напоминает апокалипсического Бледного Коня
или Черного Коня из тогда еще не рожденных стихов...

Возврата к первой манере не может быть. Что лучше, что хуже – судить не мне.
1940 – апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь
и задыхаясь: разные и иногда, наверно, плохие.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Зачем вы отравили водуи с грязью мой смешали хлеб?Зачем последнюю свободуВы
превращаете в вертеп?За то, что я не издеваласьНад горькой гибелью друзей?За то,
что я верна осталасьПечальной родине моей?Пусть так. Без палача и плахиПоэту на
земле не быть.Нам покаянные рубахи,Нам со свечой идти и выть.1935С этого
стихотворения в творчестве Ахматовой начинается новая суровая эпоха: каждая
строка – вызов року и приговор палачам.

* * *

За такую скоморошину,Откровенно говоря,Мне свинцовую горошинуждать бы от
секретаря.1937Каждое стихотворение заучивается наизусть, прячется в подвал
памяти, а рукописи сжигаются, ведь за каждую, если она станет известна
«секретарю», то есть Генеральному секретарю ВКП(б) Иосифу Сталину, автору
антисоветских стихов угрожает расстрел («свинцовая горошина»). И тем не менее
молчать – молча «выть»! – Анна Ахматова больше не может.

(ИЗ ЗАБЫТОГО)

Ах! – где те острова,Где растет трын-траваГусто...Где Ягода-злодейНе гоняет людейК
стенкеИ Алёшка ТолстойНе снимает густойПенки.1930-е годы

Лев Николаевич Гумилев

Впервые Льва Гумилева взяли в 33-м. Но сразу же выпустили. Анна Андреевна на
радостях даже позволила себе поездку в Москву. К Осипу Мандельштаму и его жене
Надежде Яковлевне на новоселье и словно бы принесла в этот дом беду: в ночь ее
приезда в Москву О.Э. Мандельштама арестовали. Позднее Анна Ахматова скажет об
этом своем свойстве так: «А я иду – за мной беда...»

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

13 мая 1934 года... после града телеграмм и телефонных звонков, я приехала к Мандельштамам из Ленинграда... Мы все были тогда такими бедными, что, для того чтобы купить билет обратно, я взяла с собой... статуэтку (работы Данько, мой портрет 1924 г.) для продажи. <...> Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной у Кирсанова играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Волка» [35] и показал О. Э. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увезли в семь утра. Было совсем светло...

Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш...

Женщин приходило много. Мне запомнилось, что они были красивые и очень нарядные, в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут [36], красавица, «пленная турчанка», как мы ее прозвали, – жена Зенкевича; ясноокая, стройная и необыкновенно спокойная Нина Ольшевская [37]. А мы с Надей сидели в мятых вязанках, желтые и одеревеневшие...

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже... Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появилось в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

И в голосе моем после удушьяЗвучит земля – последнее оружие.Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». Вот его конец:

А в комнате опального поэтаДежурят страх и муза в свой черед,И ночь идет,Которая не ведает рассвета.Анна Ахматова, Из воспоминаний об Осипе Мандельштаме («Листки из дневника»)

Анна Ахматова. Наталия Данько. Статуэтка, фарфор. (Раскраска Елены Данько). 1923 г.

Эту статуэтку Ахматова продала, чтобы купить билет до Воронежа, куда был сослан Мандельштам.

ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.Как под стеклом деревья, стены, снег.По хрусталим я прохожу несмело.Узорных санок так неверен бег.А над Петром воронежским – вороны,Да тополя, и свод светло-зеленый,Размытый, мутный, в солнечной пыли,И Куликовской битвой веют склоныМогучей, победительной земли.И тополя, как сдвинутые чаши,Над нами сразу зазвенят сильнее,Как будто пьют за ликование нашена брачном пире тысячи гостей.А в комнате опального поэтаДежурят страх и Муза в свой черед.И ночь идет,Которая не ведает рассвета.4 марта 1936 БОРИС ПАСТЕРНАК

(Поэт)

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,Косится, смотрит, видит, узнает,И вот уже расплавленным алмазомСияют лужи, изнывает лед.В лиловой мгле покоятся задворки,Платформы, бревна, листья, облака.Свист паровоза, хруст арбузной корки,В душистой лайке робкая рука.Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоеми вдруг притихнет – это значит, онПугливо пробирается по хвоем,Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.И это значит, он считает зернав пустых колосьях, это значит, онК плите дарьяльской, проклятой и черной,Опять пришел с каких-то похорон.И снова жжет московская истома,Звенит вдали смертельный бубенец...Кто заблудился в двух шагах от дома,Где снег по пояс и всему конец?За то, что дым сравнил с лаокооном,Кладбищенский воспел чертополох,За то, что мир наполнил новым звономВ пространстве новом отраженных строф, –Он награжден каким-то вечным детством,Той щедростью и зоркостью светил,И вся земля была его наследством,А он ее со всеми разделил.Январь 1936, Ленинград

* * *

Не прислал ли лебеда за мною,Или лодку, или черный плот? –Он в шестнадцатом году весноюОбещал, что скоро сам придет.Он в шестнадцатом году весноюГоворил, что птицей прилечучесть через мрак и смерть к его покою,Прикоснусь крылом к его плечу.Мне его еще смеются очии теперь, шестнадцатой весной.Что мне делать! Ангел полуночиДо зари беседует со мной.Февраль 1936, Москва (Нащокинский) у Ардовых [38]

ДАНТЕ

Il mio bel san Giovanni.Dante [39] Он и после смерти не вернулсяВ старую флоренцию свою.Этот, уходя, не оглянулся,Этому я эту песнь пою.Факел, ночь,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
последнее объятие, За порогом дикий вопль судьбы. Он из ада ей послал проклятье и в
раю не мог ее забыть, – Но босой, в рубахе покаянной, Со свечой зажженной не
прошел По своей Флоренции желанной, Вероломной, низкой, долгожданной... 17 августа
1936 Разлив

Флоренция. Открытка из альбома Блока

Боттичелли. Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте

* * *

От тебя я сердце скрыла, Словно бросила в Неву... Прирученной и бескрылой в дому
твоим живу. Только... ночью слышу скрипы. Что там – в сумраках чужих? Шереметевские
липы... Переключка домовых... Осторожно подступает, Как журчание воды, К уху жарко
приникает Черный шепоток беды – и бормочет, словно дело Ей всю ночь возиться
тут: «Ты уют захотела, Знаешь, где он – твой уют?» 30 октября 1936, Ночь

* * *

Одни глядятся в ласковые взоры, Другие пьют до солнечных лучей, А я всю ночь веду
переговоры С неукротимой совестью своей. Я говорю: «Твое несу я бремя, Тяжелое, ты
знаешь, сколько лет». Но для нея не существует время, И для нея пространства в
мире нет. И снова черный масляничный вечер, Зловещий парк, неспешный бег коня. И
полный счастья и веселья ветер, С небесных круч слетевший на меня. Но зоркий надо
мною и двурогий Стоит свидетель. О! туда, туда, туда по Подкапризовой дороге [40]
, Где лебеди и мертвая вода. 3 ноября 1936

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома; В ушах не умолкает бой часов; Вдали раскат стихающего
грома. Незнанных и пленных голосов Мне чудятся и жалобы и стоны, Сужается какой-то
тайный круг, Но в этой бездне шепотов и звонов Встает один, все победивший
звук. Так вокруг него непоправимо тихо, что слышно, как в лесу растет трава, Как по
земле идет с котомкой лихо... Но вот уже послышались слова! Легких рифм сигнальные
звоночки, – Тогда я начинаю понимать, И просто продиктованные строчки ложатся в
белоснежную тетрадь. 5 ноября 1936, Фонтанный Дом

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

О. Мандельштаму >

Не столицей европейской С первым призом за красоту – Душной ссылкой
енисейской, Пересадкою на Читу, На Ишим, на Иргиз безводный, На прославленный
Атбасар, Пересылкою в лагерь Свободный, В трупный сумрак прогнивших нар,
– Показался мне город этот Этой полночью голубой, Он, воспетый первым поэтом, Нами,
грешными, – и тобой. 1937

* * *

... Я знаю, с места не сдвинуться От тяжести Виевых век. О, если бы вдруг откинуться в
какой-то семнадцатый век. С душистою веткой березовой Под Троицу в церкви стоять, С
боярынею Морозовой Сладкий медок попивать, А после на дровнях в сумерки В навозном
снегу тонуть... Какой сумасшедший Суриков Мой последний напишет путь? 1937 После
ареста Мандельштама Ахматова поняла: и ее семья чаша сия не минует. Передышка
длилась чуть больше года: Николая Пунина и Льва Гумилева «увели» в октябре 1935
года, Ахматова, не помня себя, кинулась в Москву – хлопотать за мужа и сына. И
случилось чудо: их выпустили! Оставили на свободе. Пунина до августа 1949-го, а
Льва Николаевича до марта 1938-го. Ахматова вновь, как и в 1935-м, стала обивать
пороги властных структур. Тщетно: 26 июля 1939 года Лев Николаевич Гумилев
решением Особого совещания при НКВД СССР осужден на пять лет ИТЛ
(исправительно-трудовых лагерей).

В 1916 году Марина Цветаева прислала из Москвы в Петербург «страшный подарок» –
обращенные к четырехлетнему Левушке стихи. Не стихи, а пророчество. Предсказание
судьбы:

* * *

Имя ребенка – Лев, Матери – Анна. В имени его – гнев, В материнском – тишь. Волосом
он рыж – Голова тюльпана! – Что ж, осанна! – Маленькому царю. Дай ему Бог – вздох и
улыбку матери. Взгляд – искателя жемчугов. Бог, внимательнее За ним
присматривай: Царский сын – гадательней Остальных сынов. Рыжий львеныш С глазами
зелеными, Страшное наследие тебе нести! И вот пророчество сбывалось: родословная

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
«Гумильвенка» и впрямь оказалась «страшным наследием».
«...10 марта 1938 года последовал новый арест... Тут уже начались пытки... Я просидел под следствием в Ленинграде во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной и в крестах 18 месяцев. Отсюда меня отправили на Беломорканал с десятилетним приговором. Вскоре меня везли обратно в Ленинград, так как этот приговор был отменен и статья была заменена на более строгую... – террористическая деятельность. Меня таким образом возвращали на расстрел. Но пока меня возили туда-сюда, из органов убрали Ежова. В следствии многое переменялось. Бить перестали... Вскоре мне принесли бумажку – приговор: 5 лет».
Лев Гумилев, Из интервью для журнала «Звезда»

Лев Гумилев. Начало 1930-х гг.
Как ни велико было страдание, но после Приговора Анна Андреевна перевела дух: она боялась страшного эвфемизма: «Без права переписки...», то есть расстрела. Пять лет каторги в условиях 1939-го (после гибели ближайших друзей – Осипа Мандельштама, Бориса Пильняка, Всеволода Мейерхольда) казались чуть ли не милостью Божией. И опять пошли стихи.

* * *

Б. Пильняку

Все это разгадаешь ты один...Когда бессонный мрак вокруг клокочет, Тот солнечный, тот ландышевый клин врывается во тьму декабрьской ночи. И по тропинке я к тебе иду, И ты смеешься беззаботным смехом, Но хвойный лес и камыши в пруду Ответствуют каким-то странным эхом... О, если этим мертвого бужу, Прости меня, я не могу иначе: Я о тебе, как о своем, тужу И каждому завидую, кто плачет, Кто может плакать в этот страшный час О тех, кто там лежит на дне оврага... Но выкипела, не дойдя до глаз, Глаза мои не освежила влага. 1938, Фонтанный Дом., Ночь
ПОДРАЖАНИЕ АРМЯНСКОМУ
Я приснюсь тебе черной овцою На нетвердых, сухих ногах, Подойду, заблею, завою: «Сладко ль ужинал, падишах? Ты Вселенную держишь, как бусу, Светлой волей Аллаха храним... И пришелся ль сынок мой по вкусу И тебе и деткам твоим?» 1939
В середине тридцатых годов в жизни Ахматовой возник новый и, как ей казалось, очень серьезный поклонник. Врач-патологоанатом Владимир Гаршин. Владимир Георгиевич был женат, много работал, и тем не менее, в отличие от Гумилева, никогда не говорил Анне Андреевне, что ему с ней «возиться не в пору».

* * *

В. Г. Гаршину

Соседка из жалости – два квартала, Старухи, как водится, – до ворот, А тот, чью руку я держала, До самой ямы со мной пойдет. И станет над ней один на свете, Над рыхлой, черной, родной землей И позовет, но уже не ответит Ему, как прежде, голос мой. 15 августа 1940
Появление Гаршина ускорило разрыв с Пуниным.

* * *

Не недели, не месяцы – годы Расставались. И вот наконец Холодок настоящей свободы И седой над висками венец. Больше нет ни измен, ни предательств, И до света не слушаешь ты, Как струится поток доказательств Несравненной моей правоты. 7 ноября 1940

* * *

Годовщину последнюю праздную – Ты пойми, что сегодня точь-в-точь Нашей первой зимы – той, алмазной – Повторяется снежная ночь. Пар валит из-под царских конюшен, Погружается Мойка во тьму, Свет луны как нарочно притушен, И куда мы идем – не пойму. Меж гробницами внука и деда Заблудился взъерошенный сад. Из тюремного вынырнув бреда, Фонари погребально горят. В грозных айсбергах Марсово поле, И Лебяжья лежит в хрусталях... Чья с моею сравняется доля, Если в сердце веселье и страх. И трепещет, как дивная птица, Голос твой у меня над плечом. И внезапным согретью лучом, Снежный прах так тепло серебрится. Март 1939
Поскольку произведения Ахматовой в нашем сборнике печатаются в общепринятом хронологическом порядке, мы и данное стихотворение публикуем в той редакции и с той датировкой, которая на сегодняшний день считается канонической. Между тем есть основание предполагать, что первый вариант этого, посвященного Владимиру Гаршину шедевра написан еще в 1938-м, до 10 марта. В этот день, как известно, был вторично арестован сын Анны Андреевны Лев Гумилев, и ей надолго, до относительно благополучного (пять лет лагерей) Приговора, стало не до стихов. Не говоря уж о годовщинах любовных встреч, что последних, что веселых. (В версии

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
1938 года первая строка выглядела так: «Годовщину веселую праздную...»). До ареста сына нечаянная встреча с Гаршиным в феврале 1937 года, в дни печального пушкинского юбилея и впрямь казалась подарком судьбы. Той алмазной зимой Анна Андреевна с обострением базедовой болезни лежала в Мариинской больнице, где Гаршин подрабатывал. Узнав, что приятель – лечащий врач знаменитой поэтессы, а главное, первой жены Николая Гумилева, которого Гаршин считал великим поэтом, Владимир Георгиевич напросился на знакомство с интересной больной. И судя по реалиям, даже спроектировал «побег» из лечебницы на несколько прогулочных часов, что, впрочем, ему было совсем не трудно сделать. Во-первых, для ночной прогулки – от Конюшенной площади к Мойке – имелся замечательный предлог: Пушкинские дни. (Пушкина, напоминая, в Конюшенной церкви наскоро отпели и отправили – мертвого – во вторую Михайловскую ссылку). Во-вторых, Гаршин, человек неотразимого мужского обаяния «в остром обществе дамском», тем паче среди «медичек», несмотря на свои 50, был прямо-таки обречен на успех. Одна из его бывших студенток вспоминает: когда профессор подымался на кафедру Первого Ленинградского меда и молодым движением откидывал назад густые, без единой сединки, каштановые волосы, женская половина аудитории замирала... Особенно гипнотически действовал гаршинский голос, что, как видим, отмечает и Ахматова: «И трепещет, как дивная птица, голос твой у меня над плечом».

В. Г. Гаршин. Конец 1930-х гг.

Больница им. Куйбышева (Мариинская). Литейный пр., д. 56. Приемный покой. 1930-е гг.

Встреча с Гаршиным преобразила Ахматову. К весне от зимней немочи и следа не осталась. Жена одного из их общих знакомых сохранила в своем дневнике такой эпизод:

«В прошлом году (запись сделана летом 1938 года. – А. М.) Анна Андреевна меня спрашивала:

– Как вы ощущаете весну?

– Никак.

– А я ее и вижу, и чувствую. Мне хорошо.

И когда однажды они вдвоем с Вл. Георг. Гаршиным пришли к нам под дождем, оба насквозь промокшие, но веселые и ребячески шаловливые, и Анна Андреевна переоделась в мою юбку и кофточку цвета палевой розы и сразу стала вдруг молодой и похорошевшей, а Вл. Георг. смотрел на нее добрым, смеющимся, почти счастливым взглядом, – я поняла тогда, как, и почему, и с кем она чувствует, слышит и видит весну».

* * *

С Новым годом! С новым горем! Вот он пляшет, озорник, Над Балтийским дымным морем, Кривоног, горбат и дик. И какой он жребий вынул Тем, кого застенок минул? Вышли в поле умирать. Им светите, звезды неба! Им уже земного неба, Глаз любимых не видать. 13 января 1940

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти... Хлебниковно сущий вздор, что я живу грустят что меня воспоминанье точит. Не часто я у памяти в гостях, Да и она меня всегда морочит. Когда спускаюсь с фонарем в подвал, Мне кажется – опять глухой обвал За мной по узкой лестнице грохочет. Чадит фонарь, вернуться не могу, А знаю, что иду туда, к врагу. И я прошу как милости... Но там Темно и тихо. Мой окончен праздник! Уж тридцать лет, как проводили дам, От старости скончался тот проказник... Я опоздала. Экая беда! Нельзя мне показаться никуда. Но я касаюсь живописи стены у камина греюсь. Что за чудо! Сквозь эту плесень, этот чад и тлен Сверкнули два живые изумруда. И кот мяукнул. Ну, идем домой! Но где мой дом и где рассудок мой? 18 января 1940

ИВА

И дряхлый пук дерев. Пушкина я росла в узорной тишине, В прохладной детской молодого века, И не был мил мне голос человека, А голос ветра был понятен мне. Я лопухи любила и крапиву, Но больше всех серебряную иву. И, благодарная, она жила Со мной всю жизнь, плакучими ветвями Бессонницу овеивала снами. И – странно! – я ее

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
пережила. Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.
18 января 1940, Ленинград
* * *

Мне ни к чему одические ратии
Прелесть элегических затей,
По мне, в стихах все быть должно
некстати, не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, не ведая стыда,
как желтый одуванчик у забора,
как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен,
нежен, на радость вам и мне.
21 января 1940

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Пушкину уже целовала
Антония мертвые губы,
уже на коленях пред Августом
слезы лила... И предали слуги.
Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя
стелется мгла. И входит последний
плененный ее красотою,
высокий и статный, и шепчет
в смятении он: «Тебя – как рабыню...
в триумфе пошлет пред собою...»
Но шея лебяжьей все так же спокоен
наклон. А завтра детей закуют.
О, как мало осталось ей дела на свете –
еще с мужиком пошутить
черную змейку, как будто прощальную
жалость, на смуглую грудь
равнодушной рукой положить.
7 февраля 1940, Ленинград, Фонтанный Дом
МАЯКОВСКИЙ в 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
но, быть может, я сегодня
вправе вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
новые роились голоса...
не ленились молодые руки,
грозовые ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
не таким, как было до тех пор,
то, что разрушал ты, – разрушалось,
в каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
с нетерпением торопил судьбу,
знал, что скоро выйдешь весел,
воленна свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
слышался, когда ты нам читал,
дождь косил свои глаза гневливо,
с городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
молнией влетело в душный зал,
чтобы ныне, всей страной хранимо,
зазвучать, как боевой сигнал.
3–10 марта 1940

* * *

Уложила сыночка кудрявого
и пошла на озеро по воду,
песни пела, была веселая,
зачерпнула воды и слушаю:
мне знакомый голос прислышался,
колокольный звон из-под синих волн,
так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
а меньшие с башни Благовещенской,
говорят они грозным голосом:
– Ах, одна ты ушла от приступа,
стона нашего ты не слышала,
нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая
за тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась?
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
и фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
и сестру – голубицу-схимницу,
своего печалишь ребеночка?...
– Как последнее слово услышала,
света я пред собою невзвидела,
оглянулась, а дом в огне горит.
13–14 марта 1940. Ночь

* * *

Так отлетают темные души... – Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашел ты нечаянно, ненароком – ты никаким ведь не связан сроком,
побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше? Первое утро в Варшаве...
кто ты? Ты уж другой или третий? – «Сотый!» – А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде, что ты вернешься, и вот – не рада.
Мне ничего на земле не надо, ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый: и троя не пала, и жив Эбани,
и все потонуло в душистом тумане. Я б задремала под ивой зеленой,
да нет мне покоя от этого звона. Что он? – то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада. Или идет священник с дарами?
А звезды на небе, а ночь над горами... Или сзывают народ на вече? – «Нет, это твой последний вечер!»
11–20 марта 1940, 7 ноября 1940

М. И. Цветаева 1911 г.

Неизгладимое впечатление произвела Ахматова на молодую Цветаеву. Марина Ивановна буквально засыпала Анну Андреевну восторженными стихами, чем, кажется, сильно ее смутила.

На это восторженное признание в любви Анна Ахматова ответила. Но чуть ли не полвека спустя.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Марина Цветаева 1940 г.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – АННЕ АХМАТОВОЙ

Узкий, нерусский стан – Над фолиантами. Шаль из турецких стран Пала, как мантия. Вас передашь одной ломаной линией. Холод – в весельи, зной – в Вашем унынии. Вся Ваша жизнь – озноб. И завершится – чем она? Облачный темный лобюного демона. Каждого из земных Вам заиграть – безделица. И безоружный стих в сердце нам целится. В утренний сонный час, Кажется, четверть пятого, Я полюбила Вас, Анна Ахматова. 11 февраля 1915

Анна Ахматова

ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

Белорученька моя, Чернокнижница...

М. Ц.

Невидимка, двойник, пересмешник... Что ты прячешься в черных кустах? – То забьешься в дырявый скворешник, То мелькнешь на погибших крестах, То кричишь из Маринкиной башни: «Я сегодня вернулась домой, Полюбуйтесь, родимые пашни, Что за это случилось со мной. Поглотила любимых пучиной разграблен родительский дом»... Мы сегодня с тобою, Марина, По столице полночной идем. А за нами таких миллионы, И безмолвнее шествия нет... А вокруг погребальные звоны да московские хриплые стоны. Вьюги, наш заматающей след. 16 марта 1940, 1961, Фонтанный дом – Красная Конница

Г. Адамович. Париж. 1950-е годы

«Меня интересовало отношение Ахматовой к Марине Цветаевой. В далекие петербургские времена она отзывалась о ней холодно, вызвав даже однажды недовольное восклицание Артура Лурье:

– Вы относитесь к Цветаевой так, как Шопен относился к Шуману.

Шуман боготворил Шопена, а тот отделялся вежливыми, уклончивыми замечаниями. Цветаева по отношению к «златоустой Анне всея Руси» была Шуманом. Когда-то Ахматова с удивлением показывала письмо ее из Москвы, еще до личной встречи. Цветаева восхищалась только что прочитанной ею ахматовской «Колыбельной» – «Далеко в лесу огромном...» – и утверждала, что за одну строчку этого стихотворения – «Я дурная мать» – готова отдать все, что до сих пор написала и еще когда-нибудь напишет. Ранние цветаевские стихи, например, цикл о Москве или к Блоку, представлялись мне замечательными, необыкновенно талантливыми. Но Ахматова их не ценила.

Судя по двум строчкам ее стихотворения 1961 года:

Темная, свежая ветвь бузины, Это – письмо от Марины, – я предполагал, что отношение Анны Андреевны к Цветаевой изменилось. Однако Ахматова очень сдержанно сказала: «У нас теперь ею увлекаются, очень ее любят, даже больше, чем Пастернака». Но лично от себя ничего не добавила.

Потом я упомянул об «анжамбеманах», которыми Цветаева злоупотребляла с каждым годом все сильнее, то есть о переносе логического содержания строки в начало строки следующей. «Да, это можно сделать раз, два, – согласилась Ахматова, – но у нее ведь это повсюду, и прием этот теряет всю свою силу».

(Проверяя и пересматривая многолетние свои впечатления, я думаю, что безразличие Ахматовой к стихам Цветаевой было вызвано не только их словесным, формальным складом. Нет, не по душе ей было, вероятно, другое: демонстративная, вызывающая, почти назойливая «поэтичность» цветаевской поэзии, внутренняя бальмонтщина при резких внешних отличиях от Бальмонта, неустрашимая поза при несомненной искренности, постоянный «заскок». Если это так, то не одну Ахматову это отстраняло и не для нее одной это делало не вполне приемлемым творчество Цветаевой, человека, редкостно даровитого и редкостно несчастного».

Георгий Адамович, «Мои встречи с Анной Ахматовой»

* * *

Памяти М.А. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз, Взамен кадильного куренья; Ты так сурово жил и до конца донес великопозное презренье. Ты пил вино, ты, как никто, шутили в душных стенах задыхался, И гостью страшную ты сам к себе впустили с ней наедине остался. И нет тебя, и всё вокруг молчит о скорбной и высокой жизни, Лишь голос мой, как флейта, прозвучит на твоей безмолвной тризне. О, кто подумать мог, что полоумной мне, Мне, плакальщице дней не бывших, Мне, тлеющей на медленном

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
огне, Всех потерявшей, всё забывшей, – Придется поминать того, кто, полный сил, и
светлых замыслов, и воли, как будто бы вчера со мною говорил, Скрывая дрожь
предсмертной боли. Март 1940, Фонтанный дом
СТАНСЫ

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь. Как крестный ход идут часы Страстной
Недели. Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле никто, никто, никто не может мне
помочь? В Кремле не надо жить – Преображенец прав, Там зверства древнего еще кишат
микробы: Бориса дикий страх и всех Иванов злобы, И Самозванца спесь – взамен
народных прав. Апрель 1940, Москва Стихи о стихах Нарбута – продолжение мысленного
общения с «мертвым мужем». Это именно он, Гумилев, в одном из писем 1914 года
настоятельно советовал жене обратить внимание на Нарбута. Однако получилось так,
что с творчеством поэта, рекомендованного ей Николаем Степановичем, Анна
Андреевна всерьез познакомилась только в 1940-м, после гибели (Нарбут расстрелян
в 1938-м), и вновь поразила верному и независимому вкусу Гумилева. А кроме
того, и Нарбут, и его стихи возвращали Ахматову в киевскую юность, где были и
донник, и черниговская луна: село Никольская слободка, в котором Анна и Николай
венчались в апреле 1910-го, хотя и стояло неподалеку от Киева, относилось уже к
Черниговской губернии. И думается, не случайно посвященные Нарбуту стихи
датированы апрелем.

Владимир Нарбут. 1910-е годы

ПРО СТИХИ НАРБУТА
Н. Х<арджиеву>

Это – выжимки бессонниц, Это – свеч кривых нагар, Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар... Это – теплый подоконник Под черниговской луной, Это – пчелы, это –
донник, Это – пыль, и мрак, и зной. Апрель 1940, Москва
ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

* * *

Мои молодые руки Тот договор подписали Среди цветочных киосков и граммофонного
треска, Под взглядом косым и пьяным Газовых фонарей. И старше была я века Ровно на
десять лет. А на закат наложен был белый траур черемух, что осыпался
мелким, Душистым, сухим дождем... И облака сквозили Кровавой цусимской пеной, И плавно
ландо катили Тeperешних мертвецов... А нам бы тогдашний вечер Показался бы
маскарадом, Показался бы карнавалом, Феерией grand-gala [41] ...От дома того – ни
щепки, Та вырублена аллея, Давно опочили в музее Те шляпы и башмачки. Кто знает, как
пусто небо На месте упавшей башни, Кто знает, как тихо в доме, Куда не вернулся
сын. Ты неотступен, как совесть, Как воздух, всегда со мною, Зачем же зовешь к
ответу? Свидетелей знаю твоих: То Павловского вокзала Раскаленный музыкой куполи
водопад белогривый У Баболовского дворца. 3 мая 1940 – 29 сентября 1940
* * *

В лесу голосуют деревья. Н. З<аболоцкий> и вот, наперекор тому, что смерть
глядит в глаза, – Опять, по слову твоему, Я голосую за: То, чтоб дверь стала
дверь, Замок опять замком, Чтоб сердцем стал угрюмый зверь В груди... А дело в
том, что суждено нам всем узнать, что значит третий год не спать, что значит утром
узнавать о тех, кто в ночь погиб. 20 мая 1940
* * *

Когда человек умирает, Изменяются его портреты. По-другому глаза глядят, и
губы улыбаются другой улыбкой. Я заметила это, вернувшись с похорон одного поэта. И
с тех пор проверяла часто, и моя догадка подтвердилась. 1940, Ленинград
НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени в тот час, как рушатся миры, Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары, чтоб та, над временами года, Несокрушима и верна, Души
высокая свобода, что дружбою наречена, – Мне улыбнулась так же кротко, Как тридцать
лет тому назад... И сада Летнего решетки, И оснеженный Ленинград Возникли, словно в
книге этой, Из мглы магических зеркал, И над задумчивою Летой Тростник оживший
завучал. 28–29 мая 1940, Фонтанный дом

АВГУСТ 1940

То град твой, Юлиан! Вяч. Иванов Когда погребают эпоху, Надгробный псалом не
звучит, Крапиве, чертополоху Украсить ее предстоит. И только могильщики
лихоработают. Дело не ждет! И тихо, так, Господи, тихо, что слышно, как время

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru идет. А после она выплывает, как труп на весенней реке, – Но матери сын не узнает, и внук отвернется в тоске. И клонятся головы ниже, как маятник, ходит луна. Так вот – над погибшим Парижем Такая теперь тишина. 5 августа, Шереметевский дом

ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе? О. Мандельштам Всегда нарядней всех, всех розовой и выше, Зачем всплываешь ты со дна погибших лети память хищная передо мной колышет Прозрачный профиль твой за стеклами карет? Как спорили тогда – ты ангел или птица! Соломинкой тебя назвал поэт. Равно на всех сквозь черные ресницы Дарьяльских глаз струился нежный свет. О тень! Прости меня, но ясная погода, флюгер, бессонница и поздняя сирень Тебя – красавицу тринадцатого года – И твой безоблачный и равнодушный день Напомнили... А мне такого рода Воспоминанья не к лицу, о тень! 9 августа 1940. Вечер

Саломея Андроникова Гальперн. Петербургская красавица. Ей посвящено стихотворение О.Э Мандельштама «Соломинка». Портрет Саломеи сделан художником Борисом Григорьевым в Париже в 1921 г.

Анна Ахматова Лето 1936 г.

В трудные годы Анна Ахматова решительно отказывалась от публичных выступлений. Даже в дружеских компаниях держалась отчужденно. Ее внутреннее состояние очень точно передает четверостишие:

И вовсе я не пророчица. Жизнь светла, как горный ручей, А просто мне петь не хочется Под звон тюремных ключей. Именно такой запомнил ее писатель В. Я. Виленкин, в ту пору (1938 г.) работавший литературным секретарем В.И. Качалова (и Качалов, и Виленкин, как и многие актеры МХАТа, были почитателями поэзии Ахматовой):

«Мы были приглашены к известному ленинградскому любителю искусства и коллекционеру И.И. Рыбакову, по профессии юристу, с которым дружили Коровин, Головин, Добужинский и многие другие крупнейшие художники. Жил он с женой и дочерью в огромной квартире на Кутузовской (б. Французской) набережной. Картины встретили нас уже на площадке лестницы. В комнатах они занимали все стены, и чего-чего тут только не было, начиная с живописи XVIII века и кончая „Миром искусства“...»

Мы с Вербицким (артист МХАТа. – А. М.) пришли первыми и рассматривали все эти сокровища, когда в передней раздался звонок...

Ахматова вошла в столовую, и мы встали ей навстречу. Первое, что запомнилось, это ощущение легкости маленькой узкой руки, протянутой явно не для пожатия, но при этом удивительно просто, совсем не по-дамски. Сначала мне померещилось, что она в чем-то очень нарядном, но то, что я было принял за оригинальное выходное платье, оказалось черным шелковым халатом с какими-то вышитыми драконами, и притом очень стареньким – шелк кое-где уже заметно посекеся и пополз.

Анну Андреевну усадили во главе стола, и начался обед, роскошный, с деликатесами и сюрпризами, очевидно, тщательно продуманный во всех деталях. Одна только сервировка чего стоила! Для закусок – тарелки из киевского стариннейшего фаянса, суп разливали не то в «старый севр», не то в «старый сакс». В этом своем странноватом халате Анна Андреевна, по-видимому, чувствовала себя среди нас, парадно-визитных, как в самом элегантном туалете. Больше того, что-то царственное, как бы поверх нас существующее и в то же время лишенное малейшего высокомерия сквозило в каждом ее жесте, в каждом повороте головы... Мы все смотрели на нее в ожидании и надежде, не решаясь ее просить читать, но она тут же сказала сама, как-то полувопросом: «Ну что же, теперь я читаю?»

Она не отодвинулась от обеденного стола, не изменила позы, словом, ничем не обозначила начала. Я только увидел, как кровь прилила у нее к щекам с первой же строчкой: «Я пью за разоренный дом...» Это был «Последний тост», тогда еще нигде не напечатанный. Потом, почти без паузы, она прочитала «От тебя я сердце скрыла, словно бросила в Неву...». И еще одно стихотворение 20-х годов, тогда же затерявшееся, как она сказала, в каком-то журнале, – «Многим»...

Больше она ничего не захотела читать...»

В. Я. Виленкин, Из книги «В сто первом зеркале» Описанный В.Я. Виленкиным обед состоялся в июле 1938 года. В это время сын Анны Андреевны, арестованный еще в марте, находился под следствием, и она часами простаивала в тюремных очередях

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

...В очереди у «Крест»»

Молочница поставила бидон на снег и громко сказала: «Ну! У нас сегодня ночью последнего мужа взяли».

Я стояла в очереди на прокурорской лестнице. С моего места было видно, как мимо длинного зеркала (на верхней площадке) шла очередь женщин. Я видела только чистые профили – ни одна из них не взглянула на себя в зеркало...

Адмирал Чичагов сказал на свиданье с женой: «Ils m'ont battus [42] ».

Во время террора, когда кто-нибудь умирал, дома его считали счастливецом, а об умерших раньше матери, вдовы и дети говорили: «Слава Богу, что его нет».

Посадить кого-нибудь было легче легкого, но это не значило, что вы сами не сядете через 6 недель.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

ЛОНДОНЦАМ

И сделалась война на небе.

Апокалипсис

Двадцать четвертую драму Шекспира пишет время бесстрастной рукой. Сами участники грозного пира, Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лири Будем читать над свинцовой рекой; Лучше сегодня голубку Джульетту с пенем и факелом в гроб провожать, Лучше заглядывать в окна к Макбету, Вместе с наемным убийцей дрожать, – Только не эту, не эту, эту уже мы не в силах читать! 29 сентября 1940

* * *

Один идет прямым путем, Другой идет по кругу И ждет возврата в отчий дом, Ждет прежнюю подругу. А я иду – за мной беда, Не прямо и не косо, А в никуда и в никогда, Как поезда с откоса. 1940

* * *

Уж я ль не знала бессонницы Все пропасти и тропы, Но эта – как топот конницы Под вой одичалой трубы. Вхожу в дома опустелые, В недавний чей-то уют. Всё тихо, лишь тени белые в чужих зеркалах плывут. И что там в тумане – Дания, Нормандия, или тут Сама я бывала ранее, И это – переиздание Навек забытых минут? 1940

* * *

Прокаженный молился [43] ...В. Брюсов То, что я делаю, способен делать каждый. Я не тонул во льдах, не изнывал от жажды И с горстью храбрецов не брал финляндский дот, И в бурю не спасал какой-то пароход. Ложиться спать, вставать, съесть обед убогий И даже посидеть на камне у дороги, И даже, повстречав падучую звезду Иль серых облаков знакомую грядку, Им улыбнуться вдруг, поди куда как трудно. Тем более дивлюсь своей судьбине чудной И, привыкая к ней, привыкнуть не могу, Как к неотступному и зоркому врагу... Затем, что из двухсот советских миллионов, живущих в благости отеческих законов, Найдется ль кто-нибудь, кто свой горчайший час На мой бы променял – я спрашиваю вас? А не откинул бы с улыбкою сердитой Мое прозвание как корень ядовитый. О Господи! воззри на легкий подвиг мой И с миром отпусти свершившего домой. Январь 1941, Фонтанный дом

* * *

Совсем не тот таинственный художник, Избороздивший Гофмановы сны, – Из той далекой и чужой весны Мне чудится смиренный подорожник. Он всюду рос, им город зеленел, Он украшал широкие ступени, И с факелом свободных песнопений Психея возвращалась в мой придел. А в глубине четвертого двора Под деревом плясала детвора В восторге от шарманки одноногой, И была жизнь во все колокола... А бешеная кровь меня к тебе вела Сужденной всем, единственной дорогой. 18 января 1941, Ленинград

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА

Cadran solaire [44] на меншиковом доме. Подняв волну, проходит пароход. О, есть ли что на свете мне знакомей, чем шпилей блеск и отблеск этих вод! Как щелочка, чернеет переулок. Садятся воробьи на провода. У наизусть затверженных прогулок Соленый привкус – тоже не беда. 1941

ПТИЦЫ СМЕРТИ В ЗЕНИТЕ СТОЯТ

Анна Ахматова. Рисунок Тышлера. 1943 г. Ташнент

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде.

Анна Ахматова, «Коротко о себе» в блокаде (до 28 сент<ября> 1941) Первый день войны. Первый налет. Щели в саду – Вовка у меня на руках. Литейный вечером. Праздничная толпа. Продают цветы (белые). По улице тянется бесконечная

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
процессия: грузовики и легк<овые> машины. Шоферы без шапок, одеты по-летнему, рядом с каждым – плачущая женщина. Это ленинградский транспорт идет обслуживать финский фронт. Увоз писательских детей. Сбор в... переулке у союза. Страшные глаза неплачущих матерей.

Крупные деньги вывезены из города (ответ в банке).

Моряки с чемоданчиками идут на свои суда. Все писатели уже в военной форме. Похороны «Петра» Раст<релли> и статуй в Летнем <Саду>. Первый пожар. Я – по радио из квартиры М. М. З<ощенко>.

Тревога каждый час. Город «зашивают» – страшные звуки.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Первый налет. Рисунок Вл. П. Муравьева

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, – Пусть боль свою в силу она переплавит. Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит! Июль 1941, Ленинград

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ

В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суе людской Все изменилось вдруг. Но это был не городской, да и не сельский звук. На грома дальнего раскат Он, правда, был похож, как брат, Но в грое влажность есть. Высоких свежих облаков вождение лугов – Веселых ливней весть. А этот был, как пекло, сух, И не хотел смятенный слух. Поверить – потому, как расширился он и рос, как равнодушно гибель несребенку моему. После 4 сентября 1941, Ленинград; январь, Ташкент

* * *

Птицы смерти в зените стоят. Кто идет выручать Ленинград? Не шумите вокруг – он дышит, Он живой еще, он все слышит: Как на влажном балтийском дне Сыновья его стонут во сне, как из недр его вопли: «Хлеба!» – До седьмого доходят неба... Но безжалостна эта твердь. И глядит из всех окон – смерть. 28 сентября 1941, Самолет; Октябрь – ноябрь, Ташкент

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет. Не страшно под пулями мертвыми лечь, Не горько остаться без крова, – И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем, и внукам дадим, и от плена спасем навеки! 23 февраля 1942, Ташкент

NOX

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька! В звездном покрывале, в траурных маках, с бессонной совой. Доченька! Как мы тебя укрывали свежей садовой землей. Пусты теперь Дионисовы чаши, заплаканы взоры любви... Это проходят над городом нашим страшные сестры твои. 30 мая 1942, Ташкент

* * *

Щели в саду вырыты, не горят огни. Питерские сироты, детоньки мои! Под землей не дышится, боль сверлит висок, сквозь бомбежку слышится детский голосок. 18 апреля 1942... И еще один облик Ахматовой – совершенно непохожий на все остальные. Она – в окаймленных стенах коммунальной квартиры, где из-за дверей бесцеремонных соседей не умолкая орет патефон, часами нянчит соседских детей, угощает их лакомствами, читает им разные книжки – старшему Вальтера Скотта, младшему „Сказку о золотом петушке“. У них был сердитый отец, нередко избивавший их под пьяную руку. Услышав их отчаянные крики, Анна Андреевна спешила защитить малышек, и это удавалось ей далеко не всегда.

Уже во время войны до нее дошел слух, что один из ее питомцев погиб в ленинградской блокаде. Она посвятила ему эпитафию, которая начинается такими словами:

Постучись кулачком – я открою. Я тебе открывала всегда. Для него, для этого ребенка, ее дверь была всегда открыта».

Корней Иванович Чуковский, Из воспоминаний об Анне Ахматовой

* * *

Постучись кулачком – я открою. Я тебе открывала всегда. Я теперь за высокой горю, за пустыней, за ветром, за зноем, но тебя не предаю никогда... Твоего я не слышала стона, хлеба ты у меня не просил. Принеси же мне веточку клена или просто

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
травинки зеленых, как ты прошлой весной приносил. Принеси же мне горсточку
чистой, нашей невиской студеной воды, и с головки твоей золотистой кровавые смою
следы. 23 апреля 1942, Ташкент

Анна Ахматова с Валей Смирновым. Ленинград. 1940 г.

В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» После недолгого пребывания в Москве
Ахматова, по распоряжению фадеева, была включена в список писателей,
эвакуируемых в Чистополь; оттуда переехала через Казань в Ташкент вместе с
семьей К.И. Чуковского. Дочь Чуковского Лидия Корнеевна вспоминает:

1941

5 октября 41. Чистополь

Сейчас получила телеграмму от Корнея Ивановича:

«Чистополь выехали Пастернак Федин Анна Андреевна...»

Ахматова в Чистополе! Это так же невообразимо, как Адмиралтейская игла или арка
главного штаба – в Чистополе.

Октябрь 41

Анна Андреевна стояла у ворот с кем-то, кого я не разглядела в темноте. Свет
фонаря упал на ее лицо: оно было отчаянное. Словно она стоит посреди Невского и
не может перейти. В чужой распахнутой шубе, в белом шерстяном платке; судорожно
прижимает к груди узел.

Вот-вот упадет или закричит.

Я выхватила узел, взяла ее за руку и по доске через грязь провела к дому...

21 октября 41

Анна Андреевна расспрашивает меня о Цветаевой.

Я прочла ей то, что записала 4. IX, сразу после известия о самоубийстве.

Сегодня мы шли с Анной Андреевной вдоль Камы, я переводила ее по жердочке через
ту самую лужу-океан, через которую немногим более пятидесяти дней назад помогала
пройти Марине Ивановне, когда вела ее к Шнейдерам.

– Странно очень, – сказала я, – та же река, и лужа, и досточка та же. Два
месяца тому назад на этом самом месте, через эту самую лужу я переводила Марину
Ивановну. И говорили мы о вас. А теперь ее нету и говорим мы с вами о ней. На
том же месте!

Анна Андреевна ничего не ответила, только поглядела на меня со вниманием.

Но я не пересказала ей наш тогдашний разговор. Я высказала Марине Ивановне свою
радость: А. А. не здесь, не в Чистополе, не в этой, утопающей в грязи,
отторгнутой от мира, чужой полутатарской деревне. «Здесь она непременно погибла
бы... Здешний быт убил бы ее... Она ведь ничего не может».

«А вы думаете, я – могу?» – резко перебила меня Марина Ивановна.

28 октября 41

Эшелон Казань – Ташкент.

Анна Андреевна не отходит от окна.

– Я рада, что вижу так много России.

5 ноября 41

Эшелон с немцами Поволжья. Ему негде пристать. Теплушки: двери раздвинуты;
видны дети, женщины, белье на веревках. Говорят, они уже больше месяца в пути и
их никакой город не принимает.

На станциях, на перронах вповалку женщины, дети, узлы. Глаза, глаза...

Как это ни странно, но война пощадила Анну Андреевну. Ее могли «забыть» в
осажденном Ленинграде, где она не выдержала бы и первой блокадной зимы: уже в
сентябре у нее начались дистрофические отеки. Но ее почему-то не забыли, а по
вызову А. фадеева вывезли из города на Неве на почти последнем самолете. Могли
бы отправить и во глубину Сибири, где Анна Андреевна, при ее неумении
«устраиваться» и «качать права», погибла бы от холода, голода и беспросветного
одиночества, как Марина Цветаева в глухой Елабуге. Однако в результате
счастливого для нее стечения обстоятельств, вот уж воистину – Бог уберег!
Ахматова оказалась не где-нибудь, а в Ташкенте. В воспоминаниях одного из ее
собеседников сохранилось описание ее первого, на улице К. Маркса, азиатского
прибежища: «В Ташкенте А. А. жила в крошечной комнатке под железной крышей в
общежитии-казарме. Условия были тяжелыми. Страшно во время землетрясений,
раскачивалась лампочка. Жара. В углу комнаты висели платья».

Конечно, в эвакуации жилось и ей, и большинству рядовых ташкентцев и тесно, и
убого, и впроголодь, однако до смерти здесь все-таки не голодали; к тому же в
столице «солнечного Узбекистана», у Ахматовой впервые за долгие годы

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru затворничества была благодарная и профессиональная аудитория: в Ташкент эвакуировали всю столичную элиту, начиная от Алексея Толстого и Корнея Ивановича Чуковского. В Ташкент же было переведено и издательство «Советский писатель», в котором в 1943 г. у Ахматовой вышла тоненькая книжка стихов. Анна Андреевна, конечно же, верная правилу: никогда ничего не проси, – не обивала, как иные авторы, «ведомственные пороги», издатели сами нашли ее, сразу же после того, как военные стихи Анны Ахматовой стали публиковать большие центральные газеты. Ее «Мужество», напечатанное в «Известиях» (февраль 1942), побило все рекорды популярности. Воюющая Россия, даже новенькие девятнадцатилетние лейтенанты самого последнего советского призыва, без подсказки «младших политруков», отличили ее простые и человеческие стихи от трескучих «казенных гимнов».

Жены преуспевающих деятелей искусств завяли в захолустном Ташкенте от бытовых трудностей, но Анна Андреевна и к существованию на грани нищеты, и к коммунальным «неудобствам» давным-давно привыкла, они ее не пугали. Конечно, при такой скученности и тесноте не обходилось без сплетен, наговоров, мелких предательств, но и этот мусор общежития был для нее не внове. Куда мучительней оказались муки совести: она – вдалеке от страданий и бед, а ее Ленинград вымирает в блокаде! Великим облегчением стала встреча на ташкентском вокзале с семьей Пунина в марте 1942 года: узнав, что ленинградский эшелон (с очередной партией эвакуированных ленинградцев) проследует в Самарканд через Ташкент, Николай Николаевич известил об этом Анну Андреевну. Весточка чудом дошла вовремя, и Анна Андреевна не пропустила транзитный состав. И это тоже был знак надежды. Однако едва она начала оживать, нагрянула новая беда. Началось, в августе (все дурное в ее судьбе начиналось в августе), с затяжного гриппа, а кончилось чуть ли не летально. Четыре месяца – между этим и тем светом! Так тяжело, долго и безнадежно Анна Андреевна еще не болела. Но поднялась и кое-как продержалась зиму. А в марте пришло долгожданное счастливое письмо из Норильска: Левушка сообщал, что срок его заключения кончился. Зная по опыту, как коротки, короче азиатской весны, отпущенные ей промежутки между бедами, Анна Андреевна вновь принялась за «Поэму без героя», пришедшую к ней в последнюю зиму перед войной – 27 декабря 1940 года.

* * *

Какая есть. Желая вам другую. Получше. Больше счастьем не торгую, как шарлатаны и оптовики... Пока вы мирно отдыхали в Сочи, ко мне уже ползли такие ночи, и я такие слушала звонки! Не знатной путешественницей в креслея выслушала каторжные песни, а способом узнала их иным... Над Азией – весенние туманы, и яркие до ужаса тюльпаны. Ковром заткали много сотен миль. О, что мне делать с этой чистотой природы, с неподвижностью святою? О, что мне делать с этими людьми? Мне зрительницей быть не удавалось, и почему-то я всегда вклинялась в запретнейшие зоны естества. Целительница нежного недуга, чужих мужей вернейшая подруга и многих – безутешная вдова. Седой венец достался мне недаром, и щеки, опаленные пожаром, уже людей пугают смуглотой. Но близится конец моей гордыне, как той, другой – страдалице Марине, – придется мне напиться пустотой. И ты придешь под черной епанчой, с зеленоватой страшною свечью, и не откроешь предо мной лица... Но мне недолго мучиться загадкой, – чья там рука под белою перчаткой и кто прислал ночного пришлеца. 24 июня 1942, Ташкент
СМЕРТЬ

1

Я была на краю чего-то, чему верного нет названья... Зазывающая дремота, от себя самой ускользанье... Август 1942

2

А я уже стою на подступах к чему-то, что достается всем, но разную ценой... На этом корабле есть для меня каюта и ветер в парусах – и страшная минута прощания с моей родной страной. Август 1942
В Тифу

Где-то ночка молодая, звездная, морозная... Ой, худая, ой, худая голова тифозная. Про себя воображает, на подушке мечется, знать не знает, знать не знает, что во всем ответчица, что за речкой, что за садом Кляча с гробом тащится. Меня под землю не надо б, я одна – рассказчица. Ноябрь 1942, Ташкент (в тифозном бреде)

* * *

И комната, в которой я болею, в последний раз болею на земле, как будто упирается в аллею высоких белоствольных тополей. А этот первый – этот самый главный, в величии своем самодержавный. Как он заплещет, возликует он, когда, минуя тусклое оконце, моя душа взлетит, чтоб встретить солнце, и смертный уничтожит сон. Январь 1943, Ташкент

Т. А. Луговская. Вид на «балахану». Акварель, гуашь. 1943 г.

В крошечной комнате в доме-казарме на улице Карла Маркса Анна Андреевна и впрямь «болела в последний раз». Летом 1943 года она переехала в писательский «белый дом на улице Жуковской», где до нее жили Елена Сергеевна Булгакова и семья Владимира Луговского. Акварель сестры поэта художницы Татьяны Александровны сохранила для нас вид этого легендарного дома. Отметим новоселье и Анна Ахматова: написала «Еще одно лирическое отступление», где воспела свой новый азийский дом, в который первой и самой желанной гостьей снова явилась «Поэма без героя», а за ней, как за королевой в изгнании, свита лирических отступлений от эпической военной темы:

* * *

Все небо в рыжих голубях, Решетки в окнах – дух гарема... Как почка набухает тема. Мне не уехать без тебя, – Беглянка, беженка, поэма. Но, верно, вспомню на лету, как запылал Ташкент в цвету... Весь белым пламенем объят. Горяч, пахуч, замысловат, Невероятен... И яблони, прости их, Боже, как от венца в любовной дрожи, Арык на местном языке, Сегодня пущенный, лепечет. А я дописываю «Нечет» Опять в предпесенной тоске. До середины мне видна Моя поэма. В ней прохладно, как в доме, где душистый мрак окна заперты от зноя И где пока что нет героя, Но кровлю кровью залил мак... 1943, Ташкент

Елена Сергеевна Булгакова

ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья До меня жила одна: Тень ее еще видна Накануне полнолуния. Тень ее еще стоит у высокого порога, И уклончиво и строго На меня она глядит. Я сама не из таких, Кто чужим подвластен чарам, Я сама... Но, впрочем, даром Тайн не выдаю своих. 5 августа 1943, Ташкент Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – и никогда ничего не знала о прозе. Я или боялась ее – или ненавидела. В приближении к ней чудилось кощунство или обозначало редкое для меня душевное равновесие... В Ташкенте от эвакуационной тоски я написала «Дому было сто лет», там же в тифозном бреду все время слушала, как стучат мои каблуки по Царскосельскому Гостиному Двору – это я иду в гимназию, снег вокруг собора потемнел, кричат вороны, звонят колокола – кого-то хоронят. Он будет в своем гробу ждать погребения под собором (там склеп). – Мне страшно, у меня тиф, я в Ташкенте.

Анна Ахматова, Из «Автобиографической прозы» 8 марта 1964 Москва

...Дому было 100 лет. Он принадлежал похожей на рысь купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной, странными нарядами которой я любовалась в детстве. Стоял этот дом на углу Широкой улицы и Безымянного переулка (2-ой от вокзала). Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный – ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, – думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин – теперь бы это был кадр исторического фильма.

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там. Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года...)

...А иногда по этой самой широкой от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры... «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и все было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме».

И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) всегда казалось, что они были

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru частью каких-то огромных похорон всего девятнадцатого века. Так хоронили в 90-х годах последних младших современников Пушкина. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солнце – было великолепно, оно же при тогдашнем желтом свете и густой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы inferнальным.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Я теперь живу не там...ПушкинРоссия Достоевского. ЛунаПочти на четверть скрыта колокольной. Торгуют кабаки, летят пролетки, Пятиэтажные растут громады В Гороховой, у Знаменья, под Смольным. Везде танцклассы, вывески менял. А рядом: «Henriette», «Bazile», «Andriy» и пышные гроба: «Шумилов-старший». Но, впрочем, город мало изменился. Не я одна, но и другие тоже Заметили, что он подчас умеет Казаться литографией старинной, Не первоклассной, но вполне пристойной Семидесятых, кажется, годов. Особенно зимой, перед рассветом, Иль в сумерки – тогда за воротами Темнеет жесткий и прямой Литейный, Еще не опозоренный модерном, И визави меня живут – Некрасови Салтыков... Обоим по доске Мемориальной. О, как было б страшно видеть эти доски! Прохожу. А в Старой Руссе пышные канавы, И в садиках подгнившие беседки, И стекла окон так черны, как прорубь, И мнится, там такое приключилось, Что лучше не заглядывать, уйдем. Не с каждым местом сговориться можно, Чтобы оно свою открыло тайну (А в Оптиной мне больше не бывать...). Шуршанье юбок, клетчатые пледы, Ореховые рамы у зеркал, Каренинской красю изумленных, И в коридорах узких те обои, Которыми мы любовались в детстве, Под желтой керосиновой лампой, И тот же плюш на креслах... Все различно, наспех, как-нибудь, Отцы и деды непонятны. Земли заложены. И в Бадене – рулетка. И женщина с прозрачными глазами (Такой глубокой синевы, что море Нельзя не вспомнить, поглядевши в них), С редчайшим именем и белой ручкой, И добротой, которую в наследство от нее как будто получила, – Ненужный дар моей жестокой жизни... Страну знобит, а омский каторжанин Все понял и на всем поставил крест. Вот он сейчас перемешает все! Сам над первоизданным беспорядком, Как некий дух, взнесется. Полночь бьет. Перо скрипит, и многие страницы Семеновским припахивают плащом. Так вот когда мы вздумали родиться И, безошибочно отмерив время, Чтоб ничего не пропустить из зрелищ Невиданных, простились с небытьем. Сентябрь 1940 – октябрь 1943 гг., Ленинград – Ташкент

Константин Сомов. Портрет А.С. Пушкина

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава! Какой ценой купил он право, Возможность или благодать Над всем так мудро и лукаво Шутить, таинственно молчать И ногу ножкой называть?... 7 марта 1943, Ташкент После свидания на вокзале в Ташкенте Анна получила от Пунина письмо, оно ее потрясло. Николай Николаевич наконец-то высказал Анне Андреевне все, о чем молчал, думая, что она и так все-все понимает в течение 20 лет.

Н. Н. Пунин – А. А. Ахматовой
«14 апреля 42

Самарканд, больница
Здравствуйте, Аня!

Бесконечно благодарен за Ваше внимание и растроган; и это заслужено. Все еще в больнице не столько потому – что болен, сколько оттого, что здесь лучше, чем на воле... Есть мягкая кровать, и кормят, хотя и неважно, но даром. И спокойно. Я еще не вполне окреп, но все же чувствую себя живым и так радуюсь солнечным дням и тихо развивающейся весне. Смотрю и думаю: я живой. Сознание, что я остался живым, приводит меня в восторженное состояние, и я называю это – чувством счастья. Впрочем, когда я умирал, то есть знал, что я непременно умру – это было на Петровском острове у Голубевых, куда на время переселился, потому что там, как мне казалось, единственная в Ленинграде теплая комната – я тоже чувствовал этот восторг и счастье. Тогда именно я думал о Вас много. Думал, потому что в том напряжении души, которое я тогда испытывал, было нечто – как я уже писал Вам в записочке – похожее на чувство, жившее во мне в 20-х годах, когда я был с Вами. Мне кажется, я в первый раз так всеобъемлюще и широко понял Вас – именно потому, что это было совершенно бескорыстно, так как увидеть Вас когда-нибудь я, конечно, не рассчитывал, это было действительно предсмертное с Вами свидание и

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
прощание. И мне показалось тогда, что нет другого человека, жизнь которого была бы так цельна и потому совершенна как Ваша: от первых детских стихов (перчатка с левой руки) до пророческого бормотания и вместе с тем гула поэмы. Я тогда думал, что эта жизнь цельна не волей – и это мне казалось особенно ценным – а той органичностью, то есть неизбежностью, которая от Вас как будто совсем не зависит. Теперь этого не написать, то есть всего того, что я тогда думал, но многое из того, что я не оправдывал в Вас, встало передо мной не только оправданным, но и, пожалуй, наиболее прекрасным. [...] В Вашей жизни есть крепость, как будто она высечена в камне и одним приемом очень опытной руки. Все это, я помню, наполнило меня тогда радостью и каким-то совсем необычным, не сентиментальным умилением, созерцательным, словно я стоял перед входом в Рай (вообще тогда много было от «Божественной Комедии»). И радовался не столько за Вас, сколько за мироздание, потому что от всего этого я почувствовал, что нет личного бессмертия, а есть бессмертное. Это чувство было особенно сильным. Умирать было не страшно, и я не имел никаких претензий персонально жить или сохраниться после смерти. Почему-то я совсем не был в этом заинтересован; но что есть Бессмертное и я в нем окажусь – это было так прекрасно и так торжественно. Вы казались мне тогда – и сейчас тоже – высшим выражением Бессмертного, какое я только встречал в жизни. В больнице мне довелось перечитать «Бесов». Достоевский, как всегда, мне тяжел и совсем не для меня, но в конце романа как золотая заря, среди страшного и неправдоподобного мрака, такие слова: «Одна уже всегдашняя мысль о том, что существует нечто безмерно справедливейшее и счастливейшее, чем я, уже наполняет и меня всего безмерным умилением – и славой, – о, кто бы я ни был, что бы ни сделал! Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение веровать в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье для всех и для всего...» и т. д. Эти слова – почти совершенное выражение того, что я тогда чувствовал. Именно – «и славой», именно – «спокойное счастье». Вы и были тогда выражением «спокойного счастья славы». Умирая, я к нему приближался. Но я остался жить, я сохранил и само то чувство и память о нем. Я так боюсь его теперь потерять и забыть и делаю усилия, чтобы этого не случилось, чтобы не случилось того, что так много раз случалось со мной в жизни: Вы знаете, как я легкомысленно, не делая никаких усилий, даже скорее с вызовом судьбе, терял лучшее, что она, судьба, мне давала. Солнце, которое я так люблю после ледяного ленинградского ада, поддерживает меня и мне легко беречь перед этой солнечной славой это чувство бессмертного. И я счастлив».

* * *

Как будто страшной песенкиВеселенький припев –Идет по шаткой лесенке,Разлуку одолев,Не я к нему, а он ко мне –И голуби в окне...И двор в плюще, ты в плащеПо слову моему.Не он ко мне, а я к нему –Во тьму,во тьму,во тьму...16 октября 1943, ТашкентАхматова ответила, завязалась переписка, и в августе 1943 года Пунин на несколько дней приехал в Ташкент. Можно предположить, что он хотел наладить прежние отношения, но Анна Андреевна как заведенная твердила, что дала слово Гаршину. Может, и обошлось бы, но, вернувшись в Самарканд, Николай Николаевич застал семейство в панике и горе: Анна Евгеньевна была смертельно больна, а ведь, уезжая, Николай Николаевич оставил жену в добром здравии... Скоропостижная эта смерть вновь развела их: у Пунина – осиротевшие девочки, дочь и внучка, а у Ахматовой – придуманный ею Гаршин.

* * *

В. Г\intаршину\int

Глаз не свожу с горизонта,Где метели пляшут чардаш...Между нами, друг мой, три фронта:Наш и вражеский и снова наш.Я боялась такой разлукиБольше смерти, пожара, тюрьмы.Я молилась, чтоб смертной мукиУдостоились вместе мы.3 июня 1942, Ташкент

ЭТО РЫСЬИ ГЛАЗА ТВОИ, АЗИЯ

Охотник с беркутом. С.А. Чуйков. 1937 г. Холст, масло

* * *

Это рысьи глаза твои, Азия,Что-то высмотрели во мне,Что-то выдразнили подспудноеИ рожденное тишиной,И томительное, и трудное,Как полдневный термезский

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
зной.Словно вся прапамять в сознаниеРаскаленной лавой текла,Словно я свои же
рыданияиз чужих ладоней пила.1945

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невняты улыбки,И тайны в зиме не найду,Но я наблюдала почти
без ошибкиТри осени в каждом году.И первая – праздничный беспорядокВчерашнему
лету назло,И листья летят, словно ключья тетрадок,И запах дымка так
ладанно-сладок,Все влажно, пестро и светло.И первыми в танец вступают
березы,Накинув сквозной убор,Стряхнув второпях мимолетные слезыНа соседку через
забор.Но эта бывает – чуть начата повесть.Секунда, минута – и вотПриходит
вторая, бесстрашна, как совесть,Мрачна, как воздушный налет.Все кажутся сразу
бледнее и старше,Разграблен летний уют,И труб золотых отдаленные маршиВ пахучем
тумане плывут...И в волнах холодных его фимиамаЗакрита высокая твердь,Но ветер
рванул, распахнулось – и прямоВсе стало понятно: кончается драма,И это не
третья осень, а смерть.6 ноября 1943, Ташкент

INTERIEUR

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыниНа краешке окна, и духота кругом,Когда
закрита дверь, и заколдован домВоздушной веткой голубых глициний,И в чашке
глиняной холодная вода,И полотенца снег, и свечка восковаяГорит, как в детстве,
мотыльков сзывая,Грохочет тишина, моих не слыша слов, –Тогда из черноты
рембрандтовских угловСклубится что-то вдруг и спрячется туда же,Но я не
встрепенусь, не испугаюсь даже...Здесь одиночество меня поймало в сети.Хозяйкин
черный кот глядит, как глаз столетий,И в зеркале двойник не хочет мне помочь.Я
буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.28 марта 1944, Ташкент

* * *

De profundis [45] ... Мое поколеньемало меду вкусило. И вотТолько ветер гудит в
отдаленье,Только память о мертвых поет.Наше было не кончено дело,Наши были часы
сочтены,До желанного водораздела,До вершины великой весны,До неистового
цветеньяОставалось лишь раз вздохнуть...Две войны, мое поколенье,Освещали твой
страшный путь.23 марта 1944, Ташкент

Рисунок Вл. П. Муравьева. Иллюстрация к книге Айбека «Детство»

* * *

Теперь я всех благодарю,Рахмат и хайер говорюю вам машу платком.Рахмат, Айбек,
рахмат, Чусты,Рахмат, Тошкент, – прости, прости,Мой тихий древний дом.Рахмат и
звездам и цветам,И маленьким баранчукаму черноколых матерейНа молодых руках...Я
восемьсот волшебных днейПод синей чашею твоей,Ляпислазурной чашейТобой дышала,
жгучий сад...28 сентября 1945, Ленинград

Рисунок Вл. П. Муравьева

* * *

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,Светила нам только зловещая тьма,Свое
бормотали арыки,И Азией пахли гвоздики.И мы проходили сквозь город чужой,Сквозь
дымную песнь и полуночный зной, –Одни под созвездием Змея,Взглянуть друг на
друга не смея.То мог быть Каир или даже Багдад,Но только не призрачный мой
Ленинград,И горькое это несходствоДушило, как запах сиротства.И чудилось: рядом
шагают века,И в бубен незримая била рука,И звуки, как тайные знаки,Пред нами
кружились во мраке.Мы были с тобою в таинственной мгле,Как будто бы шли по
ничейной земле,Но месяц алмазной фелукойВдруг выплыл над встречей-разлукой...И
если вернется та ночь и к тебе,Будь добрым к моей запоздалой мольбе,Пришли наяву
ли, во сне лимне голос азийской свирели.1 декабря 1959, Ленинград, Красная
Конница

Согласно догадке (предположению) Л. К. Чуковской, процитированные стихи посвящены
Юзефу Чапскому, художнику и публицисту, с которым Анна Андреевна познакомилась
во время войны в Ташкенте. Под Ташкентом был расквартирован штаб генерала
Андерса, с которым Сталин ведет хитроумную двойную игру. Чапский, чудом
избежавший судьбы своих соотечественников – 15 тыс. пленных польских офицеров,
расстрелянных войсками НКВД, – официально ведает культурной работой, а
неофициально, по поручению генерала, пытается разыскать (на бесчеловечной земле)
хотя бы их следы.

Авторитет Л. К. Чуковской столь самовластен, что даже К. В. Королева в

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
пространной биографии А. А. Ахматовой (Собрание сочинений в шести томах. М., «Эллис-Лак») не решилась на него «восстать». Единственное, что она себе позволила, это процитировать (петитом, в комментарии, выборочно) следующий документ – письмо Г. Л. Козловской, жены композитора и дирижера Алексея Федоровича Козловского (автора музыки к «Триптиху» и нескольких романсов на стихи Ахматовой), направленное в редакцию «Альманаха поэзии» Центрального телевидения. Правда, цитируя, все-таки подостлала соломки – дескать, стихи (может быть) имеют «как бы двойную адресацию». Галина Козловская вспоминает:
«В один из жарких дней последнего лета Анна Андреевна пришла к нам и собралась уходить уже поздно. У меня на столе стояли белые гвоздики, необычайно сильно и настойчиво-таинственно пахнувшие. Анна Андреевна все время касалась их рукой и порой опускала к ним свое лицо. Когда она уходила, она молча приняла из моих рук цветы с мокрыми стеблями. Как всегда, Алексей Федорович пошел ее провожать. Это было довольно далеко, но все мы тогда проделывали этот путь пешком. Вернулся домой он нескоро и, сев ко мне на постель, сказал: „Ты знаешь, я сегодня, сейчас пережил необыкновенные минуты. Мы сегодня с Анной Андреевной, как оказалось, были влюблены друг в друга, и такое в моей жизни, я знаю, не повторится никогда. Мы шли и подолгу молчали. По обочинам шумела вода, и в одном из садов звучал бубен. Она вдруг стала спрашивать меня о звездах (Алексей Федорович хорошо знал, любил звезды и умел их рассказывать.) Я почему-то много говорил о Кассиопее, а она все подносила к лицу твои гвоздики. От охватившего нас волнения мы избегали смотреть друг на друга и снова умолкали“. Его исповедь я запомнила дословно, со всеми реалиями пути, чувств и шагов. Поняла, что это был как бы акмеизм в тех их отношениях, которые французы называют *quitter amoureuse*... И я, ревнивейшая из ревнивиц, испытала чувство полного понимания и глубокого сердечного умиления... И когда годы спустя Алексей Федорович впервые прочел эти стихи („В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...“ – А. М.), он ошеломленно опустил книгу и только сказал: „Прочти“. Я на всю жизнь запомнила его взгляд и оценила всю высоту и целомудрие этого его запоздалого признания».

А.Ф. КОЗЛОВСКИЙ

Г.Л. Козловская

Нет, нет, я вовсе не утверждаю, что именно А.Ф. Козловский главный герой всей ахматовской лирики начиная с 1941-го по 1965 год, «той странной лирики, где каждый шаг – секрет», но именно его скрытое присутствие в ней и делает ее странной. (Кстати, четверостишие, из которого извлечена сия «великолепная цитата», как и открыто-официально посвященное Козловскому «Явление луны», написано осенью 1944-го, вскоре после возвращения Ахматовой в Ленинград.) И вот что знаменательно: хотя «Явление луны» датировано 25 сентября 1944 года, Анна Андреевна сделала так, что оно явилось в Ташкенте не когда-нибудь, а аккурат 31 декабря, то есть в четвертую годовщину их встречи. В мемуарном очерке Г.Л. Козловской-Герус, опубликованном в многотиражных, еще «совписовских» «Воспоминаниях об Анне Ахматовой» (1989), об этом новогоднем подарке сообщается достаточно пространно, однако в устном варианте, в сборнике «Анна Ахматова в записях В.Д. Дувакина» (М.: 1999) имеется подробность, представляющая мне многозначительной. С последнего военного предновогодья прошло почти тридцать лет, а Алексей Федорович не забыл, что прилетевшая в канун 1945-го открытка со стихами была забрызгана дождем:

«Г.К...когда она уехала, то был Новый год, первый Новый год, на котором она не присутствовала, и я перед Новым годом вышла в прихожую, смотрю – лежит квадратик какой-то: открытка...

А. К. Смоченная дождем.

Г. К. Переворачиваю – и стихи Анны Андреевны, знаете, «Явление луны»...

А. К.

Из перламутра и агата, Из задымленного стекла, Так неожиданно покато и так торжественно плыла, – как будто «Лунная соната» Нам сразу путь пересекла. И так далее, и так далее. Она написала: «Это стихи ташкентские, посылаю их на их родину».

В последнем за 1944 год номере ленинградской «Звезды», кроме «Явления луны»,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru было опубликовано и еще одно ташкентское стихотворение Ахматовой (в дальнейшем оно получило весьма выразительное имя: «Измена»), датированное 22 февраля 1944 года. Однако эти стихи Анна Андреевна на родину не отослала – уж слишком прямо они называли то, что «Явление луны» изящно полускрывало:

Не оттого, что зеркало разбилось, Не оттого, что ветер выл в трубе, Не оттого, что в мысли о тебе уже чужое что-то просочилось, – Не оттого, совсем не оттого я на пороге встретила его. Судя по воспоминаниям Г. Л. Козловской, Ахматова и ее муж действительно впервые взглянули в лицо друг другу именно на пороге:

«В первый раз Ахматова переступила порог нашего дома в новогодний вечер, чтобы вместе с нами встретить свой первый в Ташкенте Новый год. Снимая с нее ее негреющую шубку, Алексей Федорович воскликнул: „Так вот вы какая!“ Вероятно, что в его веселом молодом голосе было что-то, что заставило ее улыбнуться и, разведя руками, в тон шутливо ответить: „Да, вот такая. Какая есть“. И исчезла вся напряженность первого мгновения знакомства. Алексей Федорович поцеловал ей руку, сначала одну, потом другую, и так уж затем повелось навсегда, что при встрече и прощании он целовал ей обе руки. Она направилась к печке, стала к ней спиной и начала греть руки. И тут мы увидели, что она по-прежнему стройна и прекрасна. В тот вечер глаза у нее были синие».

Еще Гумилев заметил, что глаза его Примаверы, обычно серые, зеленоватые или голубые, синели, когда скупая на дары судьба вдруг, без предупреждения расщедрилась. А в тот вечер злодейка и злыдня и впрямь не поскупилась: на диво хороши были не только хозяин и хозяйка дома, но и сам дом и друзья их азийского дома: первая жена Пастернака Евгения Владимировна, с которой Галина Лонгиновна, похоже, была знакома еще по Москве, и сын поэта – тоже Женя. Вот каким запомнил Евгений Борисович Пастернак ту новогоднюю ночь у Козловских:

«Ярким был праздник 1942 года. Мы вместе с Ахматовой были приглашены к Козловским, где был настоящий, сваренный мастером-узбеком плов, вино и закуски. Потом братья Козловские в четыре руки играли Вторую симфонию Бетховена. Присидели до утра...»

Тем, кому покажется подозрительным столь изобильное застолье, поясню: на сцене Ташкентского оперного театра только что, в ноябре 1941 года состоялась премьера оперы «Давран-Ата», музыка к которой написана А. Ф. Козловским, правда, в соавторстве с Т. Садыковым. Кроме того, ташкентских меломанов и поклонников соловьиного пения Халимы Насыровой в январе 1942 года ожидал и еще один сюрприз: музыкальная драма «Шерали». Текст – Хамида Гуляма, музыка А. Ашрафи, С. Н. Василенко и А. Ф. Козловского. И это только начало его славы, местного значения, но все-таки славы, ибо в ноябре того же 1942-го на той же сцене и с участием той же звезды Востока будет представлена собственная опера Козловского «Улугбек» (по мнению рецензента «Правды Востока», – «наиболее значительное из произведений, ранее поставленных на этой сцене»).

Следующий, 1943-й, Новый год Анна Андреевна проведет в больнице, а вот последний ташкентский, 1944-й – встретит опять у Козловских и к этому полупрощальному празднику приготовит ташкентским друзьям, нежным своим утешителям, – затейливый подарок: спасет от медленного исчезновения свою тень («ее великолепный профиль», по словам Г. Л. Козловской), которую Алексей Федорович когда-то обвел сначала карандашом, а потом углем, и полушутя доказывал, что когда А.А.А. уходит, «то профиль живет своей странной ночной жизнью». Уголь по беленой известью стене – материал непрочный; после отъезда Анны Андреевны из Ташкента Галина Лонгиновна завесит «тень» куском серебряной старинной парчи; консервант (средство от забвения), изобретенный Ахматовой, увековечит и самое тень («знак вечной верности»), и атмосферу приютившего ее тень дома:

А в книгах я последнюю страницу всегда любила больше всех других, – когда уже совсем неинтересны Герой и героиня, и прошло так много лет, что никого не жалко, кажется, сам автор уже начало повести забыл, и даже «вечность посидела», как сказано в одной прекрасной книге. Вот и сейчас, сейчас все кончится, и автор снова будет бесповоротно одинок, а он еще старается быть остроумным или язвит – прости его Господь! – Прилаживая пышную концовку, такую, например: И только в двух домах в том городе (название неясно) остался профиль (кем-то обведенный на белоснежной извести стены), не женский, не мужской, но полный тайны. И, говорят, когда лучи луны – зеленой, низкой, среднеазиатской – по этим стенам в полночь пробегают, в особенности в новогодний вечер, то слышится какой-то легкий звук... В записях, сделанных Дувакиным, есть и еще два момента, на которые, по-моему, необходимо обратить особое внимание. В уже упоминавшемся совписовском сборнике Г. Л. Козловская вполне подробно рассказала и о том, как ее муж к шестидесятилетию получил от Анны Андреевны еще один «бесценный дар» – только что вышедший сборник «Бег времени» в знак «вечной верности». Однако из печатного текста исчезла одна немаловажная подробность, а именно уточнение, что Анатолий Найман, с подарочным

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
экземпляр «Бега времени», был послан Ахматовой в Ташкент «специально», чтобы успел точь-в-точь ко дню рождения юбиляра: 15 октября 1965 года (на этот раз Ахматова, видимо, не понадеялась на пунктуальность уже не сталинской, а брежневской почты).

Второй момент: по наблюдению Г.Л. Козловской, весной 1944 года Ахматова вовсе не торопилась уезжать из Ташкента, «где ей было очень хорошо», Гаршин ее «сорвал», и уезжала она «даже с каким-то внутренним сопротивлением». Конечно, это только мнение, но оно, во-первых, подтверждается упомянутой выше «Изменой», а во-вторых, хоть как-то, но объясняет недовольство Н.Я. Мандельштам, которая чуть не в каждом письме Б.С. Кузину жалуется на подругу. Дескать, все давно разъехались, Ташкент опустел (даже Пунины уже несколько месяцев как сдвинулись с места), а Анна Андреевна все медлит и медлит... Объяснение, не спорю, косвенное, наискосок, и его, при желании, вполне можно было бы «дезавуировать», если бы не ахматовские стихи, датированные 28 сентября 1945 года. Те самые, где А.А.А называет свои ташкентские годы «волшебными»:

Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Ляпислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...
Л. К. Чуковская не любила ташкентских стихов Ахматовой. Ее честная и простая душа, ее здравый и ясный ум терялись и оступались в несоответствиях: каким образом, где – в грязном, замордованном, перенаселенном населенном пункте, в этой помойке можно увидеть «жгучий» сад? Между тем именно по таким, волшебным местам Козловский прогуливал Анну Андреевну, когда отступала, умерялась жара. И этот старый, вечный Ташкент все еще ничуть не отличался от того волшебного города, от той «голубой Азии», какую двадцать лет назад высмотрел в нем Есенин:

«Уводя ее в дебри Старого города, он пытался приоткрыть ей все, что он смог сам полюбить, всю прелесть и очарование узбекской народной жизни... Привел он ее однажды в тот „рай“, где мы прожили три года до войны. Два дома, два сада с черешнями и персиками, которые то цвели, то плодоносили. У стены серебристая джида, у которой одно из самых благоуханных цветений на земле. Урючина и огромный тополь укрывали половину сада и мангал в углу, где почти всегда тлел огонек. Там было все – и виноградная лоза, и розовый куст, и арык, бегущий вдоль дорожек, где притаилась душистая мята всех оттенков и ароматов. Все чисто, все полито».

В конце пятидесятых Козловские переедут из городской квартиры в новый райский дом, уже не съемный, а свой собственный, и каждый раз и при встрече, и письменно, и телефонно-телеграфно, будут настойчиво приглашать А.А.А. погостить, удрать из «Ахматовки» к солнцу, пережить в блаженном, азийском осеннем тепле всегда тяжелое для ее сердца гнилое северное предзимье... По-видимому, ответом на эти уговоры объясняются оставленные в черновиках сердитые, почти раздраженные строки, датированные 24 декабря 1959 г. Вот эти:

Я давно не верю в телефоны, в радио не верю, в телеграф. У меня на все свои законный, быть может, одичалый нрав. Всякому зато могу присниться, и не надо мне лететь на «Ту»... Козловские, похоже, все-таки настаивали, доказывая, что для ее сердца постоянные мотания между Москвой и Ленинградом опаснее, чем два часа на «Ту»... Но и отказываясь, и сердясь, Анна Андреевна каждый раз, встречаясь с Галиной Лонгиновой, «с пристрастием расспрашивала о саде, о прудике, о деревьях, просила даже снова и снова рисовать ей планировку дома и усадьбы». Словно хотела проверить, по-прежнему ли «прочен» ее «азиатский дом», и так же ли, как встарь, благоухает розовый куст...

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам... В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» – последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зоценку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Анна Ахматова, «Коротко о себе»

* * *

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Еще на всем печать лежала великих бед, недавних гроз, И я свой город увидела Сквозь
радугу последних слез. 1946, Ленинград

ГОРОДУ ПУШКИНА
И царскосельские хранительные сени... Пушкин

* * *

О, горе мне! Они тебя сожгли... О, встреча, что разлуки тяжелее!... Здесь был фонтан,
высокие аллеи, Громада парка древнего вдали, Заря была себя самой алее, В апреле
запах прели и земли, И первый поцелуй... Июнь 1944 г., Пушкин; 8 ноября 1945,
Фонтанный Дом

* * *

Лучше б я по самые плечи вбила в землю проклятое тело, Если б знала, чему
навстречу Обгоняя солнце, летела. Июнь 1944, Ленинград
Перед самым отъездом из Ташкента Анна Андреевна получила от давнего своего друга Владимира Георгиевича
Гаршина, профессора медицины и племянника известного писателя, телеграмму с
предложением руки и сердца, и даже с вопросом: согласна ли она, при официальном
оформлении брака, взять его фамилию. Про себя Анна Андреевна иронически
усмехнулась: какие, мол, нежности при нашей бедности и нашем, увы, отнюдь не
нежном возрасте (Гаршин был ее ровесником). Однако ответила согласием, снизойдя
к амбициям и опасениям «жениха». Но пока невеста добиралась до Ленинграда, в
жизни Гаршина, овдовевшего в блокаду, произошло чрезвычайное происшествие. Ему
приснился вещий сон; в том сне ученому патологоанатому явилась покойница-жена и
взяла с него слово не жениться на Ахматовой, не вводить эту ведьму с Лысой горы
в их почтенный профессорский дом. Гаршин встретил Анну Андреевну на вокзале и
даже, кажется, с цветами, и тут же поведал о случившемся.

Явление мертвой жены – версия Гаршина. На самом деле, все было куда проще.
Овдовев, Владимир Георгиевич, терзаемый тоской и одиночеством, сошелся, как
тогда говорили, со своей сослуживицей Капитолиной Волковой, женщиной немолодой,
хозяйственной, ученой, но несмотря на красоту и прочие женские достоинства,
незамужней и вскоре после разрыва с Ахматовой, в июле 1944, сделал ей
предложение. Впрочем, судя по воспоминаниям Капитолины Григорьевны, Анна
Андреевна к этому браку никакого отношения не имела. Цитирую:

«31 июля 1944 года у директора ВИЭМа... было совещание. Владимир Георгиевич сидел
рядом с ним за председательским столом, а мы, сотрудники, на своих обычных
местах... Перед концом заседания Владимир Георгиевич прислал мне записку. Он
нередко присылал мне такие записки: то с каким-то деловым замечанием, то
жаловался на головную боль и просил выйти вместе с ним на воздух... Но на этот раз
записка была другого содержания, в стихах. Вот они:

Я очень скромный человек, Нужна мне только чуточка, Но уж зато нужна на век, На
век, не на минуточку. Я быстро расшифровала слово «чуточка»
(Капочка-капелька-чуточка)... Владимир Георгиевич смотрел в это время на меня и
увидев по моему лицу, что я поняла, сделал мне знак, чтобы я вышла из кабинета.
Он вышел вслед за мной. Мы поехали на могилу Татьяны Владимировны (первой жены
Гаршина. – А. М.), и тут Владимир Георгиевич рассказал мне, что когда Татьяна
Владимировна серьезно заболела и заговорила о смерти, она сказала Владимиру
Георгиевичу: «Если я умру, женись на Капитолише (так она меня называла за
глаза), она тебе хорошей женой будет».

Ни об этой странноватой для пожилого жениха форме сватовства, ни о том, что
явление во сне мертвой супруги – чистой воды выдумка, Анна Ахматова никогда не
узнала. Как не узнала никогда и о том, что фамилия женщины, которую герой ее
молодого романа Борис Васильевич Анреп, удирая от революции в Англию, взял с
собой в марте 1917 года – тоже Волкова. И вот что интересно: вдобавок к
однофамильству счастливые соперницы Анны Андреевны Капочка и Маруся еще и
страшно похожи – почти как горошины из одного стручка. Во всяком случае, на
молодых фотографиях. Профессиональный художник, которому я их фото показала,
глянув, обозначился. Дескать, одно и то же лицо, сфотографированное в разные годы
и при разном освещении.

Маруся Волкова. Конец 1910-х гг.

Капитолина Волкова. 1920-е гг.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Вообще-то умыкать черноброво-черноглазую, на его богемный вкус, немного простоватую и слишком уж серьезную Марусю Анреп не собирался. Спешил домой, в Англию, к жене и детям. Но лондонская машинистка Б.В. уж очень просила помочь ее родственнице, барышне из приличной семьи...

Плаванье из-за войны затянулось, чернобровка без памяти влюбилась в своего спасителя, и спасителю (чтобы Маруся не отравилась) пришлось оставить ее при себе – на всю оставшуюся жизнь.

Конечно, если бы Анна Андреевна хотела узнать истину, она бы ее узнала, но она и не пыталась: комфортнее было думать, что Гаршин тронулся умом:

* * *

А человек, который для меня теперь никто, а был моей заботой и утешеньем самых горьких лет, уже бредет как призрак по окраинам, по закоулкам и задворкам жизни, Тяжелый, одурманенный безумьем, с оскалом волчьим... Боже, Боже! Как пред тобой я тяжко согрешила! Оставь мне жалость хоть... 13 января 1945

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анна Ахматова на писательском собрании. Ленинград. Начало 1946 г.
Еще на всем печать лежала великих бед, недавних гроз, и я свой город увидела Сквозь радугу последних слез. Как бы Анна Андреевна пережила такое унижение, как разрыв с Гаршиным? Ведь все-все знакомые были оповещены о предстоящей перемене в ее судьбе! На ее счастье, из эвакуации вернулся овдовевший Пунин с дочерью и внучкой, и между ними на первых порах возникло что-то похожее на «призрак прежних дней»:

И, как всегда бывает в дни разрыва, к нам постучался призрак первых дней, и ворвалась серебряная ива седым великолепием ветвей. Нам, исступленным, горьким и надменным, не смеющим глаза поднять с земли, запела птица голосом блаженным о том, как мы друг друга берегли. 25 сентября 1944 г. Лад, как и следовало ожидать, продержался недолго: битые черепки склеить можно, а звону не будет. Пунин опять женился, вышла во второй раз замуж и Ирина Николаевна. Жизнь Анны Андреевны снова замерла и превратилась в мучительное ожидание возвращения сына с войны. Вообще-то она знала: Гумилевых вражьи пули не берут, иные смерти на роду им написаны, но кто-то при ней ляпнул, что Лев Николаевич воет в составе смертников, то есть «штрафных». Вопреки суеверному опасению матери, сын вернулся. Живой и невредимый. И даже восстановился на истфаке. Жили они теперь вместе, вдвоем, и даже кое-как сводили концы с концами.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога: от окна и до порога. Лагерная песня день шел за днем – и то и сё как будто бы происходило. Обыкновенно – но чрез всё уж одиночество сквозило. Припахивало табаком, мышами, сундуком открытыми обступало ядовитым туманцем... 25 июля 1944, Ленинград

* * *

Наше священное ремесло существует тысячи лет... С ним и без света миру светло. Но еще ни один не сказал поэт, что мудрости нет, и старости нет, а может, и смерти нет. 25 июня 1944, Ленинград

* * *

На стеклах нарастает лед. Часы твердят: «Не трусь!» Услышать, что ко мне идет, и мертвой я боюсь. Как идола, молю я дверь: «Не пропусти беду!» Кто воет за стеной, как зверь, что прячется в саду? 1945, Фонтанный Дом

УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю, как тень прошел и тени не оставил, весь яд впитал, всю эту одурь выпил, и славы ждал, и славы не дождался, кто был предвестьем, предзнаменованием, всех пожалел, во всех вдохнул томленья – и задохнулся... 1945

* * *

Последний ключ – холодный ключ забвенья. Он слаще всех жар сердца утолит. А. С. Пушкин. Есть три эпохи у воспоминаний. И первая – как бы вчерашний день. Душа под сводом их благословенным, и тело в их блаженстве тень. Еще не замер смех, струятся слезы, пятно чернил не стерто со стола – и, как печать на сердце, поцелуй, единственный, прощальный, незабвенный... Но это продолжается недолго... Уже не свод над головой, а где-то в глухом предместье дом уединенный, где холодно зимой,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
а летом жарко, Где есть паук и пыль на всем лежит, Где истлевают пламенные
письма, Исподтишка меняются портреты, Куда как на могилу ходят люди, А
возвратившись, моют руки мылом, И стряхивают беглую слезинку С усталых век – и
тяжело вздыхают... Но тикают часы, весна сменяет Одну другую, розовеет небо, Меняются
названия городов, И нет уже свидетелей событий, И не с кем плакать, не с кем
вспоминать. И медленно от нас уходят тени, Которых мы уже не призываем, Возврат
которых был бы страшен нам. И, раз проснувшись, видим, что забыли Мы даже путь в
тот дом уединенный, И, задыхаясь от стыда и гнева, Бежим туда, но (как во сне
бывает) Там все другое: люди, вещи, стены, И нас никто не знает – мы чужие. Мы не
туда попали... Боже мой! И вот когда горчайшее приходит: Мы сознаем, что не могли б
вместить То прошлое в границы нашей жизни, И нам оно почти что так же чуждо, Как
нашему соседу по квартире, Что тех, кто умер, мы бы не узнали, А те, с кем нам
разлуку Бог послал, Прекрасно обошлись без нас – и даже Всё к лучшему... 5 февраля
1945, Фонтанный Дом

* * *

И очертанья Фауста вдаль Как города, где много черных башен, И колоколен с гулками
часами, И полночей, наполненных грозою, И старичков с негётевской
судьбою, Шарманщиков, менял и букинистов, Кто вызвал черта, кто с ним вел
торговлю обманул его, а нам в наследство Оставил эту сделку... И выли трубы,
заывая смерть, Пред смерти смычки благоговели, Когда какой-то странный
инструмент Предупредил, и женский голос сразу Ответствовал, и я тогда проснулась. 8
августа 1945

* * *

Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые. Тютчев Н. А. О.
Меня, как реку, Суровая эпоха повернула. Мне подменили жизнь. В другое русло, мимо
другого потекла она, И я своих не знаю берегов. О, как я много зрелищ пропустила, И
занавес вздымался без меня И так же падал. Сколько я друзей Своих ни разу в жизни
не встречала, И сколько очертаний городов Из глаз моих могли бы вызвать слезы, А я
один на свете город знаю ощупью его во сне найду. И сколько я стихов не
написала, И тайный хор их бродит вокруг меня, может быть, еще когда-нибудь Меня
задушит... Мне ведомы начала и концы, И жизнь после конца, и что-то, О чем теперь не
надо вспоминать. И женщина какая-то мое Единственное место заняла, Мое законнейшее
имя носит, Оставивши мне кличку, из которой Я сделала, пожалуй, все, что можно. Я
не в свою, увы, могилу лягу. Но иногда весенний шальный ветер, Иль сочетанье слов в
случайной книге, Или улыбка чья-то вдруг потянут Меня в несостоявшуюся жизнь. В
таком году произошло бы то-то, А в этом – это: ездить, видеть, думать, И
вспоминать, и в новую любовь Входить, как в зеркало, с тупым сознанием Изымен и
еще вчера не бывшей Морщинкой... Но если бы оттуда-то взглянула на свою теперешнюю
жизнь, Узнала бы я зависть наконец. 2 сентября 1945, Ленинград, Фонтанный Дом
(Задумано еще в Ташкенте)

* * *

Кого когда-то называли людицарем в насмешку, Богом в самом деле, Кто был убит – и
чье орудье пытки Согрето теплотой моей груди... Вкусили смерть свидетели Христовы, И
сплетницы-старухи, и солдаты, И прокуратор Рима – все прошли Там, где когда-то
возвышалась арка, Где море билось, где чернел утес, – Их выпили в вине, вдохнули с
пылью жаркой И с запахом священных роз. Ржавеет золото, и истлевают сталь, Крошится
мрамор – к смерти всё готово. Всего прочнее на земле печаль И долговечней –
царственное Слово. 1945 В первые послевоенные годы Ахматова много выступала. И с
невероятным успехом – и в Ленинграде, и в Москве. И снова стала выступать: за год –
более 20 стихотворений! И это при активной работе над продолжающейся, не
отпускающей от себя «Поэмой без героя». Она до того расхрабрилась, что позволила
себе не испугаться, когда к ней в Фонтанный Дом заявился, чтобы взять интервью,
сотрудник британского посольства, по образованию ученый-славист И. Берлин.
Выходец из России, мистер Берлин свободно говорил по-русски, в истории
русской словесности чувствовал себя как рыба в воде, кое-что знал и о молодом
романе Анны Андреевны с Борисом Анрепом. Все это, вместе взятое, сильно
подействовало на Анну Андреевну. Особенно взволновало то, что заморский гость
появился в Фонтанном Доме неожиданно-негаданно и, как и было предсказано самым
строгим поэмы канунов и сочельников, под Рождество, за что и был «вставлен» – в ее
текст в роли гостя из будущего. Почтенный славист, когда до него дошла «Поэма
без героя», был крайне смущен. Будучи младше Анны Андреевны на целых двадцать
лет, он не мог и подумать, что его сугубо карьерный визит будет воспринят
почтенной седой русской дамой столь эмоционально. А между тем мистер Берлин и
впрямь появился в сталинской России 1946 года в роли гостя из будущего –
пришельца из тех времен, когда творчество госпожи Ахматовой станет излюбленной
диссертационной темой славистов всего мира, и они, дружной когортой, будут
смертно завидовать И. Берлину.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

И увидел месяц лукавый, притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славуя меняла на вечер
Тот. Теперь меня позабудут, и книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут ни улицу, ни строфу.
27 января 1946, Ленинград

ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне. Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет. Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.
15 февраля 1946

Портрет балерины Татьяны Вечесловой

Автограф стихотворения Ахматовой, посвященного Т.М. Вечесловой

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок, и то зеркало,
Где, как в чистой воде, ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.
13 июня 1946

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ Т. В-ОЙ

Дымное исчадье полнолуния,
Белый мрамор в сумраке аллеи,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней. От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.
15 июня 1946 «1946 августа 17

...Вчера вечером состоялось торжественное собрание писателей в Смольном под председательством Жданова. За ним на эстраду вышли Прокофьев, Саянов, Попков, все бледные, расстроенные: в Москве состоялось совещание при участии Сталина, рассматривали деятельность ленинградских писателей, журналов «Звезда» и «Ленинград», «на страницах которых печатались пошлые рассказы и романы Зоценко и салонно-аристократические стихи Ахматовой». Полились ведра помоев на того и на другого. Писатели выступали один подле другого, каялись, били себя в грудь, обвиняли во всем Тихонова, оставил-де их без руководства. Постановили исключить из Союза писателей Анну Ахматову и Зоценко. Их, к счастью, в зале не было».

Из дневника Л.В. Шапориной... Не то был пущен слух, не то он сам возник – о самоубийстве Ахматовой... Поминутно звонили незнакомые люди (даже из Москвы) и проверяли достоверность известия. В очередях и на коммунальных кухнях очень курьезно обсуждали событие. Для разъяснения акции населению были посланы эмиссары:

1. Павленко – Крым
2. Шагинян – Српедняя Азия
3. Тихонов – Закавказье
4. Вишневский – Белград
5. Фадеев – Прага.

На «место преступления» был послан А.А. Жданов. На его доклад в Смольном был вызван Союз писателей *in corpore* [46] ...В зале появились странного вида незнакомцы, которые заняли места между членами союза. Двери почему-то заперли и никого не выпускали (даже тех, кому стало дурно). Казалось, этот государственный деятель только и сделал в жизни, что обозвал непечатными словами старую женщину, и в этом его немеркнущая слава. Тогда же ему был обещан памятник и полное собрание сочинений. Ни то, ни другое не состоялось. Такой мой быт, состоящий, главным образом, из голода и холода, был еще украшен тем обстоятельством, что сына, уже побывавшего в вечной мерзлоте Норильска и имеющего медаль «За взятие Берлина», начали гнать из аспирантуры Академии наук;... причем было ясно, что беда во мне... Таким образом, мне была предоставлена возможность присутствовать не только при собственной гражданской смерти, но даже как бы и при физической. Люди просто откровенно не хотели, чтобы я была жива. Так и говорили: «Я бы умер».

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Со шпаной в канавке возле кабака,
С пленными на лавке Гру-зо-ви-ка.
Под густым

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
туманомНад Москвой–рекой,С батькой–атаманомВ петельке тугой,Я была со всеми,С
этими и с теми,А теперь осталась сама с собой.Август 1946, Фонтанный Дом

Анна Ахматова и Ольга Берггольц. Ленинград, 1947 г.

* * *

Б. Пастернаку

Здесь все тебе принадлежит по праву,Стеной стоят дремучие дожди.Отдай другим
игрушку мира – славу,Иди домой и ничего не жди.1947, 1958

* * *

Борису Пастернаку

И снова осень валит Тамерланом,В арбатских переулках тишина.За полустанком или
за туманомДорога непроезжая черна.Так вот она, последняя! И яростьСтихает. Все
равно что мир оглох..Могучая Евангельская старостьИ тот горчайший Гефсиманский
вздых.1947, Ленинград, Фонтанный Дом

Анна Ахматова и Борис Пастернак. 1946 г.

* * *

Я всем прощение даруюИ в Воскресение ХристаМеня предавших – в лоб целую,А не
предавшего – в уста.1948 (На Пасху), Москва

* * *

«1949 сентября 19.

Была вчера в церкви, отвела душу и зашла к А.А. Ахматовой, благо воскресенье –
мой выходной день... Все лето чувствовала себя плохо... А. А. встала, и мы пошли с
ней в Летний сад. Она мне рассказала, что Пунин ждал ареста после того, как в
университете было арестовано 18 человек. Он все надеялся, что дочь с внучкой
успеют вернуться – его арестовали за несколько дней до их возвращения... Гумилев
был расстрелян 25 августа. Пунин арестован 26-го. – «Отбросив всякие суеверия, –
говорит А. А., – все-таки призадумайтесь».

Из дневника художницы Л.В. Шапориной

ЧЕРЕПКИ

Лев Гумилев

Сегодня мой страшный день. Которая-то годовщина ареста Левы (1949). Тогда никто
не думал, что осталось так мало лет (3 года), ужас. Ужас вливается в
тело и делается им. Как чудовище у Данта. Человеку кажется это не [моя] его
рука, а рука чудовища.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»23 июня 1949 года Ахматовой исполнилось 60
лет. Ни одного юбилейного поздравления, даже от бывших своих почитателей,
вышедших в начальники, Анна Андреевна не получила. А вскоре в Фонтанный Дом
пришла очередная большая беда: 26 августа 1949 года арестовали Николая Пунина, а
в ноябре – Льва Гумилева, на этот раз уже не как сына белогвардейца, а как
«отродье» антисоветской поэтессы. Оба получили по 10 лет исправительно-трудовых
лагерей. Ахматова ежемесячно ездит в Москву – сначала, чтобы сын, ожидавший
приговора в Лефортовской тюрьме, не остался без положенных по закону – раз в
месяц – продуктовых передач, а затем, уже после якобы суда, в связи с хлопотами
об облегчении его участи. И все напрасно...

«летом 1946 года вышло Постановление ЦК партии о журналах „Звезда“ и
„Ленинград“. Больше всех пострадал опять же я. Меня выгнали теперь уже из
аспирантуры, несмотря на то, что была написана диссертация и сданы все экзамены.
Я не успел получить даже своего кандидатского диплома. Вскоре меня снова
схватили, снова посадили в тюрьму. Теперь уже в Лефортовскую в Москве. На
допросах твердили: „Ты виноват! В какой вине хотел бы сам признаться?“ Тут меня
били мало, но памятно. Вскоре мне еще раз записали 10 лет и отправили в лагерь,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
в Караганду. Из Караганды перевели в Междуреченск, где в свое время отбывал
каторжные работы Достоевский. Отсюда переправили в Омск. В Омске пришла наконец
свобода. Это было уже после XX съезда партии».

Л. Н. Гумилев, Из интервью журналу «Звезда»

ЧЕРЕПКИ

You cannot leave your mother an orphan.

Joyce [47]

1

Мне, лишенной огня и воды, Разлученной с единственным сыном... На позорном помосте
беды Как под тронным стою балдахином...

2

Вот и доспорился, яростный спорщик, До енисейских равнин... Вам он бродяга, шуан,
заговорщик, Мне он – единственный сын.

3

Семь тысяч три километра... Не услышишь, как мать зовет В грозном вое полярного
ветра, В тесноте обступивших невзгод. Там дичаешь, звереешь – ты милый! – Ты
последний и первый, ты – наш. Над моей ленинградской могилой Равнодушная бродит
весна.

4

Кому и когда говорила, Зачем от людей не таю, Что каторга сына сгноила, Что Музу
засекли мою. Я всех на земле виноватей, Кто был и кто будет, кто есть... И мне в
сумасшедшей палате Вальяться – великая честь. 1930-е, 1958

* * *

Вы меня, как убитого зверя, На кровавый подымете крюк, Чтоб, хихикая и не
веря, Иноземцы бродили вокруги писали в почтенных газетах, Что мой дар
несравненный угас, Что была я поэтом в поэтах, Но мой пробил тринадцатый час. 1949
1952 году Ахматову вместе с семьей репрессированного Пунина выселили из
Фонтанного дворца в дом, когда-то принадлежавший корпорации петербургских
извозчиков. Анна Андреевна сочла это символическим: негоже проживать во дворцах,
даже бывших, родственникам советских политкаторжан. Уезжая, она поклонилась
сиятельному Дому, поклон получился легким и по-ахматовски горько-ироничным:

Особенных претензий не имею к этому сиятельному дому, Но так случилось, что
почти всю жизнь прожила под знаменитой кровлей Фонтанного дворца... Я нищей в него
вошла и нищей выхожу... 19525 марта 1953 года умер Сталин. Во ознаменование этого
события Анна Андреевна впервые за много лет переступила порог Ленинградского
отделения Союза писателей. Собрание было, конечно, траурным: собратья Ахматовой
по перу в скупых слезах прощались с родным и любимым «отцом народов». Видеть эти
слезы ей было и тошно, и стыдно, но она все-таки высидела до конца церемонии, уж
она-то знала, что наступает новая эпоха, им, слепцам, пока не видимая.

Николай Николаевич Пунин до этой эпохи не дожил: умер в воркутинском лагере. И
как и следовало ожидать – в августе.

Ирина Пунина – Анне Ахматовой

Из Киева (Ирпень) в Комарово.

22 августа 1963 г.

«Сегодня мы ездили с Аней в Киев, немножко прошли по городу, по бульвару и по
Крещатику. Было очень жарко, мы скоро устали и поехали в свое пристанище
обедать. На обратном пути в электричке я рассказывала Ане, как ровно десять лет
назад в этот день мы с тобой ездили в электричке навестить полковника... и о тех
тяжелых днях, которые последовали потом. Как непоправимо быстро пролетело с тех
пор десять лет и как медленно ползло время до 53-го года. Мы стараемся тихо,
полулежа дожить августовские дни».

Это бесхитростное и вроде бы обыкновенное письмо свидетельство драгоценное. Оно
точнее и достовернее, нежели суждения наблюдателей со стороны, объясняет, почему
Анна Андреевна до конца жизни относилась к Ирине Николаевне как к своей приемной
дочери, хотя это и возмущало ее родного сына. Они вместе пробедовали пять долгих
лет после того, как в 1949-м арестовали сначала (26 августа!) Николая
Николаевича, а затем (в ноябре) и Льва Гумилева. После смерти Сталина появилась
надежда, но Анна Андреевна суеверно боялась августа... И, видимо, заразила этим
суеверным ужасом Ирину. Защищаясь от страха, они и поехали на электричке на дачу
к младшему брату Николая Николаевича – полковнику Льву Пунину.

Было это 22 августа 1953 года... А осенью стало известно, что 21 августа, т. е.
за день до этой поездки, в лагере под Воркутой Николай Николаевич Пунин
скончался. Впоследствии и Ахматова, и Ирина Николаевна считали, что внезапное,
ничем как будто не мотивированное желание повидать Л. Н. Пунина возникло не
просто так, что был какой-то сигнал, который колдунья Акума, так в семье Пуниных

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
называли Анну Ахматову, почуяла.

Все подтверждалось: август был месяцем беды, апрель – месяцем счастья.

15 апреля 1956 года, в день рождения Николая Гумилева, после восьми лет каторги вернется ее сын.

Анна Ахматова. 1958 г.

1954

«8 марта. У Всеволода Иванова (блины). Встретил там Анну Ахматову впервые после ее катастрофы. Седая, спокойная женщина, очень полная, очень простая. Нисколько не похожая на ту стилизованную, робкую и в то же время надменную, с начесанной челкой, худощавую поэтессу, которую подвел ко мне Гумилев в 1912 г. – сорок два года назад. О своей катастрофе [48] говорит спокойно, с юмором: «Я была в великой славе, испытала величайшее бесславие – и убедилась, что, в сущности, это одно и то же».

Корней Иванович Чуковский, Из Дневника

О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ

Ты – победительница жизни я – товарищ вольный твой. Н. Гумилеву никакого розового детства..Веснушечек и мишек, и игрушек, и добрых тетей, и страшных дядей, и даже приятелей среди камешков речных. Себе самой я с самого начала то чьим-то сном казалась или бредом, или отражением в зеркале чужом, без имени, без плоти, без причины. Уже я знала список преступлений, – которые должна я совершить. И вот я, лунатически ступая, вступила в жизнь и испугала жизнь. Она передо мною стлалась лугом, где некогда гуляла Прозерпина. Передо мной, безродной, неумелой, открылись неожиданные двери, и выходили люди и кричали: «Она пришла, она пришла сама!» А я на них глядела с изумлением думала: «Они с ума сошли!» И чем сильнее они меня хвалили, чем мной сильнее люди восхищались, тем мне страшнее было в мире жить, и тем сильнее хотелось пробудиться. И знала я, что заплачу сторицей в тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, везде, где просыпаться надлежит. Таким, как я, – но длилась пытка счастьем. 4 июля 1955, Москва. Начинать совершенно все равно с чего: с середины, с конца или с начала. Я вот, например, хочу сейчас начать с того, что эти зеленые домики с застекленными террасами (в одном из них я живу) непрерывно стояли перед моими (закрытыми) глазами в 1951 г. в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, находилась под действием пантопона. Дома эти тогда еще не существовали – их построили в 1955 г., но когда я их увидела, я тотчас припомнила, где видела их раньше. Оттого я и написала в «Эпилоге»:

Живу как в чужом мне приснившемся доме, где, может быть, я умерла... Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Не с лирою влюбленного иду пленять народ – Трещотка прокаженного в моей руке поет. Успеете наахаться, и воя, и кляня. Я научу шарахаться всех «смелых» – от меня. Я не искала прибилии славы не ждала, Я под крылом у гибели Все тридцать лет жила. <1956> Зеленый финский домик в дачном поселке Комарово, который ленинградский Литфонд выделил «пожилой поэтессе» в 1955 году, – единственная отдельная квартира в жизни Ахматовой. Она очень любила ее и называла ласково «Будка». И потому, что домишко в самом деле был немного похож на комфортабельную, от хорошего хозяина, собачью конуру, и потому, что это имя аюкалось с «Бродячей Собакой». Умерла Анна Ахматова не в собственном доме, а в чужом, казенном месте – подмосковном кардиологическом санатории. А вот похоронили ее все-таки в Комарове. Рядышком с ее соснами.

Анна Ахматова. Осень 1963(64?) г.

...И кто бы поверил, что я задумана так надолго, и почему я этого не знала. Память обострилась невероятно. Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего? Милые

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, может миновать их. Откуда-то выплывают слова, сказанные полвека тому назад и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспомнила. Странно было бы объяснить все это только моим летним одиночеством и близостью к природе, которая давно напоминает мне только о смерти.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Забудут? – вот чем удивили! Меня забывали сто раз, Сто раз я лежала в могиле, Где, может быть, я и сейчас. А Муза и глохла и слеpla, В земле истлевала зерном, Чтoб после, как феникс из пепла, В эфире восстать голубом. 21 февраля 1957, Ленинград

* * *

Вижу я, Лебедь тешится моя. Пушкин Ты напрасно мне под ноги мечешь И величье, и славу, и власть. Знаешь сам, что не этим излечишь Песнопения светлую страсть. Разве этим развеешь обиду? Или золотом лечат тоску? Может быть, я и сдамся для виду. Не притронусь я дулом к виску. Смерть стоит всё равно у порога, Ты гони ее или зови. А за нею темнеет дорога, По которой ползла я в крови. А за нею десятилетия Скуки, страха и той пустоты, О которой могла бы пропеть я, Да боюсь, что расплачешься ты. Что ж, прощай. Я живу не в пустыне. Ночь со мной и всегдашняя Русь. Так спаси же меня от гордыни. В остальном я сама разберусь. 9 апреля 1957, Москва, Ордынка

* * *

О. Мандельштаму

Я над ними склонюсь, как над чашей, В них заветных заметок не счесть – Окровавленной юности нашей Это черная нежная весть. Тем же воздухом, так же над бездной дышала когда-то в ночи, В той ночи и пустой и железной, Где напрасно зови и кричи. О, как пряно дыханье гвоздики, Мне когда-то приснившейся там, – Это кружатся Эвридики, Бык Европу везет по волнам. Это наши проносятся тени Над Невой, над Невой, над Невой, Это плещет Нева о ступени, Это пропуск в бессмертие твой. Это ключики от квартиры, О которой теперь ни гугу... Это голос таинственной лиры, На загробном гостящей лугу. 5–10 мая 1957, Москва; 5 июля 1957, Комарово Смерть Баха. (28 июля 1965, Комарово)

Фантазия и fuga. Слушаю.

Боже мой... Сама Чакона!

Играет Игорь Безродный

...но за ней не войдет человек...

Прелюдия и fuga (играет Л. Ройзман).

Вот он, колокольный звон из 17 века. Как все близко! – (и страшно...)

Еще три дня июля, а потом траурный гость – август («столько праздников и смертей»), как траурный марш, который длится 30 дней. Все ушли под этот марш: Гумилев, Пунин, Томашевский, мой отец, Цветаева... Назначал себя и Пастернак, но этого любимца богов увел с собою, уходя, неповторимый май 60 года, когда под больничным окном цвела сумасшедшая липа. И с тех пор [прошло] минуло уже пять лет. Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель...

1 августа

И все-таки он явился. Сегодня – Илья. Вчера всю ночь катался на своей колеснице по небу. 51 год тому назад началась та война – как помню тот день (в Слепневе) – утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь – вдребезги. Это один из главных дней. Теперь пойдут августовские «юбилеи». Завтра день ареста Гумилева (3 августа). Сорок четыре года тому назад. Я узнала об его аресте на Смол<math>\<math>

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

АВГУСТ

Он и праведный и лукавый, И всех месяцев он страшней: В каждом Августе, Боже правый, Столько праздников и смертей. Разрешенье вина и елeя... Спас, Успение... Звездный свод!... Вниз уводит, как та аллея, Где остаток зари алеет, В беспредельный туман и лед Вверх, как лестница, он ведет. Притворялся лесом волшебным, Но своих он лишился чар. Был надежды «напитком целебным» В тишине заполярных нар... А теперь! Ты, новое горе, Душишь грудь мою, как удав... И грохочет Черное Море, Изголовье мое разыскав. 27 августа 1957, Комарово

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче, словно Дант, творить, Или Лаура жар любви восславить? Я научила женщин говорить... Но, Боже, как их замолчать заставить! 1958

МУЗЫКА

Д. Д. Шостаковичу

В ней что-то чудотворное горит, И на глазах ее края гранятся. Она одна со мною говорит, Когда другие подойти боятся. Когда последний друг отвел глаза, Она была со мной в моей могиле И пела словно первая грозиль будто все цветы заговорили. 1958

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Все, – кого и не звали, – в Италии, шлют домашним сердечный привет, Я осталась в моем зазеркалии, Где ни света, ни воздуха нет, Где за красными занавесками все навеки повернулось вверх дном... Так не буду я с леонардесками Переглядываться тайком, И дышать тишиною запретною никогда мной не виданных мест, И мешаться с толпою несметною Крутолобых Христовых Невест. 26 сентября 1957 – 16 апреля 1963 (окончено)

* * *

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли, Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ. Одичалые розы пурпурным шиповником стали, А лицейские гимны все так же заздранно звучат. Полстолетия прошло... Щедро взыскана дивной судьбою, Я в беспмятстве дней забывала течение годов, –И туда не вернусь! Но возьму и за лету с собою Очертанья живые моих царскосельских садов. 4 октября 1957, Москва

* * *

Немудрено, что похоронным звоном Звучит порой мой непокорный стих. Пустынно здесь! Уже за Флегетоном Три четверти читателей моих. А вы, друзья! Осталось вас немного, Последние, Вы мне еще милей... Какой короткой сделалась дорога, которая казалась всех длинней. 3 марта 1958, Болшево [49], Комн. № 7

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет, Все, даже ветхие скворешники Этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет. И голос вечности зовет С неодолимостью нездешней, И над цветущею черешней Сиянье легкий месяц льет. И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда... Там средь стволов еще светлее, И все похоже на аллею царскосельского пруда. 16-17 июня 1958 Комарово

* * *

Михаилу Зощенко

Словно дальнему голосу внемлю, А вокруг ничего, никого. В эту черную добрую землю Вы положите тело его. Ни гранит, ни плакучая ива Прах легчайший не осенят, Только ветры морские с залива, Чтоб оплакать его, прилетят... Июль 1958, Комарово

Имя

Татарское, дремучее Пришло из никуда, К любой беде липучее, Само оно – беда. Лето 1958, Комарово

Герб рода Ахматовых

Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный русский убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, как в память о счастливом событии, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход. Этот Ахмат, как известно, был чингизидом.

Одна из княжон Ахматовых – Прасковья Егоровна – в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь Анна Егоровна – моя бабушка. Она умерла, когда моей маме было 9 лет, и в честь ее меня называли Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и одно с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

* * *

Опять подошли «незабвенные даты», И нет среди них ни одной не проклятой. Но самой проклятой восходит заря... Я знаю: колотится сердце не зря – От звонкой минуты пред бурей морскою Оно наливается мутной тоскою. И даже сегодняшний ветреный день Преступно хранит прошлогоднюю тень, Как тихий, но явственный стук из подполья, И сердце на стук отзывается болью. Я все заплатила до капли, до дна. Я буду свободна, я буду одна. На прошлом я черной поставила крест, Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест, Что ломятся в комнату липы и клены, Гудит и бесчинствует табор зеленый И к брюху мостов подкатила вода? – И всё как тогда, и всё как тогда. Все ясно – кончается злая неволя, Сейчас я пройду через Марсово Поле, А в Мраморном крайнее пусто окно, Там пью я с тобой ледяное вино, И там попрощаюсь с тобою навеки, Мудрец и безумец – дурной человек. Лето 1944, июль 1959, Ленинград

* * *

Не мешай мне жить – и так не сладко. Что ты вздумал, что тебя томит? Иль неразрешимая загадка Ледяной звездой в ночи горит? Или галереями бессонниц Ты ко мне когда-то приходил? Иль с давно погибших белых звонниц Мой приезд торжественно следил? В прежних жизнях мы с тобою счеты Плохо подвели, о бедный друг! Оттого не спорится работа, Сухо в горле, кровь бормочет что-то, И плывет в глазах кровавый

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
круг.Иль увидел взор очей покорныхВ тот для памяти запретный час,Иль в каких-то
подземельях черныхМертвой оставил меня не раз.И при виде жертвы позабытойМесто
не найти тебе теперь...Что там – окровавленные плитыИли замурованная дверь?В самом
деле – сотни километровКак ты и сказал мне, – сущий вздор,И знакомый с детства
голос ветраПродолжает наш старинный спор.Июнь 1959, Комарово
* * *

Что нам разлука? – Лихая забава,Беды скучают без нас.Спяну ли ввалится в
горницу слава,Бьет ли тринадцатый час?Или забыты, забыты, за... кто тамТак
научился стучать?Вот и идти мне обратно к воротамНовое горе встречать.7 июля
1959

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,Где лучшая в мире стоит из оград,Где
статуи помнят меня молодой,А я их под невскою помню водой.В душистой тиши между
царственных липМне мачт корабельных мерещится скрип.И лебедь, как прежде, плывет
сквозь века,Любуясь красой своего двойника.И замертво спят сотни тысяч
шаговВрагов и друзей, друзей и врагов.А шествию теней не видно концаОт вазы
гранитной до двери дворца.Там шепчутся белые ночи моиО чьей-то высокой и тайной
любви.И все перламутром и яшмой горит,Но света источник таинственно скрыт.9 июля
1959, Ленинград

ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа, –Беспечное это житье:Подслушать у музыки что-тоИ выдать
шутя за свое.И чье-то веселое скерцов какие-то строки вложив,Поклясться, что
бедное сердцеТак стонет средь блещущих нив.А после подслушать у леса,У сосен,
молчальниц на вид,Пока дымовая завесаТумана повсюду стоит.Налево беру и
направо,И даже, без чувства вины,Немного у жизни лукавой,И все – у ночной
тишины.Лето 1959, Комарово

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастными, главное, скрытым. О нет! –чтоб быть
современнику ясным,Весь настезь распахнут поэт.И рампа торчит под ногами,Все
мертвенно, пусто, светло,Лайм-лайта [50] холодное пламяЕго заклеимило чело.А
каждый читатель как тайна,Как в землю закопанный клад,Пусть самый последний,
случайный,Всю жизнь промолчавший подряд.Там все, что природа запрячет,Когда ей
угодно, от нас.Там кто-то беспомощно плачетВ какой-то назначенный час.И сколько
там сумрака ночи,И тени, и сколько прохлад,Там те незнакомые очидо света со мной
говорят,За что-то меня упрекаютИ в чем-то согласны со мной...Так исповедь льется
немая,Беседы блаженнейшей зной.Наш век на земле быстротечени тесен назначенный
круг,А он неизменен и вечен –Поэта неведомый друг.23 июля 1959, Комарово

СКОРОСТЬ

Бедствие это не знает предела...Ты, не имея ни духа, ни тела,Коршуном злобным на
мир налетела,Все исказила и всем овладелаИ ничего не взяла.8 августа 1959, утро,
Комарово

НАСЛЕДНИЦА

От Сарскосельских лип...ПушкинКазалось мне, что песня спетаСредь этих опустелых
зал.О, кто бы мне тогда сказал,Что я наследую все это:Фелицу, лебедя, мостыИ все
китайские затеи,Дворца сквозные галереиИ липы дивной красоты.И даже собственную
тень,Всю искаженную от страха,И покаянную рубаху,И замогильную сирень.20 ноября
1959, Ленинград, Красная Конница
* * *

Вам жить, а мне не очень,Тот близок поворот.О, как он строг и точен,Незримого
расчет.Зверей стреляют разно,Есть каждому чередВесьма разнообразный,Но волка –
круглый год.Волк любит жить на воле,Но с волком скор расчет:На льду, в лесу и в
полеБьют волка круглый год.Не плачь, о друг единый,Коль летом иль зимойОпять с
тропы волчинойУслышишь голос мой.1959

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,С дыханием жизни врывается в дом,Смеется,
у горла трепещет,И кружится, и рукоплещет.Другое, в полночной родясь тишине,Не
знаю откуда крадется ко мне,Из зеркала смотрит пустогоИ что-то бормочет сурово.А
есть и такие: средь белого дня,как будто почти что не видя меня,Струятся по
белой бумаге,как чистый источник в овраге.А вот еще: тайное бродит вокруг –Не
звук и не цвет, не цвет и не звук, –Гранится, меняется, вьется,А в руки живым не
дается.Но это!... по капельке выпило кровь,Как в юности злая девчонка – любовь,И,
мне не сказавши ни слова,Безмолвием сделалось снова.И я не знавала жесточе
беды.Ушло, и его протянулись следыК какому-то крайнему краю,А я без него...
умираю.1 декабря 1959, Ленинград, Красная Конница

АНАФЕМА

Это и не старо, и не ново,Ничего нет сказочного тут.Как Отрепьева и Пугачева,Так
меня тринадцать лет клянут.Неуклонно, тупо и жестокой неодолимо, как гранит,От

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Либавы до ВладивостокаГрозная анафема гремит.1959
МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моихМне надолго, к несчастью, хватит.Знаешь сам, половины
из нихЗлая память никак не истратит:Набок сбившийся куполок,Грай вороний, и
воплъ паровоза,И как будто отбившая срокковылявшая в поле береза,И огромных
библейских дубовПолуночная тайная сходка,И из чьих-то приплывшая сновИ почти
затонувшая лодка...Побелив эти пашни чуть-чуть,Там предзимье уже побродило,Дали
все в непроглядную мутьНенароком оно превратило.И казалось, что после
концаНикогда ничего не бывает...Кто же бродит опять у крыльцаИ по имени нас
окликает?Кто приник к ледяному стеклуИ рукою, как веткою, машет?...А в ответ в
паутинном углуЗайчик солнечный в зеркале пляшет.Февраль 1960, Ленинград

СМЕРТЬ ПОЭТА

Как птица, мне ответит эхо.Б. п<астернак>

1

Умолк вчера неповторимый голос,И нас покинул собеседник роц.Он превратился в
жизнь дающий колосИли в тончайший, им воспетый дождь.И все цветы, что только
есть на свете,Навстречу этой смерти расцвели.Но сразу стало тихо на
планете,Носящей имя скромное... Земли.1 июня 1960, Москва, Боткинская больница

2

Словно дочка слепого Эдипа,Муза к смерти провидца вела,А одна сумасшедшая липав
этом траурном мае цвелаПрямо против окна, где когда-тоОн поведал мне, что перед
нимВьется путь золотой и крылатый,Где он вышнюю волей храним.11 июня 1960,
Москва, Боткинская больница

* * *

«...Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на
робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого
поэта Н.С. Гумилева. То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно
шумных триумфов. Прошло два-три года, и в ее глазах, и в осанке, и в ее
обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость. Не
спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость. За все
полвека, что мы были знакомы, я не помню у нее на лице ни одной просительной,
заискивающей, мелкой или жалкой улыбки. При взгляде на нее мне всегда
вспоминалось некрасовское: „Есть женщины в русских селеньях...“

Даже в позднейшие годы, в очереди за керосином, селедками, хлебом, даже в
переполненном жестком вагоне, даже в ташкентском трамвае, даже в больничной
палате, набитой десятком больных, всякий, не знавший ее, чувствовал ее
«спокойную важность» и относился к ней с особым уважением, хотя держалась она со
всеми очень просто и дружелюбно, на равной ноге».

Корней Иванович Чуковский, Из воспоминаний об Анне Ахматовой

Анна Ахматова. Шестидесятые годы

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,Как в мрак падучая звезда.Вы были горечью и ложью,А
утешеньем – никогда.1961

* * *

Шутки – шутками, а сорокГладких лет в тюрьме,Пиршества из черствых корок,Чумный
страх во тьме,Одиночество такое,Что – сейчас в музей,И предательство
двойноеБлизиких и друзей...22 июля 1960, (после операции 7 июля) Красная Конница
ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,И на что мне прошлое теперь?Что там? –
окровавленные плитыИли замурованная дверь,Или эхо, что еще не можетЗамолчать.
Хотя я так прошу...С этим эхом приключилось то же,Что и с тем, что в сердце я
ношу.25 сентября 1960, Комарово

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,А еще называют Музой,Говорят: «Ты с ней на
лугу...»Говорят: «Божественный лепет...»Жестче, чем лихорадка, оттреплет,И опять
весь год ни гугу.8 октября 1960

ПЕТЕРБУРГ В 1913 ГОДУ

За заставой воет шарманка,Водят мишку, пляшет цыганкаНа заплеванной

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
мостовой. Паровик идет до Скорбящей, И гудочек его щемящий Откликается над Невою. В
черном ветре злорадия и воля. Тут уже до Горячего Поля, Вероятно, рукой подать. Тут
мой голос смолкает вещей. Тут еще чудеса похлеще. Но уйдем – мне некогда ждать. 13
января 1961, Ордынка

ПОДРАЖАНИЕ КАФКЕ

Другие уводят любимых, – Я с завистью вслед не гляжу. Одна на скамье подсудимых
скоро полвека сижу. Вокруг пререканья и давка и приторный запах чернил. Такое
придумывал Кафка и Чарли изобразил. И в тех пререканьях важных, Как в цепких
объятиях сна, Все три поколенья присяжных Решили: виновна она. Меняются лица
конвоя, В инфаркте шестой прокурор... А где-то темнеет от зноя Огромный небесный
простор, И полное прелести лето Гуляет на том берегу... Я это блаженное
«где-то» Представить себе не могу. Я гложу от зычных проклятий, Я ватник сносила
дохла. Неужто я всех виноватей на этой планете была? 3 марта 1961, Комарово

* * *

Если б все, кто помощи душевной У меня просил на этом свете, Все юродивые и
немые, Брошенные жены и калеки, Каторжники и самоубийцы, – Мне прислали по одной
копейке, Стала б я «богаче всех в Египте», – Как говаривал Кузмин покойный... Но они
не слали мне копейки, А со мной своей делились силой, И я стала всех сильнее на
свете, Так, что даже это мне не трудно. 30 марта 1961, Вербное Воскресенье,
Ленинград

* * *

А я говорю, вероятно, за многих: Юродивых, скорбных, немых и убогих, И силу свою
мне они отдают, И помощи скорой и действенной ждут. 30 марта 1961, Ленинград,
Красная Конница

А КАК МУЗЫКА ЗАЗВУЧАЛА

Анна Ахматова. Октябрь 1964 г.

Молитесь на ночь, чтобы вам Вдруг не проснуться знаменитым.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Что войны, что чума? – конец им виден скорый, Им приговор почти произнесен. Но кто
нас защитит от ужаса, который Был бегом времени когда-то наречен? 10 июня 1961,
Комарово

* * *

Так не зря мы вместе бедовали даже без надежды раз вздохнуть. Присягнули –
проголосовали и спокойно продолжили путь. Не за то, что чистой я осталась, словно
перед Господом свеча, вместе с вами я в ногах валялась у кровавой куклы
палача. Нет! и не под чуждым небосводом и не под защитой чуждых крыл – Я была тогда
с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был. 21 июня 1961

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

Девятисотые годы

А в переулке забор дощатый... Н. Гумилев Настоящую оду Нашептало...
Постой, Царскосельскую оду Прячу в ящик пустой, В роковую шкатулку, В кипарисный
ларец, А тому переулку Наступает конец. Здесь не Тёмник, не Шуя – Город парков и
зал, Но тебя опишу я, как свой Витебск – Шагал. Тут ходили по струнке, Мчался рыжий
рысак, Тут еще до чугулки Был знатнейший кабак. Фонари на предметы лили матовый
свет, И придворной кареты Промелькнул силуэт. Так мне хочется, чтобы Появиться
могли Голубые сугробы С Петербургом вдали. Здесь не древние клады, А дощатый
забор, Интендантские склады и извозчий двор. Шепелявя неловкой с грехом
пополам, Молодая чертовка Там гадает гостям. Там солдатская шуток Лется, желчь не
тая... Полосатая будка и махорки струя. Драли песнями глотку и клялись попадье, Пили
допоздна водку, Заедали кутьей. Ворон криком прославил Этот призрачный мир... А на
розвальнях правил Великан – кирасир. Август 1961, Комарово

НАС ЧЕТВЕРО

Комаровские наброски

Ужели и гитане гибкой Все муки Данта суждены. О. Мандельштам Таким я вижу облик Ваш
и взгляд... Б. Пастернак О, Муза Плача... М. Цветаева... И отступилась я здесь от всего, От
земного всякого блага. Духом, хранителем «места сего» Стала лесная коряга. Все мы
немного у жизни в гостях, Жизнь – это только привычка. Чудится мне на воздушных

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
путяхДвух голосов перекличка.Двух? А еще у восточной стены,В зарослях крепкой
малины,Темная, свежая ветвь бузины...Это – письмо от Марины.19–20 ноября 1961,
Ленинград, Больница в Гавани

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,надменнее и проще нас.1922В заветных ладанках не
носим на груди,О ней стихи навзрыд не сочиняем,Наш горький сон она не бередит,Не
кажется обетованным раем.Не делаем ее в душе своейПредметом купли и
продажи,Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,О ней не вспоминаем даже.Да, для нас
это грязь на калошах,Да, для нас это хруст на зубах.И мы мелем, и месим, и
крошимТот ни в чем не замешанный прах.Но ложимся в нее и становимся ею,Оттого и
зовем так свободно – своею.1 декабря 1961, Ленинград Больница в Гавани

* * *

Больничные молитвенные дниИ где-то близко за стеною – мореСеребряное – страшное,
как смерть.1 декабря 1961, Больница

* * *

Недуг томит – три месяца в постели.И смерти я как будто не боюсь.Случайной
гостьей в этом страшном телея, как сквозь сон, сама себе кажусь.Декабрь 1961
СОНЕТ-ЭПИЛОГ

Против воли я твой, царица, берег покинул.«Энеида», песнь VIРомео не было, Эней,
конечно, был.А. АхматоваНе пугайся, – я еще похожейНас теперь изобразить
могу.Призрак ты – иль человек прохожий, –Тень твою зачем-то берегу.Был недолго
ты моим Энеем,Я тогда отделалась костром.Друг о друге мы молчать умеем.И забыл
ты мой проклятый дом.Ты забыл те, в ужасе и в муке,Сквозь огонь протянутые рукиИ
надежды окаянной весть.Ты не знаешь, что тебе простили...Создан Рим, – плывут
стада флотилий,И победу славославит лесть.1 сентября 1960, Комарово. Окончено 2
августа 1962, Комарово

* * *

Молитесь на ночь, чтобы вамВдруг не проснуться знаменитым.1960-е годы

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.И. БродскийМне с Морозовой класть поклоны,С
падчерицей Ирода плясать,С дымом улетать с костра Дидоны,Чтобы с Жанной на
костер опять.Господи! Ты видишь, я усталаВоскресать, и умирать, и жить.Все
возьми, но этой розы алойдай мне свежесть снова ощутить.9 августа 1962, Комарово

* * *

Вот она, плодоносная осень!Поздновато ее привели.А пятнадцать блаженнейших
весеня подняться не смела с земли.Я так близко ее разглядела,К ней припала, ее
обняла,А она в обреченное телосилу тайную тайно лила.13 сентября 1962 (ночь),
Комарово

ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНА

Это те, что кричали: «Варавву!Отпусти нам для праздника...», те,что велели Сократу
отравуПить в тюремной глухой тесноте.Им бы этот же вылить напитокВ их невинно
клеветующий рот,Этим милым любителям пыток,Знатокам в производстве сирот.25
октября 1962, Москва

ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам, в сущности, дело,Что все превращается в прах,Над сколькими безднами
пелай в скольких жила зеркалах.Пускай я не сон, не отрадаИ меньше всего
благодать,Но, может быть, чаще, чем надо,Придется тебе вспоминать –И гул
затишающих строчек,И глаз, что скрывает на днеТот ржавый колючий веночекВ
тревожной своей тишине.6 июля 1963, Москва, Ордынка

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

O quae beatam, Diva, tenesCyprum et Memphis...Nor [51] Красотка очень молода,Но не
из нашего столетья,Вдвоем нам не бывать – та, третья,Нас не оставит никогда.Ты
подвигаешь кресло ей,Я щедро с ней делюсь цветами...Что делаем – не знаем сами,Но
с каждым мигом нам страшней.Как вышедшие из тюрьмы,Мы что-то знаем друг о
другеУжасное. Мы в адском круге,А может, это и не мы.5 июля 1963, Комарово

* * *

Оставь, и я была как все,И хуже всех была,Купалась я в чужой росеИ пряталась в
чужом овсе,В чужой траве спала.1963

* * *

Пусть даже вылета мне нетИЗ стаи лебединой...Увы! лирический поэтОбязан быть
мужчиной,Иначе все пойдет вверх дномДо часа расставанья –И сад – не сад, и дом –
не дом,Свиданье – не свиданье.1963–1964как ни привыкла Анна Андреевна к утратам,
смерть Валерии Сергеевны в 1964 году ее ошеломила:

ПАМЯТИ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:В тени блаженных лип, в блокаде и в
больнице,В тюремной камере и там, где злые птицы,И травы пышные, и страшная
вода.О, как менялось всё, но ты была всегда,И мнится, что души отъяли

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
половину, ту, что была с тобой, – в ней знала я причину чего-то главного. И все
забыла вдруг... Но звонкий голос твой зовет меня оттуда и просит не грустить и
смерти ждать, как чуда. Ну что ж! попробую. 9 сентября 1964, Комарово По всей
вероятности, памяти Валерии Сергеевны Тюльпановой-Срезневской посвящено и
горестное четверостишие, затерявшееся в ахматовских бумагах 60-х годов:

Ты любила меня и жалела, Ты меня как никто поняла. Так зачем же твой голос и
тело смерть до срока у нас отняла?

Именно Срезневской, а не Цветаевой, как полагают некоторые биографы Ахматовой.

Марина Ивановна в юности и впрямь любила стихи Ахматовой, но в зрелости
понимала их плохо. «Поэма без героя», например, показалась ей бессмысленно
старомодной.

Эмма Герштейн вспоминает:

«Как было заранее условлено, я зашла за Анной Андреевной к Харджиеву, чтобы
идти с ней в театр. У Николая Ивановича я застала не только Ахматову, но и
Цветаеву... Анна Андреевна, такая домашняя, подтянутая, со своей петербургской
осанкой, а на некотором расстоянии от нее – нервная, хмурая, стриженная под
курсистку Марина Цветаева. Закинув ногу на ногу, опустив голову и смотря в пол,
она что-то говорила, и чувствовалось в этой манере постоянно действующая сила,
ничем непрерываемое упорство. Вскоре все поднялись и, дойдя до перекрестка,
разошлись...»

Много лет спустя, уже в шестидесятых, Эмма Григорьевна все-таки спросила у
Харджиева, помнит ли он, о чем был разговор в то давнее свидание:

«Анна Андреевна говорила мало, больше молчала, Цветаева перескакивала с
предмета на предмет». – «Они, кажется, не понравились друг другу?» – «Нет, этого
нельзя сказать, – задумался Николай Иванович, – это было такое касание, взаимное
касание кончиком ножа души. Уюта в этом не было».

Уют у Анны Андреевны, так уж случилось, бывал только с Валечкой
Тюльпановой-Срезневской...

...Легкая метель. Спокойный, очень тихий вечер... я все время была одна, телефон
безмолвствовал. Стихи идут все время, я, как всегда, их гоню, пока не услышу
настоящую строку. Весь декабрь, несмотря на постоянную боль в сердце и частые
приступы, был стихотворным, но «Мелхола» еще не поддается, т. е. мерещится
что-то второстепенное. Но я ее все-таки одолею.

1961

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

МЕЛХОЛА

Но Давида полюбила... дочь Саула, Мелхола.

Саул думал: отдам ее за него, и она будет ему сетью.

Первая книга Царств

И отрок играет безумцу царю, И ночь беспощадную рушит, И громко победную кличет
зарю, И призраки ужаса душит. И царь благосклонно ему говорит: «Огонь в тебе,
юноша, дивный горит, И я за такое лекарство отдам тебе дочку и царство». А царская
дочка глядит на певца, Ей песен не нужно, не нужно венца, В душе ее скорбь и
обида, Но хочет Мелхола – Давида. Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат; В зеленых
глазах исступленье; Сияют одежды, и стройно звенят Запястья при каждом
движенье. Как тайна, как сон, как праматерь Лилит... Не волей своею она
говорит: «Наверно, с отравой мне дали питье, И мой помрачается дух. Бесстыдство
мое! Униженье мое! Бродяга! Разбойник! Пастух! Зачем же никто из придворных
вельмож, Увы, на него непохож? А солнца лучи... а звезды в ночи... А эта холодная
дрожь...» 1922–1961

Анна Ахматова

Непогребенных всех – я хоронила их. Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

1964 ГОД

Канун Николы Зимнего (18 дек <абр>) Сейчас бы ко Всенощной в какой-нибудь
Московский Никольский собор. Завтра – Престол!

С Ангелом всех моих Николаев!

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Николай Гумилев. Рисунок Н. Войтинской. 1909 г. Опубликовано в журнале «Аполлон»,
2, 1909 г.

* * *

Как жизнь забывчива, как памятьлива смерть.15 июля 1961

* * *

<Николаю Гумилеву>

Всем обещаньям вопрекиИ перстень сняв с моей руки,Забыл меня на дне...Ничем не мог ты мне помочь.Зачем же снова в эту ночьСвой дух прислал ко мне?Он строен был, и юн, и рыж,Он женщиною был,Шептал про Рим, манил в Париж,Как плакальщица выл..Он больше без меня не мог:Пускай позор, пускай острог...Я без него могла –Смотреть, как пьют из лужи дрозди как гостей через погостЗовут колокола.1961В начале 60-х, когда полуоткрылись границы (и в прямом и переносном смысле) и контакты с деятелями белой эмиграции перестали квалифицироваться как государственная измена, Анна Андреевна, перебирая мужнины слова, видимо, пыталась представить, как бы сложилась судьба ее семьи, если бы, допустим, Гумилев не вернулся в Россию в 1918-м, а устроил так, чтобы и она, и Левушка все-таки уехали из России. Это в 1917-м Анна Ахматова могла, ничуть не кривя душой, сказать:

«Мне голос был. Он звал утешно / Он говорил: „Иди сюда, / Оставь свой край глухой и грешный. / Оставь Россию навсегда... / Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух, / Чтоб этой речью недостойной / Не осквернился скорбный дух“.

В 1961-м она так не думала, вернее, уже не могла позволить себе думать столь категорично.

И в самом деле – представим себе, как могла бы сложиться судьба и Гумилева-отца, и Гумилева-сына, да и самой Анны Андреевны, если бы Николай Степанович выполнил свое обещание, данное жене в мае 1917 года, когда вопрос о выезде в Париж семьи офицера экспедиционного корпуса еще не стоял так, как после октябрьского переворота.

Гумилев был твердо убежден, что умрет в 53 года, то есть в 1939-м или в самом начале 1940-го. Оставшись во Франции, в самом деле мог бы погибнуть именно так, как хотел: защищая твердыни европейской культуры от нацистского варварства: 1 сентября 1939 года Франция и Великобритания объявили войну Германии. Но до этого он, во-первых, из поэта великих, но до конца не реализованных возможностей стал бы великим русским поэтом (Ахматова была убеждена, что Николаю Степановичу не хватило для этого нескольких, совсем немногих, лет жизни). Во-вторых, именно Гумилев при его феноменальных организаторских способностях и столь же невероятной общительности сумел бы так поставить издательское и вообще литературное дело русского эмигрантского зарубежья, что оно не замкнулось бы на проблемах русской диаспоры, самолюбиво и провинциально отгородившись от культурной жизни Европы. А в скольких экспедициях – географических, этнографических и т. д. и т. п. он мог бы принять самое деятельное участие и сколько открытий чудных могла бы принести его странная склонность к нестандартным идеям и решениям! И Гумилев-младший не в шестьдесят, а в тридцать лет доказал бы миру и граду, что он блестящий историк. И пятнадцать лет каторги и десятилетия изгоя не изуродовали бы его психику...

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи.Мой окончен волшебный вечер, –Палачи, самозванцы, предтечи,И, увы, прокурорские речивсе уходят – мне снишься ты!Доплясавший свое пред Ковчегом,За дождем, за ветром, за снегомТень твоя над бессмертным брегом.Голос твой из недр темноты.И по имени! Как неустанноВслух зовешь меня снова... «Анна!»Говоришь мне как прежде – «Ты».13 мая 1963. Днем, Комарово13 мая 1963-го это 1 мая по старому стилю. Этот день в 1910 году Анна Андреевна и Николай Степанович провели в предотъездных сборах – на следующий день они уезжали в свадебное путешествие в Париж. Для Гумилева – накатанный путь, для Анны – первый выезд за границу, и она, естественно, очень волновалась... Но это было радостное волнение. Не случайна и вынесенная в название стихотворения дата: через 23 года. 1940 – год прихода «Поэмы без героя», где дан такой портрет Гумилева:

Существо это странного нрава.Он не ждет, чтоб подагра и славаВпопыхах усадили егоВ юбилейные пышные кресла,А несет по цветущему вереску,По пустыням свое торжество.И ни в чем не повинен: ни в этом,Ни в другом и не в третьем...ПоэтамВообще не пристали грехи.Проплясать пред Ковчегом ЗаветаИли сгинуть!...Да что там! Про этолучше их рассказали стихи.

* * *

Памяти Ник. Влад. Недоброво

Ангел, три года хранивший меня,Вознесся в лучах и огне,Но жду терпеливо сладчайшего дня,Когда он вернется ко мне.Как щеки запали, бескровны уста,Лица не узнать моего;Ведь я не прекрасная больше, не та,Что песней смутила его.Давно на земле ничего не боюсь,Прощальные помню слова.Я в ноги ему, как войдет,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
поклонюсь, А прежде кивала едва. 1922

В 1920 г. О.М. (Осип Манделъштам – А. М.) пришел ко мне на Сергеевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н.В. <недоброво> в Ялте, в декабре 1919 г. Он узнал об этом несчастье в Коктебеле у Волошина. И никогда никто больше не мог сообщить мне никаких подробностей. Вот какое было время!

Анна Ахматова, Из очерка

* * *

Памяти Николая Пунина

И сердце то уже не отзовется На голос мой, ликуя и скорбя. Все кончено... И песнь моя несется в глухую ночь, где больше нет тебя. 1953 По самой природе своей психики Николай Николаевич Пунин был, что называется, человеком золотой середины, хотя и оказался связанным и творчески (Малевич, Татлин, Хлебников), и сердечно (Ахматова) с людьми края (если вспомнить слова Пастернака о Маяковском: «Вы, певший Летучим Голландцем над краем любого стиха»). Даже в сталинский концлагерь Пунин угодил лишь осенью 1949-го, и, если бы не сердечный приступ в августе 1953-го, практически накануне освобождения, вернулся бы и к своим книгам, и своим музейным экспонатам, тяжело больным и не по годам старым, но вернулся бы...

Правда, это был не первый и даже не второй его арест. Впервые Николая Пунина взяли одновременно с Николаем Гумилевым, в августе 1921-го, но... выпустили! Его жена, женщина решительная, врач, проработавшая несколько лет в прифронтовом военном госпитале, хотя и была на сносях, ринулась в Москву, переполошила Ан. Луначарского, в ту пору еще почти всесильного, добилась от «наркома по просвещению» личного поручительства. Николая Николаевича отпустили через несколько дней после того, как всех остальных «таганцевцев», включая Гумилева, пустили в расход, захоронив в до сих пор не обнаруженном котловане. По всей вероятности, Ахматова была посвящена в эту семейную «тайну», иначе б не повторила в точности действия Анны Аренс-Пуниной. Как и Анна Евгеньевна в 1921-м, в 1935-м, не медля ни часа она отправилась в Москву: хлопотать за взятых чекистами сына и «старого друга» (26 октября 1935-го, на одной волне с Манделъштамом), аж перед самим Сталиным, включив в акцию сразу двух Борисов – Пастернака и Пильняка. (Пильняк был вхож к секретарю вождя народов Поскребышеву)... И вновь случилось невероятное: 3 ноября того же года и Льва Николаевича и Николая Николаевича из-под стражи «освободили». «Немедленно», еще скорее, чем четырнадцать лет назад, через десять дней! (В том страшном августе Николай Николаевич провел в тюремном заключении чуть больше месяца.)

О пережитом в местах лишения свободы Пунин распространяться не любил. Однако сам факт отметил: «Был в тюрьме. Ан. написала Сталину, Сталин велел выпустить. Это было осенью» (См. Пунин Николай Николаевич. Мир светел любовью. Дневники. Письма. Запись от 29 июля 1935 г.)

Записано, подозреваю, не столько для памяти, сколько для того, чтобы «лишить» жену ее главного аргумента в их внутрисемейной многолетней тяжбе, где он, изменщик, был навсегда, «непоправимо» виноват. И не потому только, что привел в их общий дом чужую женщину. Даже если Анна Евгеньевна из суеверия и по причине хорошего дворянского воспитания вслух этих слов и не произнесла, Николай Николаевич не мог не озвучивать более чем красноречивое молчание венчаной супруги. Дескать, в отличие от твоей Ахматовой, которая и пальцем не шевельнула, чтобы вступить за Гумилева, я вытащила тебя из могильной ямы, хотя и носила под сердцем твоего – тобою выпрошенного, вымоленного ребенка.

Однако и поступок Анны Андреевны приведенная выше дневниковая запись не то чтобы вовсе обесценивает, а как бы сильно занижает истинную его цену. Просто написала письмо Сталину? А кто в таких случаях не пишет?

И это вовсе не единственный эпизод, где автор Дневника предстает перед нами в невыигрышной позиции меж двух главных женщин своей любви и отнюдь не рыцарем без страха и упрека. И тем не менее книга в целом и следа не оставляет от того мало симпатичного третьего и последнего из ахматовских Николаев, который вживили в сознание широкой публики две самые многотиражные из современниц и confidentок Анны Андреевны – Надежда Манделъштам и Лидия Корнеевна Чуковская, хотя, видимо, прямой напраслины все-таки не возводили. Чтобы этот вывод не завис в пустоте,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru приведу пару примеров, из самых болезненных и «стыдных»; речь – о мелочной скарденности Николая Николаевича и его «пунических войнах» с сыном Ахматовой Львом.

Наверняка Ахматова, в сердцах, в «дни разрыва», и впрямь горько жаловалась Лидии Корнеевне, что Пунин постоянно раздражен житейской ее беспомощностью (они, мол, надрываются, пытаюсь заработать хотя бы прожиточный минимум, а она...) И все-таки, исходя только из опубликованных текстов, включая и переписку Пунина и Ахматовой, предполагаю, что и сама Анна Андреевна, а за ней и Чуковская-дочь, сложением усилий, сильно огрубили, хотя и по разным причинам, ситуацию. И в данном конкретном случае и вообще. Николая Николаевича действительно сильно угнетало безденежье, но (см. Дневник, уж он-то не лжесвидетельствует!) не потому, что был скуп, а потому, что не мог, как хотелось бы, не считать рубли и копейки. Когда-то, в самом начале растянувшегося на семилетие жениховства, двадцатипятилетний Пунин писал будущей жене:

«Я знаю, что к Вам я могу прислониться, как к камню, если меня задавит жизнь» (письмо от 17 июля 1913 г.). В отношениях с Анной Андреевной, равно как и с многочисленными родственниками, особенно после того, как на него свалились заботы о семье младшего брата Анны Евгеньевны, репрессированного за «происхождение», Пунину пришлось годами исполнять роль камня, к которому могли бы «прислониться» те, кто слабее и несчастнее.

Согласитесь, одно дело родиться человеком камня, и совсем другое – окаменеть под слишком высоким давлением обстоятельств, да еще и стать «упорным работником», вовсе не будучи таковым по генетическому предопределению..

Среди ахматовских «заботников» и «заботниц» антипунинцы составляют весьма внушительный подотряд. Особенно не по сердцу им то, что Анна Андреевна, когда наконец-то стала прилично зарабатывать стихотворными переводами, была нерасчетливо, по-королевски щедра к «девочкам Пуниным» – к дочери его и внучке. На намеки подобного рода Ахматова, как уже вскользь упоминалось, никогда не откликнулась: переносила их молча. Не могла же она в самом деле сказать, что отдает взятое в долг? Но это было уже после смерти Николая Николаевича. А при его жизни любую ситуацию мысленно (и не только!) разворачивала так, что в должниках оказывался один он. Конечно, Анна Андреевна и тогда прекрасно знала, какого нервного напряжения стоила Пунину (его ведь даже от мобилизации в 14-м году медкомиссия освободила по причине крайней нервности) вынужденная твердокаменность. Но ей нравилось быть несправедливой! Несправедливость утишала обиду, которую приходилось скрывать: «От тебя я сердце скрыла, словно бросила в Неву!» Драма Пунина, похоже, тем и кровоточила, что его не-выбором оказались одинаково сильно оскорблены обе Анны. Анна Евгеньевна отрицательных эмоций не таила. Анна Андреевна долго переносила двусмысленное свое положение тихо и молча. Хотя это вовсе не означало, что милый друг Легкое Сердце, который так и не развелся ради нее с женой, прощен и оправдан. А кроме того, на взгляд Анны Андреевны, унаследовавшей от матери почти патологическое равнодушие к надежной собственности (Ахматова, как известно, немедленно раздаривала даже преподнесенные ей подарки), Николай Николаевич, страдающий из-за безденежья (нечем заплатить за дрова, за художественную штопку выходной, лекционной, пиджачной пары, за сливочное масло для дочери, перенесшей тяжелую операцию, и т. п.) – и впрямь выглядел скупердяем..

Считается также, с легкой, точнее, тяжелой, руки Надежды Яковлевны Мандельштам, что Пунин сына Анны Андреевны не переносил и при его виде сразу начинал «пунические войны». Отчасти это подтверждает и его знаменитое Письмо к Ахматовой (из Самарканда в Ташкент от 14 апреля 1942 года), где Николай Николаевич признает за собой вину передевой. Действительно для Пуниных Лева был дичком из Бежецка, с их Акумой как бы и не имеющим прямого родства. В фонтанном Доме его не воспринимали как равноправного члена семьи даже тогда, когда он уже учился в Ленинграде. Что до Николая Николаевича, то он, вообще-то любивший детей, именно этого мальчика действительно не любил. Гумилев-сын в подростковом возрасте стал слишком уж походить на своего отца. И повадкой, и странностями, и завиральностью идей. До декабря 1924 года Пунин к мертвому Николаю Степановичу практически Анну Андреевну не ревновал, спокойно отмечая в Дневнике, что она правильно сделала, уйдя от Гумилева и порвав с «богемой». Но в начале того декабря в дом к Ахматовой заявился обходительный и обаятельный молодой человек – Павел Николаевич Лукницкий, вздумавший собирать материалы к биографии Н. С. Гумилева, и они, Лукницкий и Ахматова, закопались и окопались в этих материалах на целых пять лет. Было от чего заревновать, тем паче, что молодой человек ненароком в Анну Андреевну влюбился, и не на шутку. Однако дело, думаю, не только в ревности Николая Пунина к Николаю Гумилеву. Дело, как мне представляется, скорее в том, что Пунин вообще не любил тех, кто его не любил. А этот мальчишка, нескладный и странный, его откровенно не выносил, невзлюбив заочно, до личного знакомства.

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
Наверное, другой человек, не-пунинской складки, попав в аналогичную ситуацию, постарался бы завоевать если не сердце, то хотя бы лояльность трудного подростка. Пунин же нелюбовь к себе преодолеть не умел. Он даже женщин не выбирал сам. Ждал, когда та или иная сделает ему разрешающий приближение знак. Так было с женой. Так было и с Ахматовой. При всей своей чуткости Анна Андреевна этого, видимо, не замечала по более чем понятной (со стороны!) причине: все остальные мужчины ее судьбы были из рода завоевателей. А Пунин... Десять, какое там, четырнадцать лет ходил мимо, а стоило ей сделать еле заметный шаг навстречу – всего лишь записка с приглашением в «Звучащую раковину» (август – начало сентября 1922), а он – и месяца не прошло – уже «не может без нее» (письмо от 19 октября 1922 г.). И это при том, что приглашение вовсе не содержало в себе никаких намеков, наоборот. Поэтическую студию «Звучащая раковина» вел до своей гибели Гумилев, заседание, на которое Ахматова звала Николая Николаевича, устраивалось негласно к годовщине его гибели на частной квартире. Как объяснил ей эту странность Пунин, мы не знаем. Ни Дневник, ни письма к Анне Андреевне ответа не дают. По всей вероятности, как-то объяснил. Но, видимо, не настолько внятно, чтобы Анна Андреевна время от времени не возвращалась к этой загадке. В воспоминаниях Фаины Раневской сохранен такой эпизод:

«В тот вечер мы вдруг заговорили о том, что в жизни каждой из нас было самого страшного. Зная ее жизнь, я замерла. Она рассказывала первой. Вспомнила, как однажды шла в Петербурге по Невскому – народу почему-то было немного – и вдруг увидела идущего ей навстречу Пунина... „У меня была доля секунды, чтобы как-то собраться, вытянуться, выглядеть так, как хотелось бы. Я успела. Пунин встретился со мной взглядом и, „не узнав“, прошел мимо. Вы знаете, Фаина, в моей жизни было много всего. Но именно эта невстреча оставила самое гнетущее чувство. До сих пор не могу от него избавиться. Вам это не кажется странным?“

Процитированный фрагмент из дневниковых замет Ф.Г. Раневской, датированный декабрем 1964 года, общеизвестен, но не отрефлектирован. На всякий случай его, без объяснений, привязывают к периоду «разрыва» (вторая половина 30-х годов) и помещают в раздел «Комментарии», не замечая, что эта датировка делает из Анны Ахматовой полусумасшедшую и нелепую старуху. Через одиннадцать лет после трагической в инвалидном лагере гибели Николая Николаевича злопамятно вспоминать как самое страшное в своей жизни то, что он, видите ли, прошел мимо нее на Невском! и когда? В то время, когда они, живя в одной квартире, не разговаривали и, сталкиваясь у туалета, делали вид, что не видят друг друга? Но все-все подробности этого рассказа обретут совсем иной, важный смысл, если мы поставим его в правильный временной и ситуационный контекст, то есть отнесем к началу века. Ведь Ахматова, называя «город на Неве» по имени, аккуратно употребляла именно то, каким его называли в народе («Петербург в 1913 году, Питер – в 1918-м, Ленинград в 1941-м»). Следовательно, случай на Невском в Петербурге мог произойти лишь тогда, когда Ленинград – Питер был еще Петербургом, то есть до первой войны или в самом ее начале, может быть, вскоре после 24 октября 1914 года, когда Пунин и Ахматова, впервые оказавшись вдвоем в царскосельском поезде, разговорились, и Анна Андреевна, видимо, полагала, что произвела на своего спутника сильное впечатление. Неудивительно, что, случайно встретив его на Невском, разволновалась и „подобралась“ – чтобы выглядеть как хотелось!

Ахматова заговорила с Раневской об этой обиде – встретился взглядом и не узнал!!! – в декабре 1964-го. Поскольку она всегда отмечала всякого рода годовщины, можно предположить, что данный эпизод произошел ровно полвека назад, в декабре 1914-го, а может быть, даже 1 декабря! Потому что именно 1 декабря 1924 года, то есть в первую десятилетнюю годовщину их роковой невстречи, Анна Андреевна в открытую сказала Пунину:

«Я тебе не могу простить, что ты прошел мимо... в начале XX».

Словом, в год последних итогов, в присутствии Фаины Раневской Анна Андреевна положила в «укладку», да так, чтобы легла сверху, записочку, в которой «наискосок» ответила на неизбежный и для читателей, и для биографов вопрос, кого же из многих и разных мужчин своей судьбы она и вправду любила? Ежели б не любила, не стала бы, на старости, проживая сызнова миновавшую жизнь, представлять себе, как бы сложилась ее судьба, если бы тогда, на Невском еще неженатый Пунин не прошел мимо.

«Приехал к ней из Стокгольма почтительный швед, писавший о ней какую-то ученую книгу. Через два-три дня ее спросили, прились ли ей по душе те суждения, какие он высказал об ее даровании.

Анна Андреевна мгновенно ответила:

– Я никогда не видела такой ослепительной белой рубашки, как та, что была на нем. Мы тут воевали, устраивали революцию, голодали, снова воевали, а шведы все

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
эти годы сти-и-рали и гла-а-дили эту рубашку.
Последние слова Анна Андреевна произнесла очень протяжно».
Корней Иванович Чуковский, На воспоминаний об Анне Ахматовой

Комната Анны Андреевны на Ордынке, в Москве, в квартире Ардовых

Анна Ахматова. Комарово. 1962 г.

* * *

«...К ней приходили почти ежедневно – и в Ленинграде, и в Комарове. Не говоря уже о том, что творилось в Москве, где все это столпотворение называлось „ахматовкой“... Анна Андреевна была, говоря коротко, бездомна и – воспользуясь ее собственным выражением – беспастушна. Близкие знакомые называли ее „королева-бродяга“; и действительно, в ее облике – особенно когда она вставала вам навстречу посреди чьей-нибудь квартиры – было нечто от странствующей бесприютной государыни. Примерно четыре раза в год она меняла место жительства: Москва, Ленинград, Комарово, опять Ленинград, опять Москва и т. д. Вакуум, созданный несуществующей семьей, заполнялся друзьями и знакомыми, которые заботились о ней и опекали по мере сил...

Существование это было не слишком комфортабельное, но тем не менее все-таки счастливое в том смысле, что все ее сильно любили. И она любила многих. То есть каким-то образом вокруг нее всегда возникало некое поле, в которое не было доступа дряни. И принадлежность к этому полю и этому кругу на многие годы вперед определила характер, поведение, отношение к жизни многих – почти всех – его обитателей. На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной внутренней щедрости, от нее исходивших».

Иосиф Бродский

Анна Ахматова. 1962 г.

Прошлой зимой, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи – побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Анна Ахматова, «Коротко о себе» в 1961 году по Москве полетел слух, что Ахматова, вслед за Пастернаком, выдвинута на Нобелевскую премию. Анна Андреевна и обрадовалась, и всполошилась: а ну как выплывет потаенный «Реквием» и у нее, а главное, у сына, наконец-то защитившего докторскую диссертацию, опять начнутся соответствующие неприятности. Нобеля в том году, к счастью, получил другой поэт, и тогда итальянцы, продолжающие считать родину Данте центром мировой поэзии, присудили Анне Ахматовой более скромную, но ничуть не менее престижную литературную премию «Этна-Таормина». Первого декабря 1964 года в сопровождении Ирины Пуниной она вылетела из Ленинграда; Анну Всея Руси наконец-то выпустили за границу, в Италию; до Вены самолетом, а оттуда через Альпы поездом.

Альпы. Зимой зрелище мрачное. Снова вспоминаю сон 30 авг<уста> о хаосе. Скорость самолетная. Мне – дурно...

Подъезжаем к Риму. Все розово-ало. Похоже на мой последний незабвенный Крым 1916 года, когда я ехала из Бахчисарая в Севастополь, простившись навсегда с Н. В. н<едоброво>.

Рим. Первое ощущение чьего-то огромного, небывалого торжества. Передать словами еще не могу, однако, надежду не теряю.

Hotel Plaza... Я – все еще не в себе после Альп.

Cafe Греко. Автограф Гоголя. («Я только в Риме могу писать о России...») Там весь 19 век. Старомодно и очаровательно. (Не о Р<име>, конечно, а Cafe Греко.)

Воскресенье. На площади Св<ятого> Петра. Папа. Чувство, что время работает на нас, т. е. на русскую культуру.

В Риме есть что-то даже кошунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной.)

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
В Катанье. В древнейшем дворце Урсино (15 век) 12 дек<абря> 1964 я прочла мою «Музу». Огромная внешняя лестница казалась неодолимым препятствием. Думала – не дойду. Мерещились факелы и стук копыт... Дорога в Рим трудная.
Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Анна Ахматова после вручения премии «Этна-Таормина» вместе с членами комитета по премиям. Италия. 1964 г.

Церемония вручения премии «Этна-Таормина» состоялась 12 декабря 1964 года в старинном замке Урсино. Присутствовавшая на этом торжестве итальянская писательница Джанна Мандзини вспоминает:

«Речи, вручение премии, аплодисменты и аплодисменты. Все время сидя, с выпрямленными плечами и высоко поднятой головой, она произнесла короткую благодарственную речь. Но повернулась, захваченная врасплох, когда ей преподнесли в подарок сицилийскую марионетку. Она улыбнулась. Взгляд блеснул, как лезвие, когда, нагнувшись, она внимательно и с удивлением всматривалась в эту странную игрушку для взрослых.

Еще больше тронуло меня, когда ей подарили большую «Божественную Комедию» в издании «Канези» с иллюстрациями Боттичелли. Меня тронуло не только радостное и восхищенное «О!», которое ее губы явственно обрисовали, но и то, что она сразу же поспешно надела очки, совсем просто, по-домашнему. Она больше не сидела за почетным столом. Она была за своим рабочим столиком наедине с высочайшим произведением, далеко от всяких торжественных церемоний.

Повторяю, она все время сидела. Но, когда ее попросили прочесть какое-нибудь короткое стихотворение, она встала. Она встала ради поэзии.

Что за голос! – чуть гортанный, широкий – открытый горизонт и древний плач...

Стихотворение, которое она любезно согласилась прочитать нам, не было, не могло быть тем, посвященным Данте. Но мне нравится думать, что это было оно.

Поэт-изгнанник, увиденный ею, удивляет и волнует меня...»

О.А. Глебова-Судейкина с куклой собственной работы

Итальянский сувенир, сицилийская марионетка, возвращал ее в молодость: подруга Анны Андреевны Ольга Судейкина, актриса и танцовщица, – «Коломбина 10-х годов», помимо всего прочего, мастерила замечательных театральных кукол, и когда в начале 20-х гг. они жили вместе, Ахматову окружали и развлекали Ольгины марионетки.

Когда-то, в 1916 г., Марина Цветаева возвела Анну Ахматову в высочайший чин: Златоустой Анне – вся Русийскупительному глаголу – Ветер, голос мой донеси. В Италии Ахматову чествовали как Великую княгиню Русской поэзии. По всей вероятности, именно с этим событием и с воспоминаниями о Цветаевой, о которой много говорили в Париже, связано «непонятное» двустишие:

Нужен мне он или не нужен – Этот титул мной заслужен. 1965

* * *

И это станет для людей Как времена Веспасиана, А было это – только раная мука
облачко над ней. 18 декабря. Рим. Ночь

По возвращении из Италии на родину Ахматова получила и еще один подарок к новому, 1965 году: приглашение в Англию – по случаю присуждения ей звания почетного доктора литературы. Инициатором выдвижения был Оксфордский университет.

На обратном пути из Лондона, хотя на это и не было спецразрешения, Ахматова, благодаря счастливому стечению обстоятельств, на несколько дней задержалась в Париже.

Анна Ахматова и Анна Каминская. Лондон. 5 июня 1965 г.

Георгий Адамович вспоминает:

«Анна Андреевна провела в Париже три дня. Был я у нее три раза. При первой же встрече я предложил ей поехать на следующее утро покататься по Парижу, где дважды была она в ранней молодости, больше чем полвека тому назад. Она с

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru радостью приняла мое предложение и сразу заговорила о Модильяни, своем юном парижском друге, будущей всесветной знаменитости, никому еще в те годы неведомом.

Был чудесный летний день, один из тех ранних, свежих, прозрачно-ясных летних дней, когда Париж бывает особенно хорош. За Ахматовой мы заехали вместе с моими парижскими друзьями, владеющими автомобилем и заранее радовавшимися встрече и знакомству с ней. Прежде всего Анне Андреевне хотелось побывать на рю Бонапарт, где она когда-то жила. Дом оказался старый, вероятно, восемнадцатого столетия, каких в этом парижском квартале много. Стояли мы перед ним несколько минут. «Вот мое окно, во втором этаже... сколько раз он тут у меня бывал», – тихо сказала Анна Андреевна, опять вспомнив Модильяни и будто силясь скрыть свое волнение. Оттуда поехали в Булонский лес, где долго сидели на залитой солнцем террасе какого-то кафе, и наконец отправились на Монпарнас, завтракать в «Купель», шумный, переполненный народом ресторан, до войны бывший местом ночных встреч парижской литературной и художественной богемы, в том числе и русской, эмигрантской.

Ахматова села, внимательно оглядела огромный квадратный зал, улыбнулась, вздохнула и наконец сказала:

– Если бы вы знали, что это!... вот так сидеть... а вокруг все эти люди, эта молодежь... входят, выходят, смеются, веселые, оживленные, беспечные...

Фразу она оборвала, своего «если бы вы знали» не договорила, не объяснила. Но объяснений и не нужно было, и недопустимо было бы на них настаивать. Все было понятно».

Георгий Адамович, «Мои встречи с Ахматовой»...В последних числах мая 1965 года Ахматова... приехала в Англию для получения в Оксфорде звания доктора honoris causa. На обратном пути ей было разрешено остановиться в Париже... В эти дни у меня с Ахматовой были три встречи, продолжавшиеся в общей сложности более восьми часов... Вести разговор было нелегко, в комнату все время входили люди. В какой-то момент, по ее просьбе, я подсел к ней. Она вынула из сумки фотографию и рукопись: „Смотрите, мне только что принесли“. Это была семейная фотография 1916 года: слева Гумилев в форме, перед отъездом на фронт, „с одним „Георгием“, как пояснила она мне, справа Ахматова, посередине сын. Чувствуется отчужденность и какой-то мир. Я это сказал Анне Андреевне. Она отнеслась недоверчиво: „Мир? Не знаю“. Рукопись была написана рукой Гумилева: шуточное стихотворение и рисунок в красках“.

Никита Струве, из воспоминаний Ахматова одна из первых заметила и оценила талант тогда еще совсем юного Иосифа Бродского; во многом именно благодаря ее хлопотам поэт, осужденный за тунеядство, был в конце концов возвращен из северной ссылки. Ему, первому, и написала, добравшись наконец до своей Будки.

Анна Ахматова – Иосифу Бродскому
Иосиф, милый!

Так как число неотправленных Вам моих писем незаметно стало трехзначным, я решила написать Вам настоящее, т. е. реально существующее письмо (в конверте, с маркой, с адресом), и сама немного смутилась.

Сегодня Петров день – самое сердце лета. Все сияет и светится изнутри. Вспоминаю столько [самых] [таких] разных Петровых дней.

Я – в Будке. Скрипит колодезь, кричат вороны. Слушаю привезенную по Вашему совету «Дидону». Это нечто столь могущественное, что говорить о нем нельзя.

Оказывается, мы выехали из Англии на другой день после ставшей настоящим бедствием бури, о которой писали в газетах. Узнав об этом, я поняла, почему я увидела такой страшной северную Францию из окна вагона. Тогда подумала: «Такое небо должно быть над генеральным сраженьем». (День, конечно, оказался годовщиной Ватерлоо, что мне сказали в Париже.) Черные дикие тучи кидались друг на друга, вся земля была залита бурной мутной водой: речки, ручьи, озера вышли из берегов. Из воды торчали каменные кресты – там множество кладбищ и отдельных могил от последней войны.

Иосиф Бродский в ссылке

Потом был Париж, раскаленный и неузнаваемый. Потом обратный путь, когда хотелось только одного – домой, домой...

12 июля 1965, Комарово Вернувшись домой ответила стихами Георгию Адамовичу, а через него, наискосок, всем бывшим русским, в том числе и И. Берлину, «Гостю из Будущего», как он назван в «Поэме без героя», в таком загадочном четверостишии:

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru

* * *

Не в таинственную беседку поведет этот пламенный мост: одного в золоченую клетку, а другую на красный помост. 5 августа 1965

А как музыка зазвучала, я очнулась – вокруг зима; стало ясно, что у причала стало ясно, что у причала Государыня – смерть сама.

ПОЭМЫ

Анна Андреевна Ахматова. Художник Н. Тырса. 1927 г.

«В характере Ахматовой было немало разнообразнейших качеств, не вмещающихся в ту или иную упрощенную схему... Порою, особенно в гостях, среди чужих, она держала себя с нарочитою чопорностью, как светская дама высокого тона, и тогда ей чувствовался тот изысканный лоск, по которому мы, коренные петербургские жители, безошибочно узнавали людей, воспитанных Царским Селом...

Один напыщенный критик даже назвал ее «Звездой Севера». Почему-то все охотно забывали, что родилась она у Черного моря и в детстве была южной дикаркой – лохматой, шальной, быстроногой... какой она описала себя в поэме «У самого моря»:

Бухты изрезали низкий берег, все паруса убежали в море. А я сушила соленую косу за версту от земли на плоском камне. Ко мне приплывала зеленая рыба, ко мне прилетала белая чайка, а я была дерзкой, злой и веселой. И вовсе не знала, что это – счастье. «Вы и представить себе не можете, каким чудовищем я была в те годы, – вспоминала она четверть века спустя. – Вы знаете, в каком виде барышни ездили в то время на пляж? Корсет, сверху лиф, две юбки, одна из них крахмальная, – и шелковое платье. Разоблачится в купальне, наденет такой же нелепый и плотный купальный костюм, резиновые туфельки, особую шапочку, войдет в воду, плеснет на себя – и назад. И тут появлялось чудовище – я, в платье на голом теле, босая. Я прыгала в море и уплывала часа на два. Возвращаясь, надевала платье на голое тело... И, кудлатая, мокрая, бежала домой».

В каких бы царскосельских и ленинградских обличьях ни являлась она в своих книгах и в жизни, я всегда чувствовал в ней ту «кудлатую» бесстрашную девчонку, которая в любую погоду с любого камня, с любого утеса готова была броситься в море – навстречу всем ветрам и волнам».

Корней Иванович Чуковский, из воспоминаний об Анне Ахматовой. В декабре 1913 года Анна Андреевна была торжественно приглашена в гости к Блоку. Блок в те месяцы вновь работал над «Возмездием», жаловался гостю, что ему мешает Лев Толстой, а Анну расспрашивал о ее севастопольском детстве, черноморской юности и очень удивился тому, что она до сих пор ничего не написала про свой удивительный Херсонес. И вообще: почему бы ей не попробовать себя в поэме? Не получается как хотите? А Вы рискните – а вдруг?

И она рискнула! Блоку мешал Толстой, ей – южные поэмы Пушкина, но она все-таки написала настоящую, свою, от первой до последней строчки – ахматовскую, поэму про дикую девочку, родившуюся у самого синего моря, на улице Хрустальной, и о заморском царевиче, который ее, «мертвую царевну», так и не «расколдовал»...

Эта фотография – единственное изображение замужней Ахматовой, в котором можно угадать «дикую девочку», шальную и быстроногую.

У САМОГО МОРЯ
Поэма

1

Бухты изрезали низкий берег, все паруса убежали в море, А я сушила соленую косуза версту от земли на плоском камне. Ко мне приплывала зеленая рыба, ко мне прилетала белая чайка, А я была дерзкой, злой и веселой и вовсе не знала, что это – счастье. В песок зарывала желтое платье, чтоб ветер не сдул, не унес бродяга, и уплывала далеко в море, на темных, теплых волнах лежала. Когда возвращалась, маяк с востока уже сиял переменным светом, и мне монах у ворот Херсонеса говорил: «Что ты бродишь ночью?» Знали соседи – я чую воду, и, если рыли новый колодец, звали меня, чтоб нашла я место, люди напрасно не трудились. Я собирала французские пули, как собирают грибы и чернику, и приносила домой в подоле осколки ржавые бомб тяжелых. И говорила сестре сердито: «Когда я стану царицей, выстрою шесть броненосцев и шесть канонерских лодок, чтобы бухты мои охраняли до самого фиолента». А вечером перед кроватью молилась темной иконке, чтоб град не побил черешен, чтоб крупная рыба ловилась, чтоб хитрый бродяга не заметил желтого платья. Я с рыбаками дружбу водила. Под опрокинутой лодкой часто во время ливня с ними сидела, про море слушала, запоминала, каждому слову тайно веря. И очень ко мне рыбаки привыкли. Если меня на пристани нету, старший за мною слал девчонку, и та кричала: «Наши вернулись! Нынче мы камбалу жарить будем». Сероглаз был высокий мальчик, на полгода меня моложе. Он принес мне белые розы, мускатные белые розы, и спросил меня кратко: «Можно с тобой посидеть на камнях?» Я смеялась: «На что мне розы? Только колотся больно!» – «Что же, – он ответил, – тогда мне делать, если так я в тебя влюбился». И мне было обидно: «Глупый! – Я спросила. – Что ты – царевич?» Это был сероглазый мальчик, на полгода меня моложе. «Я хочу на тебе жениться, – он сказал, – скоро стану взрослым, поеду с тобой на север...» Заплакал высокий мальчик, оттого что я не хотела ни роз, ни ехать на север, плохо я его утешала: «Подумай, я буду царицей, на что мне такого мужа?» «Ну, тогда я стану монахом, – он сказал, – у вас в Херсонесе». «Нет, не надо лучше: монахи только делают, что умирают. Как придешь – одного хоронят, а другие, знаешь, не плачут». Ушел не простившись мальчик, унес мускатные розы, и я его отпустила, не сказала: «Побудь со мною». А тайная боль разлуки застонала белою чайкой над серой полынной степью, над пустынной, мертвой Корсунью.

2

Бухты изрезали низкий берег, дымное солнце упало в море. Вышла цыганка из пещеры, пальцем меня к себе поманила: «Что ты, красавица, ходишь боса? Скоро веселой, богатой станешь. Знатного гостя жди до Пасхи, знатному гостю кланяться будешь; ни красотой твоей, ни любовью, – песней одного гостя приманишь». Я отдала цыганке цепочку и золотой крестильный крестик. Думала радостно: «Вот он, милый, первую весть о себе мне подал». Но от тревоги я разлюбила все мои бухты и пещеры; я в камыше гадюк не пугала, крабов на ужин не приносила, а уходила по южной балке за виноградниками в каменоломню, – туда не короткой была дорога. И часто случалось, что хозяйка хутора нового мне кивала, кликала издали: «Что не заходишь? Все говорят – ты приносишь счастье». Я отвечала: «Приносят счастье только подковы да новый месяц, если он справа в глаза посмотрит». В комнаты я входила не любила. Дули с востока сухие ветры, падали с неба крупные звезды, в нижней церкви служили молебны о моряках, уходящих в море, и заплывали в бухту медузы, словно звезды, упавшие за ночь, глубоко под водой голубели. Как журавли курлыкают в небе, как беспокойно трещат цикады, как о печали поет солдатка, все я запомнила чутким слухом, да только песни такой не знала, чтобы царевич со мной остался. Девушка стала мне часто снится в узких браслетах, в коротком платье, с дудочкой белой в руках прохладных. Сядет, спокойная, долго смотрит, и о печали моей не спросит, и о печали своей не скажет, только плечо мое нежно гладит. Как же царевич меня узнает, разве он помнит мои приметы? Кто ему дом наш старый укажет? Дом наш совсем вдали от дороги. Осень сменилась зимой дождливой, в комнате белой от окон дуло, и плещ мотался по стенке сада. Приходили на двор чужие собаки, под окошком моим до рассвета выли. Трудное время для сердца было. Так я шептала, на двери глядя: «Боже, мы мудро царствовать будем, строить над морем большие церкви и маяки высокие строить. Будем беречь мы воду и землю, мы никого обижать не станем».

3

Вдруг подобрело темное море, ласточки в гнезда свои вернулись, и сделалась красной земля от маков, и весело стало опять на взморье. За ночь одну наступило лето, – так мы весны и не видали. И я совсем перестала бояться, что новая доля минет. А вечером в вербную субботу, из церкви придя, я сестре сказала: «На тебе свечку мою и четки, Библию нашу дома оставлю. Через неделю настанет Пасха, и мне давно пора собираться, – верно, царевич уже в дороге, морем за мной он сюда приедет». Молча сестра на слова дивилась, только вздохнула, – помнила, верно, речи цыганкины у пещеры. «Он привезет тебе ожерелье с голубыми камнями кольца?» «Нет, – я сказала,

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
– мы не знаем,Какой он подарок мне готовит».Были мы с сестрой одноклассники так друг на друга похожи,Что маленьких нас различалаТолько по родинкам наша мама.С детства сестра ходить не умела,Как восковая кукла, лежала;Ни на кого она не сердиласьИ вышивала плащаницу,Бредила даже во сне работой;Слышала я, как она шептала:«Плащ Богородицы будет синим...Боже, апостолу ИоаннуЖемчужин для слез достать мне негде...»Дворик зарос лебедой и мятой,Ослик щипал траву у калитки,И на соломенном длинном креслеЛена лежала, раскинув руки,Все о работе своей скучала, –В праздник такой грешно трудиться.И приносил к нам соленый ветерИз Херсонеса звон пасхальный.Каждый удар отдавался в сердце,С кровью по жилам растекался.«Леночка, – я сестре сказала, –Я уйду сейчас на берег.Если царевич за мной придет,Ты объясни ему дорогу.Пусть он меня в степи нагонит:Хочется на море мне сегодня».«Где же ты песенку услышала,Ту, что царевича приманит? –Глаза приоткрыв, сестра спросила. –В городе ты совсем не бываешь,А здесь поют не такие песни».К самому уху ее склонившись,Я прошептала: «Знаешь, Лена,Ведь я сама придумала песню,Лучше которой нет на свете».И не поверила мне и долго,Долго с упреком она молчала.

4

Солнце лежало на дне колодца,Грелись на камнях сколопендры,И убегало перекасти-поле,Словно паяц горбатый кривляясь,А высоко взлетевшее небо,Как Богородицын плащ, синело, –Прежде оно таким не бывало.Легкие яхты с полдня гонялись,Белых бездельниц столпилось многоУ константиновской батареи, –Видно, им ветер нынче удобный.Тихо пошла я вдоль бухты к мысу,К черным, разломанным, острым скалам,Пеной покрытым в часы прибоя,И повторяла новую песню.Знала я: с кем бы царевич ни был,Слышит он голос мой, смутившись, –И оттого мне каждое слово,Как Божий подарок, было мило.Первая яхта не шла – летела,И догоняла ее вторая,А остальные едва виднелись.Как я легла у воды – не помню,Как задремала тогда – не знаю,Только очнулась и вижу: парусБлизко полощется. Передо мною,По пояс стоя в воде прозрачной,Шарит руками старик огромныйВ щелях глубоких скал прибрежных,Голосом хриплым зовет на помощь.Громко я стала читать молитву,Как меня маленькую учили,Чтобы мне страшное не приснилось,Чтоб в нашем доме бед не бывало.Только я молвила: «Ты Хранитель!» –Вижу – в руках старика белеетЧто-то, и сердце мое застыло...Вынес моряк того, кто правилСамой веселой, крылатой яхтой,И положил на черные камни.Долго я верить себе не смела,Пальцы кусала, чтобы очнуться:Смуглый и ласковый мой царевичТихо лежал и глядел на небо.Эти глаза, зеленее моряи кипарисов наших темнее, –Видела я, как они погасли...Лучше бы мне родиться слепой.Он застонал и невнятно крикнул:«Ласточка, ласточка, как мне больно!»Верно, я птицей ему показалась.В сумерки я домой вернулась.В комнате темной было тихо,И над лампадкой стоял высокий,Узкий малиновый огонечек.«Не приходил за тобой царевич, –Лена сказала, шаги услышав, –Я прождала его до вечерний посылала детей на пристань».«Он никогда не придет за мною,Он никогда не вернется, Лена.Умер сегодня мой царевич».Долго и часто сестра крестилась,Вся повернувшись к стене, молчала.Я догадалась, что Лена плачет.Слышала я – над царевичем пели:«Христос воскрес из мертвых», –И несказанным светом сиялаКруглая церковь.Июль-октябрь 1914, Слепнево – Царское Село«Выстрою шесть броненосцев и шесть канонерских лодок...»Про броненосцы и канонерские лодки дикая девочка Аня Горенко знала все. Ее отец Андрей Антонович курировал судостроительные заводы Николаева. К моменту написания поэмы «У самого моря» в Николаеве заложены и спущены на воду шесть броненосцев: «Екатерина II», «Чесма», «Синоп», «Князь Потемкин Таврический», «Двенадцать Апостолов», «Императрица Мария».

У канонерских лодок имена попроше: «Черноморец», «Запорожец», но на открытках, которые отец привозил детям из командировок, и они выглядели очень даже внушительно. Но больше всех Анне в детстве правился броненосец «Двенадцать Апостолов», и не потому что красивее других, а потому что был ее ровесником: его заложили в августе 1889. По-видимому, именно с этим обстоятельством – длительной отлучкой Андрея Антоновича по служебным делам, – объясняется необычно долгая задержка с обрядом крещения Анны – здоровую девочку, родившуюся 11 июня, окрестили только 17 декабря.

Броненосец «Двенадцать Апостолов»

14 марта 1916 г. Петроград

Многоуважаемая Анна Андреевна,

Хоть мне и очень плохо, ибо я окружен болезнями и заботами, все-таки мне приятно Вам ответить на посылку Вашей поэмы [52] . Во-первых, поэму ужасно хвалили разные люди и по разным причинам, хвалили так, что я вовсе перестал в

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru нее верить. Во-вторых, много я видел сборников стихов, авторов «известных» и «неизвестных»; всегда почти – посмотришь, видишь, что, должно быть, очень хорошо пишут, а мне все не нужно, скучно, так что начинаешь думать, что стихов вообще больше писать не надо; следующая стадия – что я стихов не люблю; следующая – что стихи вообще – занятие праздное; дальше – начинаешь уже всем об этом говорить громко. Не знаю, испытали ли Вы такие чувства; если да, – то знаете, сколько во всем этом большого, лишнего груза.

Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они – не пустяк, и много такого – отрадного, свежего, как сама поэма. Все это – несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваши «вовсе не знала», «у самого моря», «самый нежный, самый кроткий» (в «Четках»), постоянное «совсем» (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и «сюжет»: не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравниваний с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, большее. – Но все это – пустяки, поэма настоящая, и Вы – настоящая...

Преданный Вам Ал. Блок

...Но в мире нет власти грозней и страшней, Чем вещее слово поэта. «Ее называли камерной, комнатной, интимной, тихой, тишайшей. Даже такой человек, как Тынянов, говорил о шепотной Ахматовой. Этому отдали дань почти все, вплоть до Твардовского.

– Чем вы объясняете такое явление: выхожу к публике, читаю очень тихо, прекрасно слушают... Кто-то из зашедших в артистическую говорит: «Громкие стихи»... Камерная, интимная, тишайшая, как оказалось, выразила целую эпоху, громоносную эпоху».

Корней Иванович Чуковский, Из воспоминаний об Анне Ахматовой

РЕКВИЕМ

Нет! и не под чуждым небосводом и не под защитой чуждых крыл, – я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был. 1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957 г., Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы, Не течет великая река, Но крепки тюремные затворы, А за ними «каторжные норы» И смертельная тоска. Для кого-то веет ветер свежий, Для кого-то нежится закат – Мы не знаем, мы повсюду те же, Слышим лишь ключей постылый скрежет. Да шаги тяжелые солдат. Подымались как к обедне ранней, По столице одичалой шли, Там встречались, мертвых бездыханней, Солнце ниже, и Нева туманней, А надежда все поет вдали. Приговор... И сразу слезы хлынут, Ото всех уже отделена, Слово с болью жизнь из сердца вынут, Слово грубо навзничь опрокинут, Но идет... Шатается... Одна. Где теперь невольные подружки двух моих осатанелых лет? Что им чудится в сибирской вьюге, что мерещится им в лунном круге? Им я шлю прощальный мой привет. Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался только мертвый, спокойствию рад. И ненужным привеском качался возле тюрем своих Ленинград. И когда, обезумев от муки, шли уже осужденных полки, и короткую песню разлуки Паровозные пели гудки, Звезды смерти стояли над нами, и безвинная корчилась Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных марусь.

1

Уводили тебя на рассвете, за тобой, как на выносе, шла, в темной горнице плакали дети, у божницы свеча оплыла. На губах твоих холод иконки, смертный пот на челе... Не забыть! Буду я, как стрелецкие женки, под кремлевскими башнями выть. Осень 1935, Москва

2

Тихо льется тихий Дон, желтый месяц входит в дом. Входит в шапке набекрень. Видит желтый месяц тень. Эта женщина больна, эта женщина одна. Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне.

3

Нет, это не я, это кто-то другой страдает, я бы так не могла, а то, что случилось, пусть черные сукна покроют, и пусть унесут фонари... Ночь. 1939

4

Показать бы тебе, насмешнице и любимице всех друзей, царскосельской веселой грешнице, что случится с жизнью твоей – как трехсотая, с передачей, под крестами будешь стоять и своею слезой горячею новогодний лед прожигать. Там тюремный тополь качается, и ни звука – а сколько там невинных жизней кончается... 1938

5

Семнадцать месяцев кричу, зову тебя домой, кидалась в ноги палачу, ты сын и ужас мой. Все перепуталось навек, и мне не разобрать теперь, кто зверь, кто человек, и долго ль казни ждать. И только пышные цветы, и звон кафельный, и следы куда-то в никуда. И прямо мне в глаза гляди скорой гибелью грозит огромная звезда. 1939

6

Легкие летят недели. Что случилось, не пойму, как тебе, сынок, в тюрьму. Ночи белые глядели, как они опять глядят стребиным жарким оком, о твоём кресте высокоми о смерти говорят. Весна 1939

7

ПРИГОВОР

И упало каменное слово на мою еще живую грудь. Ничего, ведь я была готова, справлюсь с этим как-нибудь. У меня сегодня много дела: надо память до конца убить, надо, чтоб душа окаменела, надо снова научиться жить. А не то... Горячий шелест лета словно праздник за моим окном. Я давно предчувствовала этот светлый день и опустелый дом. 22 июня 1939

8

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь – зачем же не теперь? Я жду тебя – мне очень трудно. Я потушила свет и отворила дверь тебе, такой простой и чудной. Прими для этого какой

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
угодно вид, Ворвись отравленным снарядом Иль с гирькой подкрадись, как опытный
бандит, Иль отрави тифозным чадом. Иль сказочкой, придуманной тобой И всем до
тошноты знакомой, –Чтоб я увидела верх шапки голубой И бледного от страха
управдома. Мне все равно теперь. Клубится Енисей, Звезда Полярная сияет. И синий
блеск возлюбленных очей Последний ужас застилает. 19 августа 1939, Фонтанный Дом

9

Уже безумие крылом Души накрыло половину, И поит огненным вином, И манит в черную
долину. И поняла я, что ему Должна я уступить победу, Прислушиваясь к своему Уже как
бы чужому бреду. И не позволит ничего Оно мне унести с собою (Как ни упрасивай его И
как ни докучай мольбою)! Ни сына страшные глаза – Окаменелое страданье, Ни день,
когда пришла гроза, Ни час тюремного свиданья, Ни милую прохладу рук, Ни лип
взволнованные тени, Ни отдаленный легкий звук – Слова последних утешений. 4 мая
1940, Фонтанный Дом

10

РАСПЯТИЕ

«Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи»

1

Хор ангелов великий час восславил, И небеса расплавились в огне. Отцу сказал:
«Почто Меня оставил!» А Матери: «О, не рыдай Мене...» 1938

2

Магдалина билась и рыдала, Ученик любимый каменел, А туда, где молча Мать
стояла, Так никто взглянуть и не посмел. 1940, Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица, Как из-под век выглядывает страх, Как клинописи
жесткие страницы Страдание выводит на щеках, Как локоны из пепельных и
черных Серебряными делаются вдруг, Улыбка вянет на губах покорных, И в сухоньком
смешке дрожит испуг. И я молюсь не о себе одной, А обо всех, кто там стоял со
мною, И в лютый холод, и в июльский зной Под красною, ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час. Я вижу, я слышу, я чувствую вас: И ту, что едва
до окна довели, И ту, что родимой не топчет земли, И ту, что красивой тряхнув
головой, Сказала: «Сюда прихожу, как домой». Хотелось бы всех поименно назвать, Да
отняли список, и негде узнать. Для них соткала я широкий покров Из бедных, у них
же подслушанных слов. О них вспоминаю всегда и везде, О них не забуду и в новой
беде, И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомиллионный народ, Пусть
так же они поминают меня В канун моего поминального дня. А если когда-нибудь в этой
стране Воздвигнуть задумают памятник мне, Согласье на это даю торжество, Но только
с условием – не ставить его ни около моря, где я родилась: Последняя с морем
разорвана связь, Ни в царском саду у заветного пня, Где тень безутешная ищет
меня, А здесь, где стояла я триста часов где для меня не открыли засов. Затем,
что и в смерти блаженной боюсь Забыть громыхание черных марушь, Забыть, как
постылая хлопала двери выла старуха, как раненый зверь. И пусть с неподвижных и
бронзовых век, Как слезы, струится подтаявший снег, И голубь тюремный пусть гулит
вдали, И тихо идут по Неве корабли. Март 1940, Фонтанный Дом

Б. К. Зайцев. 1960-е годы

Писатель Борис Зайцев, покинувший Россию в 1922 году и обосновавшийся в Париже,
так вспоминает явление «Реквиема»:

«Полвека тому назад жил я в Москве, бывал в Петербурге. Существовало тогда там...
артистическое кабаре „Бродячая Собака“... В один из приездов моих в Петербург, в
1913 году меня познакомили в этой Собаке с тоненькой изящной дамой, почти

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru красивой, видимо, избалованной уже успехом, несколько по тогдашнему манерной. Не совсем просто она держалась. А на мой, более простецко-московский глаз, слегка поламывалась... Была она поэтесса, входившая в наших молодых кругах в моду – Ахматова. Видел я ее в этой Собаке всего, кажется, один раз. На днях получил из Мюнхена книжечку стихотворений, 23 страницы, называется „Реквием“. На обложке Анна Ахматова (рис. С. Сорокина, 1913). Да, та самая... И как раз того времени... Говорят, она не любила этот свой портрет. Ее дело. А мне нравится, именно такой помню ее в том самом роковом 13-м году. И стихи написаны позже, а тогда не могли быть написаны... Эти стихи Ахматовой – поэма... (Все стихотворения связаны друг с другом. Впечатление одной цельной вещи. Дошло это сюда из России, печатается „без ведома и согласия автора“... Издано „Товариществом Зарубежных Писателей“, списки же „рукотворные“ ходят, наверное,... по России как угодно)... Да, пришлось этой изящной даме из Бродячей Собаки испить чашу, быть может, горчайшую, чем всем нам, в эти воистину „Окаянные дни“ (Бунин). Я-то видел Ахматову „царскосельской веселой грешницей“ и „насмешницей“... Можно ль было предположить тогда... что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль – женский, материнский, вопль не только о себе, но обо всех страждущих – женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаемых?

Хотела бы всех поименно назвать, Да отняли список и негде узнать. Для них создала я широкий покров из бедных, у них же подслушанных слов. В том-то и величие этих 23 страничек, что «о всех»... Опять и опять смотрю на полупрофиль Соринской остроугольной дамы 1913 года. Откуда взялась мужская сила стиха, простота его, гром слов будто обычных, но гудящих колокольным похоронным звоном, разящих человеческое сердце и вызывающих восхищение художественное? Воистину «томов премногих тяжелей». Написано двадцать лет назад. Останется навсегда безмолвный приговор зверству».

Дописав «Реквием», Анна Ахматова почувствовала, что вновь приобрела власть над словом. И сразу же принялась за большую работу.

В канун последнего мирного года к Ахматовой незванно «заявилась» «Поэма без героя».

...Я сразу услышала и увидела ее всю – какая она сейчас (кроме войны, разумеется), но понадобилось двадцать лет, чтобы из первого наброска выросла вся поэма.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек» Да, сугубо формально поэма, начатая в конце 1940 года, окончена в 1962 году, в период хрущевской весны, когда столь мгим казалось, что страна уже выбралась из котлована социализма со сталинским лицом. Но фактически Ахматова не расставалась с ней до конца земной своей жизни – текст и старел, и рос вместе с его автором.

Ни занятия Пушкиным, ни мемуарные очерки, ни работы над автобиографией, ни публицистические статьи (а публицистическим темпераментом пронизаны многие работы Ахматовой о Пушкине) – вся эта деятельность не покрывала ее тяги к прозе. Мне кажется, что у нее было стремление создать традиционный психологический роман на широком историческом фоне XX века. Но все это брожение творческих сил впитала в себя «Поэма без героя».

Эмма Герштейн, Из воспоминаний

Анна Ахматова

* * *

От странной лирики, где каждый шаг – секрет, Где пропасти налево и направо, Где под ногой, как лист увядший, слава, По-видимому, мне спасенья нет. 1944

Анна Ахматова. Голицыно. 1959 г.

И только сегодня мне удалось окончательно сформулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничто не сказано в лоб. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух строчках, но для всех понятных.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

Автограф Анны Ахматовой. Титульный лист к первому варианту «Поэмы без героя»

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ
Триптих
(1940–1965)

Deus conservat omnia [53] .
Девиз на гербе Фонтанного Дома

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече...Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) – «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943, Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ – писахъ».

Ноябрь 1944, Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940

Вс. К.

.....а так как мне бумаги не хватило, Я на твоём пишу черновике. И вот чужое слово проступает, как тогда снежинка на руке, Доверчиво и без упрека тает. И темные ресницы Антиноя [54] Вдруг поднялись – и там зеленый дым, И ветерком повеяло родным... Не море ли? Нет, это только хвоя Могильная, и в накипаньи пен все ближе, ближе... Marche funebre [55] ..Шопен... Ночь, Фонтанный Дом

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея [56] , Черно-белым веером вея, Наклоняешься надо мной, Хочешь мне сказать по секрету, Что уже миновала Лету и иною дышишь весной. Не диктуй мне, сама я слышу: Теплый ливень уперся в крышу, Шепоточек слышу в плуще. Кто-то маленький жить собрался, Зеленел, пушился, старался. Завтра в новом блеснуть плаще. Сплю – она одна надо мною. Ту, что люди зовут весной, Одиночеством я зову. Сплю – мне снится молодость наша, Та, его миновавшая чаша; Я ее тебе наяду, Если хочешь, отдам на память, Словно в глине чистое пламя Иль подснежник в могильном рву. 25 мая 1945, Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ
(Le jour des rois) [57]

Раз в Крещенский вечерок...Жуковский

Полно мне леденеть от страха,Лучше кликну Чакону Баха,А за ней войдет человек..Он не станет мне милым мужем,Но мы с ним такое заслужим,Что смутится Двадцатый Век.Я его приняла случайноЗа того, кто дарован тайной,С кем горчайшее суждено,Он ко мне во дворец фонтанныйОпоздает ночью туманнойНовогоднее пить вино.И запомнит Крещенский вечер,Клен в окне, венчальные свечиИ поэмы смертный полет...Но не первую ветвь сирени,Не кольцо, не сладость молений –Он погибель мне принесет.5 января 1956

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВАС ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬИ ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.25 августа 1941, Осажденный Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД
Петербургская повесть

Di rider finiraiPria dell' aurora.Don Giovanni [58]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно,Влажны стебли новогодних роз.1914

С Татьяной нам не ворожить...Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженных. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,Чтобы этот светился вечер,И с тобой, ко мне не пришедшим,Сорок первый встречаю год.Но...Господняя сила с нами!В хрустале утонуло пламя,«И вино, как отравы, жжет» [59] .Это всплески жесткой беседы,когда все воскресают бреды,А часы все еще не бьют...Нет меры моей тревоге,Я сама, как тень на пороге,Стерегу последний уют.И я слышу звонок протяжный,И я чувствую холод влажный,Каменею, стыну, горю...И как будто припомнив что-то,Повернувшись вполоборота,Тихим голосом говорю:«Вы ошиблись: Венеция дождей –Это рядом... Но маски в прихожейИ плащи, и жезлы, и венцыВам сегодня придется оставить.Вас я вздумала нынче прославить,Новогодние сорванцы!»Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,Дапертутто [60] , Иоканааном [61] ,Самый скромный – севернымГланом,Иль убийцею Дорианом,И все шепчут своим дианамТвердо выученный урок.А для них расступились стены,Вспыхнул свет, завыли сиреный, как купол, вспух потолок.Я не то что боюсь огласки...Что мне Гамлетовы подвязки,Что мне вихрь Саломеиной пляски,Что мне поступь Железной маски,Я еще пожелезней тех...И чья очередь испугаться,Отшатнуться, отпрянуть, сдатьсяИ замаливать давний грех?Ясно все:Не ко мне, так к кому [62] же?Не для них здесь готовился ужин,И не им со мной по пути.Хвост запрягал под фалды фрака...Как он хром и изыщен...Однако надеюсь. Владыку МракаВы не смели сюда ввести?Маска это, череп, лицо ли –Выражение злобной боли,Что лишь Гойя смел передать.Общий баловень и насмешник,Перед ним самый смрадный грешник –Воплощенная благодать...Веселиться – так веселиться,Только как же могло случиться,Что одна я из них жива?Завтра утро меня разбудит,И никто меня не осудит,И в лицо мне смеяться будетЗаоконная синева.Но мне страшно: войду сама я,Кружевную шаль не снимая,Улыбнусь всем и замолчу.С той, какою была когда-тоВ ожерелье черных агатовДо долины Иосафата [63] Снова встретиться не хочу...Не последние ль близки сроки?...Я забыла ваши уроки,Краснобай и лжепророки! –Но меня не забыли вы.Как в прошедшем грядущее зреет,Так в грядущем прошлое тлеет –Страшный праздник мертвой листвы.Б Звук

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
шагов, тех, которых нету, Е По сияющему паркету Л И сигары синий дымок. Ы И во всех
зеркалах отразился Человек, что не появившийся проникнуть в тот зал не мог. З Он
не лучше других и не хуже, Но не веет летейской стужей, А И в руке его
теплота. Гость из Будущего! – Неужели Он придет ко мне в самом деле, Л Повернув
налево с моста? С детства ряженных я боялась, Мне всегда почему-то казалось, что
какая-то лишняя тень Среди них «без лица и названья» Затесалась... Откроем собрание
новогодний торжественный день! Ту полночную Гофманиану Разглашать я по свету не
стану И других бы просила... Пстой, Ты как будто не значишься в списках, В
калиострах, магах, лизисках [64] , – Полосатой наряжен верстой, – Размалеван
пестро и грубо – Ты... ровесник Мамврийского дуба [65] , Вековой собеседник луны. Не
обманут притворные стоны, Ты железные пишешь законы, Хаммураби, ликурги, солоны
[66] У тебя поучиться должны. Существо это странного нрава. Он не ждет, чтоб
подагра и слава В попыхах усадили его в юбилейные пышные кресла, А несет по
цветущему вереску, По пустыням свое торжество. И ни в чем не повинен: ни в этом, Ни
в другом и ни в третьем... Поэтам вообще не пристали грехи. Проплясать пред ковчегом
Завета [67] Или сгинуть!... Да что там! Про это лучше их рассказали стихи. Крик
петуший нам только снится, За окошком Нева дымится, Ночь бездонна и длится, длится
– Петербургская чертовня... В черном небе звезды не видно, Гибель где-то здесь,
очевидно, Но беспечна, пряна, бесстыдна Маскарадная болтовня... Крик: «Героя на
авансцену!» Не волнуйтесь: дылда на смену Непременно выйдет сейчас! Споеет о
священной мести... Что ж вы все убегаете вместе, Слово каждый нашел по
невесте, Оставляя с глазу на глаз Меня в сумраке с черной рамой, Из которой глядит
тот самый, Ставший наигорчайшей драмой И еще не оплаканный час? Это все наплывает
не сразу. Как одну музыкальную фразу, Слышу шепот: «Прощай! Пора! Я оставлю тебя
живою. Но ты будешь моей вдовой. Ты – Голубка, солнце, сестра!» На площадке две
слитые тени... После – лестницы плоской ступени, Вопль: «Не надо!» – и в
отдаленье Чистый голос: «Я к смерти готов». Факелы гаснут, потолок опускается.
Белый (зеркальный) зал [68] снова делается комнатой автора. Слова из мрака:
Смерти нет – это всем известно, Повторять это стало пресно, А что есть – пусть
расскажут мне. Кто стучится? Ведь всех впустили. Это гость зазеркальный? Или то, что
вдруг мелькнуло в окне... Шутки ли месяц молодой, Или вправду там кто-то
снова Между печкой и шкафом стоит? Бледен лоб и глаза открыты... Значит, хрупки
могильные плиты, Значит, мягче воска гранит... Вздор, вздор, вздор! – От такого
вздоря седую сделаюсь скорой или стану совсем другой. Что ты манишь меня рукою?! За
одну минуту покоя покойный отдам покой.

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная
болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:
«Уверяю, это не ново... Вы дитя, синьор Казанова...» «На Исакиевской ровно в
шесть...» «Как-нибудь побредем по мраку, Мы отсюда еще в «Собаку» [69] ... «Вы отсюда
куда?» – «Бог весть!» Санчо Пансы и Дон-Кихоты И, увы, содомские Лоты [70]
Смертоносный пробуют сок, Афродиты возникли из пены, Шевельнулись в стекле Елены, И
безумья близится срок. И опять из фонтанного Грота [71] , Где любовная стонет
дремота, Через призрачные ворота И мохнатый и рыжий кто-то Козлоногую приволок. Всех
наряднее и всех выше, Хотя не видит она и не слышит – Не клянёт, не молит, не
дышит, Голова Madame de Lamballe, А смиренница и красотка, Ты, что козью пляшешь
чечетку, Снова гулишь томно и кротко: «Que me veut mon Prince Carnaval?» [72] И в
то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена
появляется. Она же (а может быть – ее тень):
Как копытца, топчут сапожки, Как бубенчик, звенят сережки, В бледных локонах
злые рожки, Окаянной пляской пьяна, – Слово с вазы чернофигурной Прибежала к волне
лазурной Так парадно обнажена. А за ней в шинели и в каске Ты, вошедший сюда без
маски, Ты, Иванушка древней сказки, Что тебя сегодня томит? Сколько горечи в каждом
слове, Сколько мрака в твоей любви, И зачем эта струйка крови Берedit лепесток
ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иль того ты видишь у своих колен, Кто для белой смерти твой покинул плен? 1913
Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в
ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени.
Одним кажется, что это Коломба. Другим – Донна Анна (из «Шагов Командора»). За
мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:
Распахнулась атласная шубка! Не сердись на меня, Голубка, что коснусь я этого
кубка: Не тебя, а себя казню. Все равно подходит расплата – Видишь там, за вьюгой
крупчатой, Мейерхольдовы арапчата. Затевают опять возню. А вокруг старый город
Питер, что народу бока по вытер (как тогда народ говорил), – В гривах, в сбруях, в
мучных обозах, В размалеванных чайных розах И под тучей вороньих крыл. Но летит,
улыбаясь мнимо, Над Мариинскою сценой prima, Ты – наш лебедь непостижимый, – И
острит опоздавший сноб. Звук оркестра, как с того света (Тень чего-то мелькнула
где-то), Не предчувствием ли рассвета По рядам пробежал озноб? И опять тот голос
знакомый, Будто эхо горного грома, – Ужас, смерть, прощенье, любовь... Ни на что на
земле не похожий, Он несется, как вестник Божий, Настигая нас вновь и вновь. Сучья
в иссиня-белом снеге... Коридор Петровских коллегий [73] Бесконечен, гулок и
прямо (что угодно может случиться, но он будет упрямо сниться) Тем, кто нынче
проходит там). До смешного близка развязка; Из-за ширм Петрушкина маска [74] ,
[75] Вкруг костров кучерская пляска, Над дворцом черно-желтый стяг...

Анна Павлова – прима-балерина Императорского Мариинского театра
Но летит, улыбаясь мнимо, Над Мариинскою сценой prima, Ты – наш лебедь
непостижимый...

Федор Шалапин в роли Демона. Константин Коровин. Эскиз афиши к опере
И опять тот голос знакомый, Будто эхо горного грома, Наша слава и тожество! Он
сердца наполняет дрожью, И несется по бездорожью, Над страной вскормившей его... Все
уже на местах, кто надо; Пятым актом из Летнего сада Пахнет... Приznak цусимского
ада Тут же. – Пьяный поет моряк... Как парадно звенят полозья И волочатся полость
козья. Мимо, тени! – Он там один. На стене его твердый профиль. Гавриил или
Мефистофель Той, красавица, паладин? Демон сам с улыбкой Тамары, Но такие таятся
чары В этом страшном дымном лице – Плоть, почти что ставшая духом, И античный локон
над ухом – Все таинственно в пришлеце. Это он в переполненном зале Слал ту черную
розу в бокале Или все это было сном? С мертвым сердцем и мертвым взором Он ли
встретился с командором, В тот пробравшись проклятый дом? И его поведано
словом, Как вы были в пространстве новом, Как вне времени были вы, – И в каких
хрустальных полярных, И в каких сияньях янтарных Там, у устья Леты – Невы. Ты сбежала
сюда с портрета, И пустая рама до светана стене тебя будет ждать. Так плясать тебе
– без партнера! Я же роль рокового хора На себя согласна принять. На щеках твоих
алые пятна; Шла бы ты в полотно обратно; Ведь сегодня такая ночь, Когда нужно
платить по счету... А дурманящую дремоту Мне трудней, чем смерть, превозмочь. Ты в
Россию пришла ниоткуда, О мое белокурое чудо, Коломбина десятых годов! Что глядишь
ты так смутно и зорко, Петербургская кукла, актерка, Ты – один из моих двойников. К
прочим титулам надо и этот Приписать. О подруга поэтов, Я наследница славы
твоей, Здесь под музыку дивного мэтра – Ленинградского дикого ветра И в тени
заповедного кедровижу танец придворных костей... Оплывают венчальные свечи, Под
фатой «поцелуйные плечи», Храм гремит: «Голубица, гряди!» [76] Горы пармских
фиалок в апреле – И свиданье в Мальтийской капелле [77] , Как проклятье в твоей
груди. Золотого ль века виденье Или черное преступленье В грозном хаосе давних
дней? Мне ответь хоть теперь: неужели Ты когда-то жила в самом деле И топтала торцы
площадей Ослепительной ножкой своей?... Дом пестрей комедьянтской фуры, Облупившиеся
амуры Охраняют Венерин алтарь. Певчих птиц не сажала в клетку, Спальню ты убрала
как беседку, Деревенскую девку-соседку Не узнает веселый скобарь [78] . В стенах
лесенки скрыты витые, А на стенах лазурных святые – Полукрадено это добро... Вся в
цветах, как «Весна» Боттичелли, Ты друзей принимала в постели, И томился
драгунский Пьеро, – Всех влюбленных в тебя суеверней Тот, с улыбкой жертвы
вечерней, Ты ему как стали – магнит. Побледнев, он глядит сквозь слезы, Как тебе
протянули розы И как враг его знаменит. Твоего я не видела мужа, Я, к стеклу
приникавшая стужа... Вот он, бой крепостных часов... Ты не бойся – дома не мечу,
– Выходи ко мне смело навстречу – Гороскоп твой давно готов...

К.А. Сомов. наброски костюма Коломбины для А. Павловой. 1909 г.
Когда в июне 1941 г. я прочла арине ветаевой кусок поэмы (первый набросок), она
Страница 125

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
довольно язвительно сказала: «Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году
писать об Арлекинах, Коломбинах и Пьеро», очевидно полагая, что
поэма «мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова, т. е. то, с чем она,
может быть, боролась в эмиграции, как с старомодным хламом. Время показало, что
это не так.

Анна Ахматова, Из «Записных книжек»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ведь под аркой на Галерной...А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,Словно солнце мы похоронили в нем.О. Мандельштам

То был последний год...М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском
Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,И валились с мостов кареты,И весь траурный город
плылПо неведомому назначенью,По Неве иль против теченья, –Только прочь от своих
могил.На Галерной чернела арка,В Летнем тонко пела флюгарка,И серебряный месяц
яркоНад серебряным веком стыл.Оттого, что по всем дорогам,Оттого, что ко всем
порогамПриближалась медленно тень,Ветер рвал со стены афиши,Дым плясал вприсядку
на крышей кладбищем пахла сирень.И царицей Авдотьей заклятый,Достоевский и
бесноватый,Город в свой уходил туман.И выглядывал вновь из мракаСтарый питерщик
и гуляка,Как пред казнь бил барабан...И всегда в духоте морозной,Предвоенной,
блудной и грозной,Жил какой-то будущий гул...Но тогда он был слышен глуше,Он почти
не тревожил душиИ в сугробах невских тонул.Словно в зеркале страшной ночиИ
беснуется и не хочетУзнавать себя человек, –А по набережной
легендарнойПриближался не календарный –Настоящий Двадцатый Век.А теперь бы домой
скорееКамероновой ГалереейВ ледяной таинственный сад,Где безмолвствуют
водопады,Где все девять [79] мне будут рады,Как бывал ты когда-то рад.Там за
островом, там за садомРазве мы не встретимся взглядомНаших прежних ясных
очей,Разве ты мне не скажешь сноваПобедившее смертью словоИ разгадку жизни моей?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны близки смертные черты.Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамини. В него
будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары
колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак дворцового
бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,На чьем сердце «палевый локон»,У кого пред глазами
тьма? –«Помогите, еще не поздно!никогда ты такой морознойИ чужою, ночь, не
была!»Ветер, полный балтийской соли,Бал метелей на Марсовом Поле,И невидимых
звон копыт...И безмерная в том тревога,Кому жить осталось немного,Кто лишь смерти
просит у БогаИ кто будет навек забыт.Он за полночь под окнами бродит,На него
беспощадно наводитТусклый луч угловой фонарь, –И дождался он. Стройная маскана
обратном «Пути из Дамаска»Возвратилась домой... не одна!кто-то с ней «без лица и
названья»...Недвусмысленное расставаньеСквозь косое пламя костраОн увидел. –
Рухнули зданья...И в ответ обрывок рыданья:«Ты – Голубка, солнце, сестра! –Я
оставлю тебя живою,Но ты будешь моей вдовою,А теперь...Прощаться пора!»На площадке
пахнет духами,И драгунский корнет со стихамиИ с бессмысленной смертью в
грудиПозвонит, если смелости хватит...Он мгновенье последнее тратит,Чтобы славить
тебя.Гляди:Не в проклятых Мазурских болотах,Не на синих Карпатских высотах...Он –
на твой порог!Поперек.Да простит тебя Бог!(Сколько гибелей шло к поэту,Глупый
мальчик: он выбрал эту,– Первых он не стерпел обид,Он не знал, на каком порогеОн
стоит и какой дорогиПеред ним откроется вид...)Это я – твоя старая
совестьРазыскала сожженную повестьИ на край подоконникаВ доме покойникаПоложила
– и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМАИ, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.НУ, А ВДРУГ КАК
ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, –И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКАНА ПРИЗЫВ ЭТОТ
СТРАШНЫЙ ЗВУК –КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ –И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РЕШКА

...я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость. Пушкин

In my beginning is my end. T. S. Eliot [80]

...жасминный куст, Где Данте шел и воздух пуст. Н. К.

Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 г. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать

I

Мой редактор был недоволен, Клялся мне, что занят и болен, Засекретил свой телефони ворчал: «Там три темы сразу! Дочитав последнюю фразу, Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался, Кто погиб, и кто жив остался, И кто автор, и кто герой, –И к чему нам сегодня эти Рассуждения о поэте И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое – главный был наряжен верстою, А Другой как демон одет, –Чтоб они столетьям достались, Их стихи за них постарались, Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова Выпадало за словом слово, Музыкальный ящик гремел. И над тем флаконом надбитым языком кривым и сердитым Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что эта пишу для Артура либретто, И отбоя от музыки нет. А ведь сон – это тоже вещь, Soft embalmer [81], Синяя птица, Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада, Этой адской арлекинады Издалека слышав вой. Все надеялась я, что мимо Белой залы, как хлопья дыма, Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой. Это старый чудит Калиостро – Сам изящнейший сатана, Кто над мертвым со мной не плачет, Кто не знает, что совесть значит И зачем существует она.

VIII

Карнавальная полночь римской И не пахнет. Напев Херувимской У закрытых церквей дрожит. В дверь мою никто не стучится, Только зеркало зеркалу снится, Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая», Полумертвая и немая, Рот ее сведен и открыт, Слово рота трагической маски, Но он черной замазан краской И сухой землей набит.

X

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка», Но ни слова, ни стопа, ни крика Не услышать ее врагу. И проходят десятилетия, Попытки, ссылки и казни – петь я в этом ужасе не могу.

XI

И особенно, если снится То, что с нами должно случиться: Смерть повсюду – город в огне, И Ташкент в цвету подвенечном... Скоро там о верном и вечном Ветер азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти Я по горло сыта. Повертеть, Вижу их, что ни ночь, во сне. Отлучить от стола и ложа – Это вздор еще, но негоже Выносить, что досталось мне.

XIII

Ты спроси у моих современниц, Каторжанок, «стопятниц», пленниц, И тебе порасскажем мы, Как в беспамятном жили страхе, Как растили детей для плахи, Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы, Обезумевшие Гекубы И Кассандры из Чухломы, Загремим мы

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
безмолвным хором, Мы, увенчанные позором: «По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне? Не дари, не дари, не дари мне диадему с мертвого
лба. Скоро мне нужна будет лира, Но Софокла уже, не Шекспира. На пороге стоит –
Судьба.

XVI

Не боюсь ни смерти, ни срама, Это тайнопись, криптограмма, Запрещенный это
прием. Знают все, по какому краю лунатически я ступаю и в какой направляюсь дом.

XVII

Но была для меня та тема как раздавленная хризантема на полу, когда гроб
несут. Между «помнить» и «вспомнить», други, Расстояние, как от Лугидо страны
атласных баут [82] .

XVIII

Бес попутал в укладке рыться... Ну, а как же могло случиться, что во всем виновата
я? Я – тишайшая, я – простая, «Подорожник», «Белая стая»... Оправдаться... но как,
друзья?

XIX

Так и знай: обвинят в плагиате... Разве я других виноватей? Впрочем, это мне все
равно. Я согласна на неудачу и смущенье свое не прячу... У шкатулки ж тройное дно.

XX

Но сознаюсь, что применила Симпатические чернила... Я зеркальным письмом пишу, и
другой мне дороги нету – чудом я набрела на эту и расстаться с ней не спешу.

XXI

Чтоб посланец давнего века из заветнейших снов Эль Греко объяснил мне совсем без
слов, А одной улыбкою летней, как была я ему запретней всех семи смертельных
грехов.

XXII

И тогда из грядущего века незнакомому человеку пусть посмотрят дерзко глаза, чтобы
он отлетающей тени дал охапку мокрой сирени в час, как эта минет гроза.

XXIII

А столетняя чаровница [83] вдруг очнулась и веселиться захотела. Я ни при
чем. Кружевной роняет платочек, томно жмурится из-за строчки брюлловским манит
плечом.

XXIV

Я пила ее в капле каждой бесовскою черной жадью Одержима, не знала, как мне
разделаться с бесноватой: я грозила ей Звездной Палатой [84] и гнала на родной
чердак [85] –

XXV

В темноту, под Манфредовы ели, и на берег, где мертвый Шелли, прямо в небо глядя,
лежал, – и все жаворонки всего мира [86] Разрывали бездну эфира и факел Георг [87]
держал.

XXVI

Но она твердила упрямо: «Я не та английская дама и совсем не Клара Газуль [88]
, все нет у меня родословной, кроме солнечной и баснословной, и привел меня сам
Июль.

XXVII

А твоей двусмысленной славе, двадцать лет лежавшей в канаве, я еще не так
послужу, мы с тобой еще попируем, и я царским моим поцелуем злую полночь твою
награжу». 5 января 1941, Фонтанный Дом; в Ташкенте и после

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему Евдокия Лопухина;

Да пустыни немых площадей, где казнили людей до рассвета. Анненский

Люблю тебя, Петра творенье! Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного все как
на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы
и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и
за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в
общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома, где вечерняя бродит истомас фонарем и связкой
ключей, – я аюкалась с дальним эхом, неуместным смущая смехом непробудную соню
вещей, где, свидетель всего на свете, на закате и на рассвете смотрит в комнату

Ахматова Анна Я научилась просто, мудро жить akhmatovaanna.ru
старый клени, предвидя нашу разлуку, Мне иссохшую черную руку, Как за помощью
тянет он. Но земля под ногой гудела, И такая звезда [89] глядела. Мой еще не
брошенный доми ждала условного звука... Это где-то там – у Тобрука, Это где-то здесь
– за углом. Ты не первый и не последний Темный слушатель светлых бредней, Мне какую
готовишь мечь? Ты не выпьешь, только пригубишь Эту горечь из самой глубины – Этой
нашей разлуки весть. Не клади мне руку на темя – Пусть навек остановится время На
тобою данных часах. Нас несчастье не минует, И кукушка не закукует В опаленных
наших лесах...

* * *

А за проволокой колючей, В самом сердце тайги дремучей – Я не знаю, который год, –
Ставший горстью лагерной пыли, Ставший сказкой из страшной были, Мой двойник на
допрос идет. А потом он идет с допроса, Двум посланцам Девки безносой Суждено
охранять его. И я слышу даже отсюда – Неужели это не чудо! – Звуки голоса
своего: За тебя я заплатила Чистоганом, Ровно десять лет ходила Под наганом, Ни
налево, ни направо Не глядела, А за мной худая слава Шелестела.

* * *

А не ставший моей могилой, Ты, крамольный, опальный, милый, Побледнел, помертвел,
затих. Разлучение наше мнимо: Я с тобою неразлучима, Тень моя на стенах
твоих, Отраженье мое в каналах, Звук шагов в Эрмитажных залах, Где со мною мой друг
бродил, И на старом Волковом Поле [90], Где могу я рыдать на воле Над безмолвием
братских могил. Все, что сказано в Первой части О любви, измене и страсти Сбросил с
крыльев свободный стих, И стоит мой Город «зашитый»... Тяжелы надгробные плиты На
бессонных очах твоих. Мне казалось, за мной ты гнался, Ты, что там погибать
остался В блеске шпилей, в отблеске вод. Не дождался желанных вестниц... Над тобой –
лишь твоих прелестниц, Белых ноченек хоровод. А веселое слово – дома – Никому
теперь незнакомо, Все в чужое глядят окно. Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке, И
изгнания воздух горький – Как отравленное вино. Все вы мной любоваться могли
бы, Когда в брюхе летучей рыбы от злой погони спаслась И над полным врагами
лесом, Словно та, одержимая бесом, Как на Брокен ночной неслась... И уже предо мною
прямо Леденела и стыла Кама, И «Quo vadis?» [91] кто-то сказал, Но не дал
шевельнуть устами, Как тоннелями и мостами Загремел сумасшедший Урал. И открылась
мне та дорога, По которой ушло так много, По которой сына везли, И был долог путь
погребальный Среди торжественной и хрустальной Тишины Сибирской Земли. От того, что
сделалось прахом, Обуянная смертным страхом И отмщения зная срок, Опустивши глаза
сухие И ломая руки, Россия Предо мною шла на восток.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!